

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

49 2019
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 49 (287) / 2019

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук (Узбекистан)
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Федор Петрович Гааз* (1780–1853), московский врач немецкого происхождения, филантроп, которого при жизни называли «святой доктор».

Федор Петрович (нем. Фридрих Йозеф) родился в Бад-Мюнстерайфеле (Пруссия) в многодетной и небогатой семье аптекаря. Все свое детство и молодость он провел на родине, где получил отличное медицинское и философское образование в престижнейших Йенском и Геттингенском университетах.

В 1806 году Гааз приехал в Россию в качестве домашнего врача семейства Репниных-Волконских. Будучи главным врачом военного госпиталя, Гааз ездил по Северному Кавказу, где открыл, исследовал и подробно описал источники целебных минеральных вод, вокруг которых позднее возникли известные курорты — Железноводск, Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск. Когда армия Наполеона вторглась в Россию, доктор сопровождал русские войска в походах от Москвы до Парижа: оперировал, лечил больных, контуженых, раненых, переводил с французского, беседовал с солдатами и офицерами.

После получения отставки Гааз ненадолго уехал на родину. Похоронив отца, он окончательно вернулся в Россию, в совершенстве овладел русским языком и даже взял русское имя. По предложению генерал-губернатора Москвы князя Голицына Гааз возглавил медицинское ведомство города. Он активно боролся со злоупотреблениями чиновников, чем, конечно же, вызывал их недовольство.

Именно Гааз впервые в России разработал основные положения о работе городской неотложной медицинской помощи. Московские власти отрицательно отнеслись к этому начинанию, сочтя его «излишним» и «бесполезным». Гааз был вынужден подать в отставку.

В 1829 году он стал членом попечительного комитета о тюрьмах и главным врачом московских тюрем. Он выступал за отмену пересылки арестованных «на пруте» (группы осужденных по 8–10 человек прикреплялись на ручниками к одному пруту, который не снимался даже по ночам) и за облегчение кандалов. Гааз добился того, что своей властью мог заменять прут на кандалы. Он также разработал новые кандалы меньшего веса с кожаными подкандалниками, препятствовавшими образованию язв и отморожению конечностей.

Федор Петрович уделял особое внимание судьбам детей арестованных, боролся против разлучения их с родителями. На собранные им средства в пересыльной тюрьме на Воробьевых горах была учреждена больница

для арестантов и при ней открыта школа для арестантских детей.

Арестанты с уважением относились к Гаазу, называли его «святым доктором». В Нерчинском остроге в память о нем ссыльными была установлена икона великомученика Феодора Тирона. О Гаазе с уважением и теплотой писали Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, М. Горький.

Любил доктор Гааз не только людей, но и животных, и с особенной нежностью относился к лошадям, выполнявшим тяжелый труд. Он покупал их на специальном рынке, где продавали уже непригодных, «разбитых» лошадей как «конину», и тихонько ездил на них, а когда они по болезни и старости отказывали окончательно, отпускал их свободно доживать свой век, а сам вновь покупал таких же изношенных, спасая их от ножа и бойни. Часто, проголодавшись в дороге, Гааз выходил из своей старомодной коляски и покупал четыре калача — один для себя, другой для кучера и по калачу для каждой лошади. Всю же имевшуюся у него провизию, как и подарки, он всегда отдавал заключенным.

Его считали юродивым, сумасшедшим: доказывая свою правоту, он часто выглядел нелепо — суетился, хватался за голову, размахивал руками.

Когда его хоронили, более 20 тысяч человек пришли проводить доктора в последний путь на Введенское кладбище в Москве. В православных храмах служились панихиды по немцу-католику. А на могильном камне высекали слова: «Спешите делать добро», которым он всегда следовал и которые можно считать его завещанием всем нам.

После его смерти в скромной квартирке доктора в Гаазовской больнице нашли плохую мебель, поношенную одежду, несколько рублей денег, книги и астрономические инструменты. Они были единственной слабостью покойного, и он покупал их, отказывая себе во многом остальном. После тяжелого трудового дня он отдыхал, глядя в телескоп на звезды.

В 1897 году А. И. Полем была опубликована книга, написанная Гаазом, «Призыв к женщинам». В этом своего рода духовном завещании автора изложены нравственные и религиозные начала его жизни.

Память о Федоре Петровиче увековечена в названиях улиц, городских приютов, школ, больниц и памятниках «святому доктору».

В 2011 году в архиепархии Кёльна начался канонический процесс причисления Федора Гааза к лику блаженных.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Попов С. С.**
Градообразующие предприятия и особенности реализации их имущества в процессе банкротства 391
- Попов С. С.**
Сельскохозяйственные организации и особенности реализации их имущества в процессе банкротства 393
- Пронько Н. П.**
Основания, препятствующие рассмотрению дел в особом порядке..... 394
- Пустовалов Е. В., Лукманов Р. Г.**
Классификация субъектов налоговых правоотношений 397
- Редикульцев Я. В.**
Международные санкции как средство ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации..... 399
- Рогова А. Д.**
Обычная хозяйственная деятельность по закону о несостоятельности (банкротстве) 402
- Рямов А. А.**
Деофшоризация российской экономики..... 404
- Саава Я. А.**
Аудиозапись как средство доказывания в гражданском процессе 407
- Саава Я. А.**
Электронные доказательства в гражданском процессе..... 409
- Саргсян С. М.**
Пути преодоления пробелов и недостатков законодательства при выселении граждан из жилых помещений, предоставленных по договору социального найма 411
- Сигачева Т. В.**
Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям, по Семейному кодексу РФ..... 413
- Сигачева Т. В.**
Предмет договора об осуществлении опеки или попечительства 415
- Смирнова А. В.**
Мера семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав 417
- Старицына Е. Е., Толстолужинская Е. М.**
Значение мысленной криминалистической модели для расследования преступлений 418
- Старчекова Е. А.**
История развития института наказаний, связанных с изоляцией от общества в дореволюционной России..... 420
- Старчекова Е. А.**
История развития института наказаний, связанных с изоляцией от общества в послереволюционной России 423
- Степанец С. В., Игошкина М. Е.**
Обращение в доход государства имущества коррупционеров 425
- Ступко М. Ю.**
Имплементация общепризнанных норм международного права в Конституцию Российской Федерации: политические и правовые аспекты..... 428
- Татаринцева Т. А., Конвисарева Л. П.**
Коррупция и антикоррупционное воспитание 432

Титосян Е. А. Проблемы и перспективы функционирования органов дознания в уголовном судопроизводстве 435	Шабалин Е. В. Основания отказа в принятии заявления о признании гражданина банкротом 443
Хахов А. А. Нормативные правовые акты и их место в системе правовых актов современной России 437	Шевелев И. В. Полномочия прокурора при избрании мер пресечения 446
Холодилина Ю. О. История становления института необходимой обороны в отечественном уголовном праве ... 439	Щербакова В. Д. Развитие законодательства о суде присяжных в России в период с 9 мая 1878 года по 7 июля 1889 года 448
Цыганова А. А. Восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав участников хозяйственных обществ 441	Щеткина А. С. Роль нотариуса в создании наследственного фонда 451
	Цигорец Л. А. Некоторые аспекты взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами 453

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Градообразующие предприятия и особенности реализации их имущества в процессе банкротства

Попов Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Научная статья посвящена анализу порядка, проблем, а также развитию этапа реализации имущества градообразующего предприятия в рамках института банкротства в Российской Федерации на современном этапе.

В центре внимания автора — рассмотрение алгоритма функционирования и использования института банкротства градообразующего предприятия и процедуры реализации имущества такого предприятия-должника, в частности. Выявления проблем в рамках применения данного механизма институте банкротства.

Результатом научной работы является обнаружение пробелов и несовершенств в современном законодательстве, в данной сфере.

Ключевые слова: градообразующее предприятие, предприятие, конкурсное производство, местное самоуправление, банкротство, работающее население.

На сегодняшний день нет единого определения градообразующих предприятий, но нормативно-правовые акты используют одинаковый критерий отнесения предприятия к числу градообразующих — это доля работающего населения, которую составляют работники именно этого предприятия в населенном пункте.

В качестве примера можно взять действующий Закон Ивановской области от 14 декабря 2000 года № 89-ОЗ «О поддержке градообразующих предприятий, расположенных на территории Ивановской области», где в статье № 1 градообразующими предприятиями (организациями) признаются юридические лица, численность работников которых составляет не менее двадцати пяти процентов численности работоспособного населения соответствующего поселения, либо юридические лица, удельный вес поступлений налоговых платежей в бюджет муниципального образования, которых составляет не менее двадцати пяти процентов [5].

Наиболее актуальное определение градообразующих предприятий содержится в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1]. Где, в статье 169, градообразующие предприятия понимаются как предприятия, на которых работают не менее 25 % работающего населения соответствующего населенного пункта, а также предприятия, численность работников которых превышает 5000 человек

Расчет соотношения работников предприятия с общим числом работающего населения производится исходя из критериев, введенных письмом Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 14 февраля 2014 г. № 03-03-06/1/6142 [2], а также письмом Росстата от 12.04.2013 № МД-08-2/1168-ДР [3]. Исходя из этого, ведётся подсчёт соотношения численности занятого населения, полученного в результате Всероссийской переписи населения и численности работников организации, включая все филиалы и все обособленные подразделения на дату возбуждения дела о банкротстве градообразующего предприятия [].

Помимо этого необходимо учесть, что законодатель выделяет перечень моногородов, сформированных в привязке к градообразующим предприятиям (Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р «Об утверждении перечня моногородов» [4]). По состоянию на август 2019 года в перечень входят 319 моногородов и градообразующих предприятий.

Исходя из сути определения градообразующего предприятия следует, что процедура его банкротства имеет ощутимые для населения города, социально-экономические последствия, такие как:

Увольнение существенного числа работников и как следствие, повышение уровня безработицы в населенном пункте, а иногда и в регионе в целом,

Рост нагрузки на городской и муниципальные бюджеты в связи с выплатами уволенным работникам, а также сокращение доходов бюджета в связи с ликвидацией основного налогоплательщика,

Экономическая нагрузка на другие организации, связанные с градообразующим предприятием, часто полностью зависимые от него,

Утрата или значительно ухудшение состояния инфраструктурных объектов и жилищно-коммунальных объектов, а также часто социальных объектов — учреждений образования, здравоохранения и культуры и иные неблагоприятные последствия [8].

В силу существенного ущерба, который наступает в результате банкротства градообразующих предприятий, нормы законодательства в массе своей нацелены на профилактику его банкротства. Государство в лице органов государственной власти и местного самоуправления активно вмешивается в экономические процессы в целях недопущения кризисных ситуаций в деятельности градообразующих предприятий и, особенно на стадии банкротства. Такое вмешательство предусмотрено вышеупомянутым Законом о банкротстве, и выражается в виде обязательного участия органов местного самоуправления в процедуре банкротства предприятия, а также возможности привлечения органов государственной власти к участию в деле для государственного поручительства. Органы власти Российской Федерации, ее субъектов и органы местного самоуправления принимают на себя обязательство отвечать за исполнение должником обязательств перед кредиторами в ходе любой банкротной процедуры (ст. 173 Закона о банкротстве), в том числе и полностью оплатить долги градообразующего предприятия в ходе конкурсного производства (ст. 174 Закона о банкротстве).

Главная особенность процедуры конкурсного производства состоит в том, что органы власти и местного

самоуправления наделены правом ходатайствовать об установлении дополнительных условий купли-продажи градообразующего предприятия. Подобным условием, прямо прописанным законодателем, является обязательство покупателя сохранения рабочих мест не менее, чем для 50 % работников на определенный срок (п.2 ст. 145 Закона о банкротстве). Максимально допустимый срок сохранения рабочих мест — три года, что позволяет работникам временной промежуток, необходимый для нахождения новой работы. Другие условия могут устанавливаться с согласия собрания кредиторов. Эти условия направлены на минимизацию отрицательных социально-экономических эффектов в процессе процедуры банкротства градообразующего предприятия, отмеченных выше. Как показывает анализ судебной практики, проведенный И. В. Ершовой, такими дополнительными требованиями являются, как правило, установление требований по сохранению рабочих мест в большем, чем установлено Законом о банкротстве, объеме [7].

Предусмотренные законом требования непосредственно влияют на возможную процедуру реализации имущества должника. Продажа имущества осуществляется только единым комплексом имущества в ходе процедуры конкурсного производства.

В литературе довольно критически оценивается участие государства в банкротстве градообразующих предприятий, а также в иных банкротных процедурах в качестве поручителя, поскольку в некоторых случаях такие предприятия объективно являются банкротами и создают дополнительную нагрузку на бюджет, не имея шансов на реальное финансовое оздоровление [6]. В то же время, участие в процедуре конкурсного производства, на наш взгляд, является необходимым.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»
2. Письмо Департамента налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России от 14 февраля 2014 г. № 03-03-06/1/6142.
3. Письмо Росстата от 12.04.2013 № МД-08-2/1168-ДР
4. Распоряжение Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р (ред. от 24.11.2015) «Об утверждении перечня моногородов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 августа 2014 г. № 31 ст. 4448.
5. Закон Ивановской области от 14 декабря 2000 года № 89-ОЗ «О поддержке градообразующих предприятий, расположенных на территории Ивановской области»
6. Зуй, И. В. Особенности государственного участия в делах о банкротстве в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2019. № 1. с. 92–94.
7. Ершова, И. В. Банкротство градообразующих организаций: законодательство, доктрина, судебная практика // Пробелы в российском законодательстве 2014 № 5 с. 74.
8. Хомякова, А. А. Банкротство градообразующих предприятий: особенности и последствия для региональной экономики // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2011. № 4. с. 88.

Сельскохозяйственные организации и особенности реализации их имущества в процессе банкротства

Попов Сергей Сергеевич, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Научная статья посвящена анализу порядка, проблем, а также развитию этапа реализации имущества сельскохозяйственных организаций в рамках института банкротства в Российской Федерации на современном этапе.

В центре внимания автора — рассмотрение алгоритма функционирования и использования института банкротства сельскохозяйственной организации и процедуры реализации имущества такой организации-должника, в частности. Выявления проблем в рамках применения данного механизма институте банкротства.

Результатом научной работы является обнаружение пробелов и несовершенств в современном законодательстве, в данной сфере.

Ключевые слова: сельскохозяйственная организация, сельскохозяйственная продукция, единый лот, экономическое значение, продажа имущества, банкротство.

Определение сельскохозяйственной организации законодатель даёт в Федеральном законе «О развитии сельского хозяйства», где применяет термин сельскохозяйственный товаропроизводитель, под которым понимает — организацию, индивидуального предпринимателя, которые осуществляют производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах) в соответствии с перечнем, утверждаемым Правительством Российской Федерации, и реализацию этой продукции при условии, что в доходе сельскохозяйственных товаропроизводителей от реализации товаров (работ, услуг) доля дохода от реализации этой продукции составляет не менее чем семьдесят процентов за календарный год [1].

Стоит отметить, что использовавшиеся ранее критерии относимости к сельскохозяйственным организациям содержащиеся в Приложении к Приказу Минфина России и Госналогслужбы России от 16 декабря 1998 г. № 255, 30 ноября 1998 г. № ГВ-3-09/313 [5], так же до сих пор де-юре актуальны и не утратили силу, но де-факто их можно признать «мертвой нормой», так как фактически данную классификацию ныне не используют.

Так же определение сельскохозяйственной организации дано в статье 177 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», где сельскохозяйственными организациями признаются лица, основными видами деятельности которых указаны в ЕГРЮЛ производство сельскохозяйственной продукции или производство и переработка сельскохозяйственной продукции (соответствующие коды раздела 01 по ОКВЭД [6]), при этом выручка от реализации сельскохозяйственной продукции должна составлять не менее, чем 50 % от общей суммы выручки предприятия-должника [2].

Аналогичные правила применяются при банкротстве рыболовецких артелей (колхозов) при соблюдении ус-

ловия о том, что выручка от реализации сельскохозяйственной продукции и уловов водных биологических ресурсов составляет не менее 70 % от общей выручки предприятия-должника.

Особенности проведения банкротных процедур в отношении рассматриваемых субъектов связаны, на наш взгляд, с такими основными обстоятельствами:

— особенность имущества, принадлежащего должнику. Так, законодательством РФ установлены ограничения в использовании земельных участков, водных объектов, которые могут входить в состав имущества должника в форме имущественных прав;

— экономическое значение сельскохозяйственной деятельности, в том числе, для экономики региона, и ее сезонный характер;

— социальное значение организации-должника, с учетом структуры рынка труда в соответствующей местности нахождения сельскохозяйственной организации или рыболовецких артелей.

Учитывая эти особенности организации-должника непосредственно для процедуры конкурсного производства установлены следующие особенности:

— необходимость учета ограничений, установленных земельным законодательством [4, 8], а также законодательством о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов [3];

— особый порядок реализации имущества должника (ст. 179 Закона о банкротстве). Предусмотренный порядок имеет целью максимально сохранить имущественный комплекс, который имеет большое экономическое значение и может быть использован для производства сельскохозяйственной или рыболовецкой продукции. При невозможности реализовать предприятие, конкурсный управляющий предпринимает меры к реализации всего имущества единым лотом как единый производственно-технологический комплекс должника.

Продажа имущества отдельными лотами осуществляется только при невозможности реализовать имущество единым лотом.

— установление преимущественного права покупки имущества должника, продаваемого отдельными лотами, которое предоставляется сельскохозяйственным производителям, земельные участки которых непосредственно прилегают к земельному участку должника, признанного банкротом. Необходимость фактической реализации преимущественного права налагает дополнительные обязанности на конкурсного управляющего, например, обязанность опубликовать сведения о продаже имущества в печатном органе по месту нахождения должника и известить о продаже имущества должника сельскохозяйственных производителей, владеющих прилегающими земельными участками.

Последняя особенность также означает, что количество процедур торгов, проводимых для реализации иму-

щества сельскохозяйственного предприятия, существенно увеличивается и может достигать семи процедур. Это усиливает влияние негативных факторов, указанных в работе ранее — низкая эффективность конкурсных процедур и длительность их проведения.

Также С. П. Воробьев на основе анализа практики банкротств сельскохозяйственных предприятий на примере Алтайского края выделил две основные проблемы:

1. Создание предприятия-двойника, которому передаются активы предприятия-должника и проведение процедуры банкротства с целью ухода от накопившихся долгов. Такое банкротство дает временное улучшение финансового положения, но при условии сохранения общей неблагоприятной экономической обстановки, вопрос о банкротстве возникает по истечении двух лет;

2. «Рейдерский» захват земель сельскохозяйственного назначения и преднамеренные банкротства сельскохозяйственных предприятий [7].

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СЗ РФ 2007, № 1 (1 ч.), ст. 27,
2. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.11.2019) «О несостоятельности (банкротстве)» // «Собрание законодательства РФ», 28.10.2002, N 43, ст. 4190,
3. Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 52 (часть I) ст. 5270.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ЗК РФ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 октября 2001 г. № 44 ст. 4147;
5. Приложение к Приказу Минфина России и Госналогслужбы России от 16 декабря 1998 г. № 255, 30 ноября 1998 г. № ГБ-3—09/313 // «Финансовая газета», № 52, 1998
6. ОК 029—2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст)
7. Воробьев, С. П. Актуальные проблемы банкротства сельскохозяйственных предприятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2013. № 5. с. 141—145.
8. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3018.

Основания, препятствующие рассмотрению дел в особом порядке

Пронько Никита Петрович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В настоящее время мнение о том, что особый порядок судопроизводства экономит интеллектуальные и материальные ресурсы следователей и дознавателей и «упрощает» работу государственных обвинителей, получило широкое распространение. Указанная процессуальная экономия неоднократно подвергалась критике Генеральной прокуратурой.

За 9 месяцев 2019 г. в судах, относящихся территориально к Ульяновской области, в особом порядке рассмотрено 4443 уголовных дел из 4354 дел, по которым при-

няты итоговые решения, в особом порядке судебного разбирательства рассмотрено 2396 дел, что составило 55 % (за 9 месяцев 2019 г. — 60,7 %)

Данные цифровые показатели были достигнуты благодаря надлежащему надзору за предварительным расследованием и бдительной внимательности государственных обвинителей, которым было поручено участие в процессах.

Основания, препятствующие рассмотрению дел в особом порядке, вытекают из ч.2 ст.314 УПК РФ, согласно данной норме суд вправе постановить приговор без

проведения судебного разбирательства в общем порядке, если удостоверится, что: обвиняемый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства; ходатайство было заявлено добровольно и после проведения консультаций с защитником.

Приведу ряд оснований, препятствующих рассмотрению дел в особом порядке, при этом данный перечень не является исчерпывающим.

1. Так, нельзя рассматривать уголовное дело в порядке главы 40 УПК РФ, если обвиняемый на любой стадии производства по делу хотя бы один раз выразил несогласие с предъявленным обвинением, то есть не признавал вину в совершении преступления, признавал ее частично, оспаривал фактические обстоятельства содеянного.

Например, органом дознания гражданину К., предъявлено обвинение по ч.1 ст. 228 УК РФ — незаконное приобретение, хранение без цели сбыта наркотического средства в значительном размере.

В ходе изучения уголовного дела государственным обвинителем было установлено, что гражданин К., отвечая на вопрос оперуполномоченных лиц о том, имеются ли у него запрещенные в гражданском обороте предметы, ответил, что не имеются. Позднее в ходе расследования признал вину в полном объеме.

При такой позиции обвиняемого, доказанность вины необходимо проверить путем исследования и оценки доказательств.

2. Вторым основанием будет являться ситуация, когда обвиняемый признает вину в совершении преступления при этом отказывается от дачи показаний на основании ст. 51 Конституции Российской Федерации, что влечет за собой обязательный выход из особого порядка.

3. Наличие признаков нарушений психического состояния обвиняемого.

При наличии в материалах дела данных о расстройстве или заболевании обвиняемого, отнесенного к классу психических расстройств и расстройств поведения, в том числе связанных с употреблением психоактивных веществ, государственные обвинители должны возражать против рассмотрения уголовного дела в упрощенном порядке.

Например, по уголовному делу гражданина К., обвиняемого по ч.1 ст. 228 УК РФ, было также установлено, что обвиняемый страдает синдромом зависимости от наркотических средств и психоактивных веществ, что также послужило основанием для выхода из особого порядка уголовного судопроизводства.

Свою позицию государственный обвинитель мотивировал тем, что суд должен удостовериться в осознании подсудимым в полной мере характера и последствий заявленного им ходатайства и его добросовестности.

Такой же подход применяется и в отношении обвиняемых, которые не помнили обстоятельства совершения преступления, например, в силу алкогольного или наркотического опьянения.

4. Государственные обвинители также обязаны заявлять ходатайства о прекращении особого порядка при наличии существенных противоречий между собранными по делу доказательствами, оценка которым может быть дана судом только по результатам судебного следствия.

К примеру, по делам о хищении в первую очередь обращается внимание на позицию потерпевшего о стоимости имущества. Любое расхождение между его показаниями о размере ущерба и заключением товароведческой экспертизы является основанием для выхода из особого порядка уголовного судопроизводства.

По результатам рассмотрения таких дел в ряде случаев принимаются решения об изменении обвинения, в частности, исключении значительности причиненного ущерба.

5. Государственные обвинители также должны возражать против рассмотрения дела в упрощенном порядке при наличии сомнений в правильности квалификации действий, изменение которой невозможно без исследования доказательств.

6. Наличие обстоятельств, которые могут повлечь прекращение уголовного дела в соответствии с ч.2 ст.28 УПК РФ на основании ч.2 ст.75 УК РФ, когда речь идет о добровольности сообщения о совершении преступления, о добровольности выдачи предметов преступления.

Например, по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 222, 228, 291 УК РФ и других, при наличии в деле сведений о явке с повинной, а также активном способствовании обвиняемого раскрытию преступления, рассмотрения дела должно осуществляться в общем порядке. В этом случае будет проверено наличие, либо отсутствие оснований для освобождения данного лица от уголовной ответственности в силу примечания к указанным статьям уголовного закона.

7. В случаях, когда обвиняемый не осознает характер и последствия заявленного ходатайства или оно было им заявлено не добровольно, без консультации с стороны защиты, государственных обвинитель обязан возражать против проведения судебного процесса в упрощенном порядке.

В проблеме перехода из особого порядка присутствует и другой важный аспект — сохранение права подсудимого на гарантированное снижение наказания. Имеется в виду применение положений ч.5 ст.62 УК РФ, то есть не превышение 2/3 максимального срока наиболее строгого наказания.

Вместе с тем, деятельность государственных обвинителей как работников прокуратуры, осуществляемая с требованиями закона, не может нарушать конституционные права участников уголовного судопроизводства.

Однако, в настоящее время нередко случаи вынесения частных определений и частных постановлений судей на ходатайства прокурор о выходе из особого порядка уголовного судопроизводства.

Так, одновременно с приговором Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 25.03.2019 в отношении гражданина Х., осужденного по ч.2 ст.228 УК

РФ к лишению свободы на срок 3 года, с применением положений ст. 73 УК РФ, было вынесено частное постановление в адрес и. о. прокурора Московской области и Орехово-Зуевского района городского прокурора, в котором было обращено внимание на неправильную позицию прокурора, утвердившего обвинительное заключение, и государственного обвинителя в судебном заседании.

Апелляционным постановлением Московского областного суда от 23.04.2019 частное постановление Орехово-Зуевского городского суда от 25.03.2019 было оставлено без изменения. В кассационном представлении заместитель прокурора Московской области отразил, что частное постановление суда первой инстанции и апелляционное постановление являются необоснованными и просит об их отмене.

Прокурор отметил, что право государственного обвинителя на возражение против рассмотрения дела в особом порядке предусмотрено ст. 316 УПК РФ. При этом закон не связывает возможность заявления возражения с обязательным указанием причин и мотивов такового, а также не возлагает на суд обязанности по проверке его законности и обоснованности. Между тем, полагает, что у государственного обвинителя имелись основания сомневаться в том, что подсудимый правильно

осознает последствия вынесения приговора в особом порядке и понимает существо предъявленного ему обвинения. Помимо этого, считает, что указание суда о том, что решение о возможности рассмотрения дела в особом порядке прокурор обязан высказывать при утверждении обвинительного заключения (акта), не обоснованно на требовании закона.

По результатам рассмотрения кассационного представления заместителя прокурора Московской области президиумом Московского областного суда было вынесено решение об его удовлетворении, и об отмене частного постановления Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 25.03.2019. Представляется, что это данное решение принято законно, так как частное определение Орехово-Зуевского городского суда Московской области от 25.03.2019 было вынесено в нарушение ч. 4 ст. 29 УПК РФ, то есть без достаточно оснований.

Вместе с тем, полагаю, что в целях предотвращения практики вынесения судом частных определений в отношении сотрудников прокуратуры, государственным обвинителям необходимо мотивировать свою позицию при заявлении ходатайства о выходе из особого порядка в целях качественного поддержания государственного обвинения, и не допущения нарушения конституционных прав подсудимых.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — N 25. — ст. 2954.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 19.07.2018) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — N 52 (ч. I). — ст. 4921.
4. Уголовный процесс; учебник для юридических вузов (О. И. Андреева) и др. под. ред. О. И. Андреевой (и др.) Ростов: Феникс, 2015. — 445 с.
5. Головкин, Л. В. «Курс уголовного процесса» учебник / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др.; под ред. Л. В. Головкин. М.: Статут, 2016. — 1278 с.
6. Куликова, Г. К. «Участие группы государственных обвинителей в рассмотрении уголовных дел судами» пособие / Г. К. Куликова, Г. Д. Белов, В. В. Жукова — М., 2014. - 100 с.
7. Дупак, О. В. Организация работы по обеспечению участия прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами // Законность. 2014. N 1. с. 20–24.
8. Трубникова, Т. В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015, N 12 С. 131–139
9. Качалова, О. В. Особенности назначения наказания при рассмотрении уголовного дела в особом порядке // Мировой судья. 2015. N 11. с. 20–26.
10. Постановление президиума Московского областного суда от 11.10.2019 № 44у-187/19 — с. 4.

Классификация субъектов налоговых правоотношений

Пустовалов Евгений Владимирович, старший преподаватель;
Лукманов Рустам Гуссамович, студент
Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

Актуальность статьи поясняется тем, что на сегодняшний день политическое, экономическое, социальное положение РФ требует новых кардинальных изменений для развития правового государства. Поэтому Россия начала реформы в различных областях общественной жизни. Особенно это касается и налоговой системы, которая является основой экономической системы любого государства. Отдельные исследования в заданном направлении в России уже осуществлялись, но проблема субъектного состава участников налоговых правоотношений и определение их правового статуса после кодификации отечественного налогового законодательства приобретают новую значимость.

Ключевые слова: налоговые правоотношения, субъект, участник, контролирующий орган, налогоплательщик, налоговый агент, банк, собиратель налога.

Classification of subjects of tax relations

The relevance of the article is explained by the fact that today the political, economic, social situation of the Russian Federation requires new fundamental changes for the development of the rule of law. Therefore, Russia has begun reforms in various areas of public life. This is especially true of the tax system, which is the basis of the economic system of any state. Some studies in this direction have already been carried out in Russia, but the problem of the subject composition of participants in tax relations and the determination of their legal status after the codification of domestic tax legislation acquire new importance.

Keywords: tax legal relations, subject, participant, controlling body, taxpayer, tax agent, Bank, tax collector.

Одним из результатов реформирования стало принятие долгожданного Налогового кодекса РФ (далее — НК РФ), который не только решил много устаревших проблем, но и поднял ряд новых, например, усиление противостояния представителей разных сторон в налоговых правоотношениях. Известно, что за счет налоговых поступлений формируется подавляющее большинство средств Государственного бюджета РФ и местных бюджетов, но классификация субъектов налоговых правоотношений в России, в частности тех, которые имеют непосредственное отношение к формированию бюджетов, в настоящее время отражается только на уровне правовых дисциплин.

Существенное влияние на выяснение проблем, касающихся анализа субъектного состава участников налоговых правоотношений, имели исследования В. А. Парыгина, Е. В. Евсикова, Ю.А. Артемьева, Я. О. Берназюк, А. В. Брызгалкина, Д. В. Винницкого, О. П. Орлюк, и других ученых. Новые работы в этой сфере должны быть посвящены исследованию полного субъектного состава участников налоговых правоотношений в соответствии с реалиями сегодняшнего дня, что поспособствует дальнейшим теоретическим разработкам и внедрению полученных результатов в законотворческую деятельность.

Целью данной статьи является анализ и уточнение правового статуса установленных законодателем субъектов налоговых отношений и определение функций, которые они выполняют в налоговом процессе.

В теории налогового права также существуют схожие позиции по вопросу о понятии субъектов налогового права и субъектов налогового правоотношения. Так, Ю.А. Артемьева считает, что субъектами налогового права являются лица, владеющие правосубъектностью и потенциально способные быть участниками налоговых правоотношений, а субъектами налоговых правоотношений — реальные участники конкретных налоговых правоотношений [3, с. 128]. Подобного мнения придерживается и Евсикова Е. В., который отмечает, что субъектом налогового права может быть любое лицо, поведение которого регулируется нормами налогового права и которое может выступать участником налоговых правоотношений, носителем субъективных прав и обязанностей. Следовательно, субъектом налогового правоотношения является субъект налогового права, который реализует свою правосубъектность. А в связи с тем, что трудно себе представить субъект, который имеет налоговые права, но не реализует их (конечно, не считая противоправное поведение такого субъекта) можно утверждать, что субъект права и субъект правоотношений, с практической стороны, однородные категории.

Все субъекты налоговых правоотношений должны отвечать следующим критериям: быть реальным участником налоговых правоотношений; деятельность субъекта должна находиться в сфере регулирования норм налогового права; нести налоговые права и обязанности и реализовывать их.

Далее логично было бы выделить налоговые органы, но здесь мы сталкиваемся с определенной проблемой, которая заключается в том, что законодатель не признает такой синтаксической конструкции.

Сейчас соответствующее словосочетание в статьях законов, включенное в НК РФ при систематизации законодательства, заменено на «контролирующие органы», и дан их исчерпывающий перечень. Ими являются органы государственной налоговой службы и таможенные органы.

Данный подход можно считать ошибочным в связи ни с чем не обоснованным изменением концепции и статуса, которые наблюдаются сейчас в общем названии данных органов. То есть, сейчас, судя по названию, главной целью контролирующих органов является контроль, что противоречит демократическими стремлениям нашего государства, заменяя взимание налогов на их добровольную уплату. Но изменение названия никоим образом не отразилось на специальных функциях и задачах, возложенных на эти органы государством. Объем и сфера реализации прав контролирующих органов подтверждает их статус, как субъектов налоговых правоотношений.

Исчерпывающий перечень налогоплательщиков приведен в НК России. При анализе этого перечня не обнаружены несогласованности, как и не вызваны возражения из-за факта того, что эти лица действительно являются субъектами налоговых правоотношений.

Классическая наука налогового права под субъектами, которые способствуют уплате налогов и сборов, подразумевает обязанных лиц, от действий которых зависит надлежащее выполнение обязанностей и реализация прав уполномоченных органов и налогоплательщиков, а также лиц, владеющих информацией о налогоплательщике, необходимой для исчисления налогов.

В соответствии с классификацией Н. А. Перепелицы, лица, которые способствуют уплате налогов, сборов (обязательных платежей), делятся на три вида, а именно, банки, налоговые агенты и другие лица, которые способствуют уплате налогов и сборов. Полностью соглашаясь с приведенной классификацией, целесообразным дополнить ее еще таким кругом субъектов как «государственные органы, предоставляющие информацию о налогоплательщике, необходимую для начисления налогов и сборов». Важная роль этих органов заключается в представлении в контролирующие органы информации о количестве налогоплательщиков, размере их налоговой базы, наличии льгот и тому подобное.

Весомую позицию среди лиц, от действий которых зависит надлежащее выполнение обязанностей, и реализация прав налогоплательщиков занимают банки. На них государством возложена обязанность по перечислению обязательных платежей в бюджеты и государственные целевые фонды, осуществлению определенных контрольных функций в сфере налоговых правоотношений и тому подобное [6, с. 368].

Проблема определения правового статуса налогового агента и соответственно выделение его в отдельную группу субъектов налоговых правоотношений осложняется тем, что законодатель не выделяет дополнительных обязанностей налогового агента, которые как раз и отличают его от налогоплательщиков ст.24 Налогового кодекса РФ [1].

Выполнение налоговым агентом своих обязательств перед государством по исчислению, удержанию и перечислению налогов носит сугубо публично-правовой характер, и налогоплательщик не имеет права препятствовать налоговому агенту в выполнении им своих обязательств. При этом налоговый агент не является и представителем налогоплательщика. Он не уполномочивается плательщиком налога или законом действовать от имени налогоплательщика в его интересах. Его целью является реализация общественного интереса, который заключается в надлежащем выполнении возложенных на него законом обязанностей, потому что в случае их невыполнения и/или ненадлежащего исполнения он будет привлечен к ответственности вплоть до принудительного взыскания недоимки за счет собственных средств налогового агента.

Таким образом, объединяя вышесказанное, можно построить детальную систему субъектов налоговых правоотношений. Она имеет следующий вид:

1. Государство в лице органа законодательной власти, устанавливает налоги и сборы, порядок их администрирования.

2. Органы местного самоуправления, в пределах полномочий, определенных Налоговым Кодексом РФ, самостоятельно решают вопрос об установлении на своей территории определенных сборов и избрании размера ставок их взимания.

3. Государственные контролирующие органы в области налогов: органы государственной налоговой службы; таможенные органы.

4. Налогоплательщики, имеющие, получающие (передающие) объекты налогообложения или осуществляющие деятельность (операции), являются объектом налогообложения согласно НК России или налоговому законодательству, и на которых возложена обязанность по уплате налогов и сборов согласно НК России: физические лица (резиденты и нерезиденты России); юридические лица (резиденты и нерезиденты России) и их обособленные подразделения.

5. Лица, которые способствуют уплате налогов и сборов: банки; налоговые агенты; государственные органы, предоставляющие информацию о налогоплательщике, необходимую для начисления налогов и сборов; сборщики налогов и сборов.

Итак, перспективным направлением дальнейших исследований в этой сфере станет определение перечня сборщиков налогов и закрепление категории «сборщики налога», а также правового статуса этих специфических субъектов налоговых правоотношений в НК России.

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ 1.(ред. от 03.08.2018)(с изм. и доп., вступ. в силу с 03.09.2018)
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 11.10.2018)
3. Артемьева, Ю. А. Правосубъектность участников налоговых правоотношений // Экономика. Налоги. Право. 2015, № 4, с. 128
4. Викторова, Н. Г. Налоговое право. Краткий курс; Питер — Москва, 2018, с.224
5. Евсикова, Е. В. Систематизация основных подходов к определению понятия «налоговые правоотношения». // Евразийский юридический журнал. № 4 (83) 2015, с. 149
6. Клейменова, М. О. Налоговое право; Синергия — Москва, 2018, 368 с.
7. Парыгина, В. А., Тедеев А. А. Налоговое право; МПСИ, МОДЭК — Москва, 2018, с.576
8. Тедеев, А., Парыгина, В. А. Налоговое право России; Юрайт — Москва, 2016, с.464
9. Юзвак, М. В. Аналогия в налоговом праве. Монография / М. В. Юзвак. — М.: Инфра-М, РИОР, 2016, с.535

Международные санкции как средство ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Редикульцев Яков Викторович, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В практике Совета Безопасности ООН по применению принудительных мер долгое время главенствовала концепция, согласно которой основной целью всеобъемлющих санкций являлось негативное воздействие именно на население страны, что повлечет рост внутреннего давления на правительство государства-объекта санкций и побудит его к действиям, направленным на снятие режима санкций.

В тоже время подобная концепция была признана не совершенной, в связи с тем, что в авторитарных государствах у населения страны практически нет средств влияния на государственную власть. Это отметил Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в своём докладе: «Когда жёсткие и всеобъемлющие экономические санкции применяются против авторитарных режимов, возникает другая проблема. В этом случае обычно страдают простые люди, а не политическая элита, поведение которой спровоцировало введение санкций».

В связи с вышесказанным, Совет Безопасности ООН постепенно стал применять так называемые «точечные санкции», то есть принудительные меры, нацеленные непосредственно на лиц, возглавляющих противоправную политику. Примерами таких санкций могут быть наложение ареста на финансовые активы за рубежом, ограничения доступа на иностранные финансовые рынки, эмбарго на поставки оружия, запрет на посещение зарубежных стран и так далее.

Рассмотрение данного вопроса хотелось бы начать с определения этичности применения международных санкций. В последнее время большинство ученых признают важность и необходимость применения именно

адресных санкций, тех, которые касаются не всего населения страны — объекта санкций, а непосредственно политической элиты и тех групп, которые ответственны за нарушение международно-правовых норм.

Но все же в настоящее время, как считает автор данного исследования, применяются именно всеобъемлющие санкции, направленные главным образом на граждан указанного государства, так как в связи с развитием институтов гражданского общества (свободные выборы, самовыражение путем проведения разного рода собраний), у населения имеются механизмы давления на правительство страны — объекта санкций.

Подытоживая выше сказанное, хотелось бы отметить, что при рассмотрении любого режима санкций возникают два вопроса. Во-первых, вопрос факта и права, в соответствии с которым, необходимо определить соблюдены ли все требования статьи 39 Устава ООН, то есть присутствует ли угроза миру, нарушение мира или акт агрессии и одновременно и является ли целью санкций поддержание или восстановление международного мира и безопасности. И во-вторых, вопрос необходимости, политики и гуманности санкций по отношению к населению страны, в отношении которой они введены [1, с. 75].

И в данном ключе, возникает совершенно справедливый вопрос, который так же был изложен одним из представителей ООН, который указал, что «Вероятно, введенные против Боливарианской Республики Венесуэла санкции подпадают под определение коллективного наказания гражданского населения, которое содержится как в Женевской конвенции о защите жертв международных вооруженных конфликтов 1949 года, так и в Гагской кон-

венции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 года, международных конвенциях, участником которых является государство, которое ввело санкции».

В дальнейшем рассматривая данный вопрос, в контексте влияния международных санкций на права и свободы граждан РФ, хотелось бы напомнить о том, что систему нормативного регулирования санкционных отношений составляют 3 уровня:

1) международное нормативно-правовое регулирование [нормативные документы ООН (Устав ООН), Совета Безопасности ООН (резолюции по санкциям)];

2) международное региональное нормативно-правовое регулирование (нормативные акты Европейского союза);

3) нормативно-правовое регулирование с помощью внутригосударственного, национального законодательства.

Если в законности, гуманности первых двух сомневаться сложно, так как они фактически формируются и принимаются международным сообществом в целом, то, что касается третьего уровня, то он в отношении принятия государством нормативного правового акта об установлении санкции представляется самым спорным в части легитимности определения каких-либо ограничительных мер либо принуждений другому государству, поскольку «необходимо учитывать и следовать в данном случае принципам международного права суверенного равенства государств, невмешательства в дела другого государства». (ст. 2 Устава ООН, статут Лиги Наций).

В тоже время, если обратить внимание на билль США «О противодействии противникам Америки посредством закона о санкциях против Ирана, Российской Федерации и Северной Кореи», то можно установить, что в нем отсутствуют ссылки на конкретные подтвержденные правонарушения со стороны Российской Федерации отсутствуют, в нём упоминаются лишь оценочные понятия и формулировки. Одновременно главной целью данного акта является противодействие дестабилизирующей деятельности Ирана, Северной Кореи, российскому влиянию в Европе и Азии.

Вопрос правомерности и законности односторонних нелегитимных международных санкций особенно актуальна в настоящее время, так как уже пятый год РФ, а также отдельные юридические и физические лица являются объектами экономических, политических и иных ограничений. Более того, указанные ограничительные меры необоснованно именуются санкциями, скорее это контрмеры, поскольку принцип суверенного равенства государств включает возможность правомерного применения одним государством санкций в отношении другого государства или группы государств в одностороннем порядке.

Основной проблемой реализации санкций является негативное влияние применяемых мер на население государства — объекта санкций.

Правительство РФ в качестве противодействия санкционной политике других суверенных государств разрабатывает проект федерального закона «О мерах воздействия

(противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и (или) иных иностранных государств». Главным образом, предполагается введение таких контрмер, как запрет на ввоз лекарств и программного обеспечения из США, различных видов товаров, ограничения на работу в России граждан США, ограничения технологического сотрудничества, а также фактическое разрешение производить в России товары с американскими товарными марками без согласия правообладателей.

Как следует из основных положений разрабатываемого законопроекта, целью его является защита интересов и безопасности Российской Федерации, прав и свобод граждан Российской Федерации.

Как правило, принимаемые меры противодействия, на наш взгляд, направлены главным образом и выступают в качестве ответной реакции на санкции, преследуя цель поддержания статуса суверенности одного государственного образования перед другим, прикрываемые при этом целью защиты прав и свобод граждан, как «оправдание» необходимости каких-либо ограничений, наступающих для населения страны.

К вопросу «оправдания» введения ограничений страной — объектом санкций, хотелось бы вернуться в завершении данного исследования, в первую очередь необходимо осветить вопрос полезности для граждан Российской Федерации, вводимых принудительных мер.

Бесспорно, вводимые контрмеры, такие как запрет на ввоз санкционной продукции и ограничения на работу в России граждан США, способствует развитию внутреннего рынка производства и увеличению доступа граждан РФ к престижным, высокооплачиваемым работам, ранее занимаемым иностранными гражданами. В тоже время, большая часть населения страны, главным образом, испытывает на себе ограничения, вызванные отличительным качеством импортозамениваемой продукции равной по стоимости зарубежным товарам.

Возвращаясь к вопросу об ограничении прав и свобод граждан РФ, посредством вводимых международных санкций, начать хотелось бы с того, что 12 декабря 1993 г. на всенародном референдуме была принята Конституция Российской Федерации, в которой, во-первых, Россия провозглашена демократическим и правовым государством, во-вторых, защита прав и свобод человека и гражданина определена как основная обязанность государства.

Одновременно с этим, провозглашено, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, осуществляющий свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Одним из общепризнанных средств непосредственного участия народа в осуществлении власти является свобода собраний. В связи с этим, в статье 31 Конституции РФ записано: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование».

В тоже время, статья 15 Конституции РФ провозглашает два важнейших правовых положения:

— Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации;

— Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией. В частности, указанное в этой статье имеет прямое отношение к положению ч.1 статьи 20 Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 года: «Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций», а также к статье 21 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП): «Признается право на мирные собрания» [2, с. 15].

Вышеизложенные положения, идут вразрез с принятым Федеральным законом о митингах от 19.06.2004 г., главным образом, после введенных двух комплексов поправок, введенных Федеральным законом от 08.06.2012 N 65-ФЗ и Федеральным законом от 21.07.2014 N 258-ФЗ.

Уже в своей первой, оригинальной редакции Закон подвергся критике Европейской Комиссии за демократию через право (Венецианской Комиссии) в Заключении № 658/2011 от 20 марта 2012 г. CDL-AD (2012)003, в котором можно выделить следующие основные положения:

— право на мирные собрания, закрепленное в Статье 11 Европейской Конвенции о Правах Человека, является фундаментальным правом и одной из основ демократического общества.

— рекомендуется включить в Закон о Собраниях положения о презумпции в пользу проведения собраний, принципах пропорциональности и отсутствия дискриминации

— необходимо пересмотреть порядок предварительного уведомления согласно Статьям 5.5, 7 и 12 Закона о Собраниях;

— сотрудничество между организаторами и органами власти в Статье 12 Закона о Собраниях необходимо закрепить на добровольной основе, уважая автономию собраний и без лишения организаторов права проводить собрание на основании несогласования любых изменений формата собрания или несоблюдения временных рамок для уведомления о публичном мероприятии;

— полномочие органов исполнительной власти изменять формат публичного мероприятия должно быть огра-

ничено до случаев, когда есть обоснованные причины для таких действий (Статья 11.2 ЕКПЧ), с учетом принципов пропорциональности, отсутствия дискриминации и презумпции в пользу собраний.

— стихийные собрания и срочные собрания, также как и совместные и альтернативные демонстрации, должны быть разрешены, если они носят мирный характер и не представляют прямой угрозы насилия или серьезной опасности общественной безопасности;

— основания для ограничения собраний должны быть сужены для применения принципа пропорциональности с целью приведения их в соответствие со Статьей 11.2 ЕКПЧ, и основания для приостановления и прекращения собраний должны быть ограничены общественной безопасностью или угрозой неизбежного насилия;

— обязанности организаторов в Статье 5.4 Закона о Собраниях должны быть уменьшены; их обязательство поддерживать общественный порядок должно быть ограничено демонстрацией должной осторожности.

В связи с этим возникает, вопрос о соответствии статей 5, 6, 7 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» Конституции РФ.

Ответ на данный вопрос был дан в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. N 24-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 части 4 статьи 5 и пункта 6 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина В. А. Тетерина», в котором было указано, что каких-либо нарушений положений Конституции РФ не имеется. В данном случае, указанное Постановление может являться одним из примеров, при подготовке исследования на тему «Независимость, законность и беспристрастности правосудия в Российской Федерации».

Что касается непосредственно ограничений прав и свобод граждан РФ, то хотелось бы обратить внимание на то, что введенные санкционные меры против РФ, изначально целенаправленно не направлены на население страны, имеют своей целью, главным образом, влияние именно на простые слои населения, как главного носителя власти в любом демократическом и правовом государстве.

Таким образом, перед продолжением дальнейшего исследования, необходимо презюмировать, что в рассматриваемом случае, основное ограничение прав и свобод граждан, в связи с введением в отношении государства принудительных мер экономического, политического и иного характера, главным образом, исходит от самой РФ.

При этом международное сообщество всячески «поощряет» любые начинания населения страны-объекта санкций, направленные на оказание влияния на правящую верхушку государства. На данную мысль наталкивает тот факт, что за 2018 год Европейский суд по правам человека вынес 1014 решений — это незначительно меньше, чем годом ранее (тогда было 1068). При этом, ¼ всех принятых решений касались России (вынесено 248 решений

по «российским делам», из которых в 238 были найдены нарушения. Для сравнительной статистики, в Германии из 19 рассмотренных дел, нарушения прав и свобод человека и гражданина найдены лишь в двух.

Проведя анализ вынесенных решений можно установить, что большую часть нарушений, допущенных российскими властями, составляют жестокое и бесчеловечное отношение с гражданами — 99 случаев, аналогичная цифра в нарушениях прав на свободу и безопасность, 46 случаев признания нарушения права на справедливое судебное разбирательство.

В заключении исследования хотелось бы сказать о том, что в последнее время ведется планомерная работа по доведению до международного сообщества последовательных резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, в которой главной целью стало прекращение применения односторонних принудительных мер экстерриториального характера, не санкционированных соответствующими органами ООН или противоречащих международно-правовым принципам, изложенными в Уставе ООН. Примером таких ре-

золюций могут служить такие как «Права человека и односторонние принудительные меры»; «Необходимость прекращения финансовой, торговой и экономической блокады, введенной Соединенными Штатами против Кубы»; «Отказ от применения односторонних экстерриториальных экономических мер принуждения как средства оказания экономического и политического давления».

Главная мысль, пронизывающая все указанные резолюции, заключается в том, что односторонние принудительные меры:

- несут угрозу суверенитету государств;
- нарушают принцип свободы международного судоходства и торговли;
- противоречат международному праву (а именно, Уставу ООН, принципу невмешательства во внутренние дела государств и принципу суверенного равенства);
- оказывают негативное влияние на реализации прав человека, создавая препятствия торговым отношениям, сдерживая процессы экономического и социального развития [3, с. 278].

Литература:

1. Галиев, Р. С. Международно-правовой анализ соотношений категорий санкции, контрмеры и односторонние экономические меры / Р. С. Галиев // Юридические науки. — 2019. — № 10. — с. 75–78.
2. Зверев, П. Г. Полицейское миротворчество и международное гуманитарное право / П. Г. Зверев // Российский юридический журнал. — 2014. — № 3. — с. 12–23.
3. Мельникова, А. С. Экономические санкции в международном праве / А. С. Мельникова // Евразийский юридический журнал. — 2015. — № 5 (84). — с. 277–279.

Обычная хозяйственная деятельность по закону о несостоятельности (банкротстве)

Рогова Анастасия Дмитриевна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В научной статье анализируется понятие «обычная хозяйственная деятельность» в контексте различных нормативных правовых актов, а также подходы к указанному понятию, сложившиеся в судебной практике.

В статье предложены критерии, при установлении наличия которых в составе оспариваемой сделки, можно сделать вывод о ее совершении в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок, обычная хозяйственная деятельность, интересы кредиторов, право.

В соответствии с п.2 ст. 61.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 23 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее — Закон о банкротстве) [1], сделки по передаче имущества и принятию обязательств или обязанностей, совершаемые должником в его обычной хозяйственной деятельности, не могут быть оспорены по признаку неравноценности встречного исполнения или предпочтения, при условии, что цена пере-

даваемого имущества или размер принятых обязательств или обязанностей не превышает 1 % стоимости активов должника, определяемой на основании бухгалтерской отчетности должника за последний отчетный период.

Исходя из смысла изложенного, даже в случае наличия у оспариваемой сделки признаков предпочтения или неравноценности встречного исполнения, установленных Законом о банкротстве, она не может быть признана не-

действительной при условиях ее совершения в рамках обычной хозяйственной деятельности и соответствия цены сделки пороговому значению, определенному законом.

В связи с вышеприведенным возникает вопрос, что следует понимать под «обычной хозяйственной деятельностью»? Существуют ли критерии, по которым те или иные действия должника можно признать обычной хозяйственной деятельностью?

Закон о банкротстве, оперируя понятием «обычная хозяйственная деятельность», тем не менее, не содержит его определения. Схожее по содержанию понятие — «сделки, не выходящие за пределы обычной хозяйственной деятельности» — можно обнаружить в Федеральном законе «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ [2], а также в Федеральном законе № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08 февраля 1998 г. (далее по тексту — Закон об ООО) [3]. Исходя из указанных определений, следует вывод, что главным признаком сделок, совершаемых в обычной хозяйственной деятельности, является то, что они не прекращают, не изменяют масштаб или вид деятельности общества. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» от 26 июня 2018 г. № 27 [4] указывается, что, в частности, к наступлению названных последствий может привести продажа (отчуждение иным образом) основного производственного актива общества; об изменении масштаба деятельности общества можно говорить в случае, если сделка влечет изменение региона деятельности.

В анализируемых определениях указывается также на то, что такие сделки заключаются при осуществлении деятельности данным обществом или иными, осуществляющими аналогичные виды деятельности. Как указано в абз.5 п.14 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 23 декабря 2010 г. № 63 (далее — Постановление № 63) [5], совершение сделки в сфере, отнесенной к основным видам деятельности должника в соответствии с его учредительными документами, само по себе не является достаточным для признания ее совершенной в процессе его обычной хозяйственной деятельности. Следовательно, необходимы иные признаки для установления факта совершения сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Применительно к нормам Закона о банкротстве конкретизация упоминаемого в нем понятия сделки, совершенной в обычной хозяйственной деятельности, содержится в абз.4 п. 14 Постановления № 63. Таковой является сделка, не отличающаяся по своим основным условиям от аналогичных сделок, неоднократно совершавшихся до этого должником в течение продолжительного периода времени. К таким сделкам могут быть отнесены, например, платежи по ддящимся обязательствам (возврат очередной части кредита в соответствии с гра-

фиком, уплата ежемесячной арендной платы и т. д.). И, напротив, к таким сделкам не могут быть отнесены, в частности, не обоснованный разумными экономическими причинами досрочный возврат кредита, предоставление отступного.

Отметим, что обычная хозяйственная деятельность в сделках при банкротстве имеет иную сущность и выполняет иные функции, чем в крупных сделках и сделках с заинтересованностью в контексте Закона об ООО. Так, в Законе об ООО критерий обычной хозяйственной деятельности служит для определения того, является ли сделка общества крупной и, следовательно, требуется ли согласие общего собрания участников для ее совершения. В Законе о банкротстве установление указанного критерия служит для защиты сделок должника от обжалования.

Обычная хозяйственная деятельность при применении положений ст. 61.4 Закона о банкротстве противопоставляется нетипичной хозяйственной деятельности с целью установления тождественности поведения должника в условиях неплатежеспособности и до наступления таких обстоятельств, с тем, чтобы сделать вывод о предпочтительном удовлетворении требований кредиторов, выводе активов, в случае, если подобные действия не характерны для обычной деятельности должника.

Так, например, в рамках дела о банкротстве кредитной организации (далее — Банк) конкурсным управляющим оспаривались банковские операции Банка по погашению задолженности по кредитному договору перед ООО «Племзавод красный маяк» [6]. Управляющий указывал, что на дату совершения оспариваемой сделки Банк обладал признаками неплатежеспособности; требования кредиторов не исполнялись в связи с недостаточностью денежных средств на корреспондентском счете Банка, оспариваемая сделка, таким образом, была совершена в обход других ожидающих исполнения распоряжений клиентов. Следовательно, она совершена за пределами обычной хозяйственной деятельности Банка.

Однако судом сделан вывод, что само по себе досрочное погашение кредита нельзя рассматривать как выход за пределы обычной хозяйственной деятельности, так как досрочное погашение задолженности для лица всегда является экономически выгодным, в силу того что за пользование денежными средствами предусмотрена уплата процентов. Соответственно, досрочное погашение задолженности позволяет снизить расходы на выплату указанных процентов. Также судом отмечено, что в случае признания оспариваемой сделки недействительной, обязательство Банка увеличится на сумму 2 958 000 рублей, что не является целесообразным.

Таким образом, отказывая в признании сделки недействительной, суд оценивал экономическую целесообразность спорных операций и, указав на выгоду для должника досрочного погашения задолженности, констатировал совершение спорной сделки в процессе обычной хозяйственной деятельности.

Приведем в пример другое дело из судебной практики: конкурсный управляющий оспаривал выдачу подотчетных денежных средств предприятия-банкрота в пользу бывшего работника (далее — Ответчик) за период с января по декабрь 2015 года в размере 4 583 000 руб. [7]. Обращаясь с заявлением о признании указанной сделки недействительной, управляющий полагал, что систематическая передача денежных средств при отсутствии предоставления отчетности о расходовании денежных средств либо обязательств их возврата является юридически значимым действием, направленным на вывод активов из хозяйственного оборота организации. Ответчиком представлены документы, подтверждающие, что в период с 01.07.2013 по 31.03.2016 она занимала должность директора технического департамента, и ее трудовая деятельность была связана с представлением Должника на различных мероприятиях по продвижению продукции общества, а также с приобретением продукции для обеспечения деятельности Должника. Суд, основываясь на продолжительности трудовых отношений и неоднократности перечисления в период трудовой деятельности денежных сумм Ответчику, признал оспариваемую сделку совершенной в обычной хозяйственной деятельности Должника.

Следовательно, признаком того, что сделка совершена в обычной хозяйственной деятельности, может выступать продолжительность правоотношений с контрагентом: если они носят длительный характер, и совершение определенных сделок в рамках этих отношений является типичным, то нет и оснований для обжалования таких сделок.

Исходя из анализа положений гл. III.1 Закона о банкротстве, судебной практики, можно заключить, что признание оспариваемой сделки совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности, по сути, является единственным барьером для признания недействительной сделки, обладающей признаками предпочтения или неравноценности встречного исполнения. В связи с чем следует установить критерии, на основе которых можно сделать вывод, что деятельность, в рамках которой совершена оспариваемая сделка является для должника обычной хозяйственной. На наш взгляд, такими критериями можно признать следующие: во-первых, сохранение основного производственного актива и региона деятельности общества после совершения обжалуемой сделки; во-вторых, длительный характер договорных отношений с контрагентом; в-третьих, экономическая целесообразность сделки.

Литература:

1. Федеральный закон от 23 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 28 октября 2002. № 43. Ст. 4190.
2. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 01 января 1996. № 1. Ст. 1.
3. Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 16 февраля 1998. № 7. Ст. 785.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. 06 июля 2018. № 145.
5. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 3.
6. Определение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) от 01 ноября 2019 г. по делу № А58–6327/2018. [Эл. ресурс]: <https://clck.ru/KgzJc>
7. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 01 ноября 2019 г. по делу № А57–23130/2016. [Эл. ресурс]: <https://clck.ru/KgzTF>

Деофшоризация российской экономики

Рямов Артём Александрович, студент магистратуры;

Научный руководитель: Абакумова Ольга Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

Одной из существенных проблем экономики является финансовое наполнение денежно-финансовых сегментов, в том числе путем наличия и постоянного приращивания денежных потоков. Офшорные зоны не только не

способствуют финансовой стабильности стран, но, более того, ухудшают состояние экономики, делая ее истонченной и уязвимой к колебаниям рынка. Более половины финансовых потоков не только России, но и всего мира

увязают в офшорных зонах различных стран, что влечет за собой проблему не только национального, но и глобального уровня [1, 2].

Основной проблемой «офшоризации» является создание условий льготного налогообложения, что способствует переводу фактически действующих на территории России предприятий в юридическую юрисдикцию офшорной зоны, что влечет за собой закономерную недоимку в бюджете.

Результатом развития «офшоризации» явилось стремление государства к созданию правовой базы в целях регулирования и устранения проблем, связанных с оттоком капитала. В этой связи, начиная с 2012 г. в Российской Федерации ведется активная политика по «деофшоризации» отечественной экономики. Необходимость данных мер в первую очередь обусловлена опасениями, связанными с уменьшением поступлений в бюджет страны, что повлечет за собой сбой стабильного функционирования государственной системы.

Офшорные зоны, вместе с тем, не стоит определять исключительно в качестве негативного правового явления: они используются в целях оптимизации налогообложения в отдельно взятом государственном образовании. Офшорная зона, как правило, имеет более простые правила и налоговые режимы, нежели в остальных регионах страны. Одной из характерных черт офшорной зоны выступает отсутствие обязанности строгой отчетности налогового резидента, в том числе о контрагентах. В офшорной зоне отсутствуют запреты на принятие денежных средств от каких-либо определенных стран, отсутствуют механизмы принуждения раскрытия информации, что, несмотря на благие цели, может послужить удобным условием для злоупотребления со стороны налоговых резидентов.

В результате использования офшорной зоны организация законно уменьшает объем налогообложения и минимизирует налоговую нагрузку, что позволяет извлекать большую прибыль, чем при использовании стандартных налоговых режимов. В то же время регистрация в офшорной зоне, как правило, не идентична осуществлению деятельности в таком регионе: фактическая деятельность осуществляется на территории государства со сложным налоговым законодательством. В этой связи у государства возникает отток капитала, уменьшение дохода бюджета, что не только вызывает экономическую нестабильность, но и отражается на политическом правовом поле.

Необходимость оптимизации налогообложения, конечно, затрагивает любые компании, как небольшие, так и крупные, однако наиболее острым указанный вопрос стоит именно при управлении крупными и высокодоходными организациями. Следовательно, и недоимки, которые образуются в результате перевода таких компаний в офшор, также являются существенными для государства.

На примере Тюменской области можно выделить публичное акционерное общество «СУЭНКО»: крупнейшую

ресурсоснабжающую компанию региона, учредители которой являются юридическими лицами, зарегистрированные в Австрии [4], как стране с существенными льготными послаблениями (данная страна не входит в перечень офшорных зон России, утвержденный приказом Минфина России № 108н от 13.11.2007 [5]).

Вся суть использования офшорных схем налогового планирования сводится к тому, что материнская компания регистрируется в офшорах, имеет огромное количество различных путей получения прибыли через применение «налоговых гаваней», так как, если речь идет о крупном предприятии, то оно имеет большое количество дочерних подразделений и их сделки совершаются на вполне законных основаниях.

Все правила ведения бизнеса диктуются из привлекательных для российского предпринимателя зон налогового льготирования. Как раз вот такие пробелы в законодательстве для российских компаний — «лакомый кусок» и возможность обойти налогообложения и вести офшорный бизнес, не утруждаясь.

Следует помнить, что ни один новый закон не должен противоречить Конституции РФ, а также ухудшать сложившийся к настоящему времени баланс прав налогоплательщиков и налоговых органов.

Так как офшорные зоны называют «налоговыми гаванями», считается, что главный признак — отсутствие налогообложения. Естественно, обычно офшор налоги не платит. Но не заплатить налоги, по конкретным сделкам, можно и в других, вполне престижных странах. Например, не платить налоги можно в сделках, совершенных за границей, и для компаний Гонконга, Сингапура, США, ОАЭ и т. д. Освобождение в налогообложении дивидендов или прироста капитала могут получить и высоко налоговые компании Австрии, Великобритании, Дании, Кипра и даже России [3].

Истинное преимущество офшорных зон заключается в возможности не сдавать финансовую отчетность. Именно в этой льготе — главное отличие офшоров от всех остальных компаний.

Правительством Российской Федерации в рамках выполнения поручения, содержащегося в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. о деофшоризации российской экономики, был разработан ряд нормативно-правовых актов, направленных на пресечение вывода средств из российской юрисдикции [6].

Так, например, принят Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. N 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» [7], предусматривающий налогообложение в Российской Федерации доходов компаний, находящихся в офшорной юрисдикции, если эти компании не распределяют полученные доходы в пользу российских лиц, контролируемых такими компаниями.

Кроме того, в отношении компаний, находящихся в офшорной юрисдикции, распространен запрет на получение кредитов Внешэкономбанка.

Также принят Федеральный закон от 15 февраля 2016 г. N 23-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации» [8], которым предусматривается, в том числе, установление запрета на получение субсидий из бюджета, бюджетных инвестиций и государственных (муниципальных) гарантий компаниям, находящимся в офшорной юрисдикции. В дополнение к вышесказанному Федеральным законом от 13 июля 2015 г. N 227-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предусмотрен запрет на заключение государственных и муниципальных контрактов с компаниями, находящимися в офшорной юрисдикции [9].

19 февраля 2018 года Президентом Российской Федерации В. В. Путиным подписан ряд федеральных законов («О внесении изменений в Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 3 Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)», «О внесении изменений в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации») которыми предусмотрены меры, направленные на легализацию бизнеса [10].

Главная цель государства отражается в двух аспектах, сложившихся на данный этап среди российских чиновников:

— борьба с применением российскими предпринимателями офшорных юрисдикций;

— создание необходимых благоприятных условий регистрации и ведения деятельности российского бизнеса на территории страны.

Ключевыми причинами развития офшорного бизнеса для Российской Федерации выступают несовершенство валютного и налогового регулирования, незащищенность территориальных границ, криминализация экономики и, как следствие, высокий уровень коррупции, побуждающий российских предпринимателей защищать права собственности через гарантированную офшорами конфиденциальность, валютные риски, политическая и эконо-

номическая нестабильность и недоверие к официальной власти и судебным органам.

Необходимость разработки эффективных мер по устранению негативного влияния офшорных зон на экономику России актуализировало потребность в анализе действующей нормативно-правовой базы РФ, затрагивающей вопросы деофшоризации. В результате можно сделать вывод о недостаточной эффективности национальной деофшоризационной политики, главными причинами чего являются ее формальный характер, несмотря на имеющиеся меры, применяемые Правительством РФ.

Анализ российских законов, направленных на деофшоризацию, которые по замыслу государства, в перспективе могут должным образом повлиять на развитие офшорного бизнеса, оцениваются экспертами противоречиво.

В общем и целом, политика деофшоризации российской экономики несмотря на ранние предпосылки формирования еще в начале 21 века только начинается. Она в целом соответствует трендам антиофшорной политики международного сообщества, с которым Российская Федерация постепенно развивает сотрудничество в данной сфере. Маленькими шагами Россия движется к положительным и более эффективным результатам деофшоризации, однако данный процесс для его дальнейшего прогресса потребует приложить серьезные усилия, связанные как с внутрироссийскими реформами, так и с выстраиванием активного международного взаимодействия.

Таким образом, офшоры являются одной из важнейших проблем, современного государства. Используя пробелы в законе через офшорные зоны, из страны выводятся внушительные денежные потоки, прибыльные предприятия избегают уплаты налогов.

Представляется, что в целях действенного и эффективного государственного контроля в области офшорных зон следует создать государственный орган по контролю и проверке российских предприятий, контрагентами которых являются организации, зарегистрированными в офшорных зонах.

Альтернативным вариантом по установлению государственного надзора может выступить расширение полномочий Федеральной налоговой службы или Росфинмониторинг в части проверки организаций в списке контрагентов у которых встречаются офшорные предприятия.

В качестве эффективной меры по противодействию офшорам могут выступить ограничения в части внесения организации в список нежелательных контрагентов, введения в отношении них повышенных налоговых тарифов.

Литература:

1. Старостина, М. И. Офшорный бизнес в современном мире / М. И. Старостина // Российский внешнеэкономический вестник. — 2014. — № 6. — с. 65–80.
2. Аксанов, К. В. Офшорные зоны в современном мире (на примере княжества Лихтенштейн) / К. В. Аксанов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. — 2017. — № 13. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/offshornye-zony-v-sovremennom-mire-na-primere-knyazhestva-lihtenshteyn> (дата обращения: 18.11.2019).

3. Макаренко, М. В., Гончарова Н. А. Международное налоговое планирование, как составная часть корпоративного планирования / М. В. Макаренко, Н. А. Гончарова // Инновационная наука. — 2015. — № 14–1. — с. 77–78.
4. Учредители АО «СУЭНКО» [Электронный ресурс]. — Ruprofile [сайт]. — URL: <https://www.ruprofile.ru/foreign/35112> (дата обращения 01.11.2019 г.).
5. Приказ Минфина России от 13.11.2007 N 108н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. N 50.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 «Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию» // Российская газета. 2013. № 282.
7. Собрание законодательства РФ. 2014. N 48. Ст. 6657.
8. Собрание законодательства РФ. 2016. N 7. Ст. 911.
9. Собрание законодательства РФ. 2015. N 29 (часть I). Ст. 4353.
10. Обзор вопросов, содержащихся в обращениях граждан, представителей организаций (юридических лиц), общественных объединений, поступивших в Минэкономразвития России, и принимаемых мер (утв. Минэкономразвития России) [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения 03.11.2019 г.).

Аудиозапись как средство доказывания в гражданском процессе

Саава Яна Александровна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Чекмарева Анастасия Валериевна, доктор юридических наук, профессор

Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются проблемные вопросы отнесения аудиозаписи к определенной группе средств доказывания. Анализируются критерии создания данного средства доказывания с учетом регламентов Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального кодексов.

Ключевые слова: *средства доказывания, аудиозапись, техническое средство, фоноскопическая экспертиза, цифровая запись.*

В гражданском процессе обязанность доказывания лежит на сторонах. Каждая сторона доказывает те обстоятельства, которые она представляет основаниями своих требований. Для подтверждения своих требований и возражений сторона предъявляет доказательства суду. Тем самым сторона обосновывает свою правовую позицию, и от принятия судом доказательства к рассмотрению зависит решение спорного правоотношения.

Гражданский процессуальный кодекс РФ выделяет следующие средства доказывания: объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, заключения эксперта, а также аудио- и видеозаписи. Исходя из формулировки статьи 55 ГПК РФ, аудио- и видеозаписи являются самостоятельными средствами доказывания.

В теории гражданского процессуального права существуют различные точки зрения на рассмотрение аудио- и видеозаписей как доказательств. Некоторые ученые полагают, что аудио- и видеозаписи являются самостоятельными средствами доказывания [6]. Другая же группа ученых склонна считать аудио- и видеозаписи разновидностью

либо вещественных либо письменных доказательств [3].

В научном сообществе преобладает мнение о том, что письменные доказательства представляют собой суждения, умозаключения людей, зафиксированные при помощи какой-либо знаковой системы, например, системы букв. Восприятие человеком действительности отображается в письме. Таким образом, при создании документа значимая роль отводится личности составителя документа [5].

В отличие от письменных доказательств содержание аудио- и видеозаписей не зависит от личности человека, их создающих. На техническом средстве производится запись объективной реальности. Уточнение каких-либо моментов на аудиозаписи или видеозаписи при помощи комментирования не раскрывает в полной мере видение ситуации человеком, его оценку происходящему, а скорее поясняет то, что происходит в действительности.

Таким образом, письменные и аудио-, видео-доказательства имеют существенные различия как в их формировании, так и в их последующей обработке, что представ-

ляется затруднительным для внесения их в одну группу доказательств.

На данный момент в гражданском процессе вопрос о признании аудиоматериалов допустимым доказательством все еще остается на усмотрении суда. Произвести запись на мобильный телефон не составляет труда, так как практически каждый телефон имеет функцию звукозаписи. Поэтому имеет значение, как именно будет зафиксирована аудиозапись для того, чтобы данный вид доказательства рассматривался в суде.

Аудиозапись в качестве доказательства представляет собой записанную на техническом средстве информацию. Данная информация имеет вид сочетания звуков и отражает обстоятельства действительности, имеющие значение для правильного рассмотрения дела [6, с. 238]. неотъемлемым условием указанной аудиозаписи является соблюдение требований законодательства при ее записи.

При создании аудио-доказательства необходимо учитывать, что законом охраняется личная, семейная, корпоративная тайна, поэтому на записи не должно быть подобных сведений, записанных без согласия физического или юридического лица. Сбор сведений, который может осуществляться без согласия лица, определяется Уголовно-процессуальным кодексом РФ и Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности».

В соответствии с ч. 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) «Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов». На суде данное доказательство должно отвечать ряду требований. В частности, в силу правила о допустимости доказательств необходимо, чтобы доказательство отвечало определенным требованиям, регламентированным законодательством:

1. Гражданин, представляя аудиозапись как доказательство, разъясняет, как была получена запись, место и время записи, какие участники ведут разговор. Суд удостоверяется в том, что запись была получена без нарушения законодательства. Затем составляется акт, который приобщается к делу.

2. Необходимым является уточнение, а также доказательственное подтверждение того факта, что голос на записи принадлежит конкретному лицу.

3. В законе прямо не указан способ записи аудио-доказательства. Таким образом, гражданин может произво-

дить запись любым выбранным им способом: на диктофон, кассетную пленку или цифровое записывающее устройство.

4. Запись должна фиксироваться с целью самозащиты.

5. В процессе разговора в записи должны содержаться сведения, касающихся обстоятельств, имеющих значение для рассматриваемого дела.

Вышеперечисленные требования прописаны в Гражданском процессуальном кодексе и Арбитражном процессуальном кодексах РФ.

Тем не менее, суд не всегда принимает цифровую запись к рассмотрению, так как данный вид доказательства легко подделать. Для подтверждения подлинности аудио-доказательства может быть проведена судебная экспертиза.

Правовым основанием назначения и производства фоноскопической экспертизы (исследования) является определение суда. Кроме того, действующее процессуальное законодательство не запрещает проведение любой фоноскопической экспертизы или исследований на договорной основе [7]. Фоноскопическая экспертиза отвечает на такие вопросы исследования, как: каким является дословное содержание разговора, пригодна ли представленная на исследование фонограмма для идентификации говорящего, имеются ли на представленной фонограмме признаки монтажа и др. [2].

В зарубежной практике для удостоверения неизменности доказательств используется так называемая «цепь законных владений» (chainofcustody [4]). Она предполагает, что суд (следователь) должен иметь точную информацию о том, кто и из какого источника получил доказательство, как оно хранилось, кто имел к нему доступ. Установление цепи законных владений цифровыми доказательствами должно стать незыблемым правилом.

Такой подход, исключающий возможность манипулирования данными, записанными при помощи цифрового устройства, позволяет в условиях судопроизводства устранить сомнения в подлинности и достоверности записанной в аудиофайле информации.

Исходя из выше сказанного, аудиозапись является специфическим видом средства доказывания, который должен соответствовать заданным в законодательстве критериям. Аудиозапись, записанная по правилам и соответствующая действительности, может являться значимым подтверждением позиции одной из сторон. Развитие технических возможностей фоноскопической экспертизы способствует более точному исследованию аудиозаписей, что сделает возможным рассмотрение аудиозаписи как средства доказательства в суде.

Литература:

1. Боннер, А. Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. М., 2008. № 3. с. 80

2. Герасимов, А. В., Данилов Д. Б. Заключение эксперта как доказательство в гражданском процессе // Юрист. 2015. № 16. с. 30–33
3. Колосова, М. В. Аудио- и видеозапись как разновидность письменного доказательства
4. Мамулян, А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М., 1993. с. 72
5. Медведев, И. Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции. Екатеринбург, 2003. с. 128.
6. Треушников, М. К. Судебные доказательства. М., 2005. с. 260
7. <http://sud-expertiza.ru/fonoskopicheskaya-ekspertiza-zvukozapisey-audiozapisey-videozapisey/> (дата обращения: 23.11.2019)

Электронные доказательства в гражданском процессе

Саава Яна Александровна, студент магистратуры;

Научный руководитель: Чекмарева Анастасия Валериевна, доктор юридических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

На современном этапе развития человечества все большую значимость приобретает тенденция компьютеризации и автоматизации жизни общества. В силу этого появляется множество разновидностей цифровых, а также электронных носителей, которые значительно отличаются от привычных для нас бумажных. Именно особенность такого рода носителей, а также значительное отличие их от традиционных видов носителей ставит под вопрос допустимость применения в качестве доказательств в гражданском процессе информации, содержащейся на электронных носителях.

В наше время, когда развитие информационных технологий стремительно набирает обороты, всё более очевидной становится неизбежность их интеграции во все сферы жизни общества. Правосудие и судопроизводство как силы, обеспечивающие защиту прав и свобод человека и гражданина, обязаны идти в ногу со временем, а потому не являются исключениями.

С 1 января 2017 года, согласно Федеральному закону от 23.06.2016 № 220-ФЗ, были внесены изменения в законодательство касательно применения электронных документов в деятельности судов. Теперь иск, ходатайство, жалоба и иные документы могут быть поданы в суд в виде электронного документа. Однако более интересной деталью явилось расширение этим законом понятия письменных доказательств в ст. 71 ГПК РФ (а также в статьях КАС РФ и АПК РФ), к которым теперь относятся и документы, полученные через Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью [6].

Прежде всего, следует отметить, что существуют несколько подходов к понятию самих электронных доказательств. Большинство ученых-процессуалистов не раскрывают понятие электронного доказательства, а лишь отождествляют его с электронным документом. Так, определение электронного документа законодательно закреплено в п. 1.1 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Согласно

данному НПА «электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

По мнению ученого М. В. Горелова электронными доказательствами являются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, выполненные в форме цифровой, звуко- и видеозаписи. Также к таковым относятся протоколы судебных заседаний, протоколы процессуальных действий, которые зафиксированы с помощью электронно-вычислительных средств [3].

Представляется, что электронный документ, который содержит в себе сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, при соблюдении легальных требований и получении их в предусмотренном законом порядке и есть так называемое электронное доказательство.

В спорных случаях, когда стороны оспаривают содержание либо сомневаются в подлинности электронного документа, появляется необходимость проведения экспертизы, регулируемой ст. 79 ГПК РФ. Проведенная экспертиза станет основанием достоверности доказательства.

Вероятно, что наиболее эффективным способом придания электронным документам юридической силы на сегодняшний день является электронная цифровая подпись (ЭЦП). Случай подписания электронного документа подобным образом с точки зрения права тождественен собственноручному подписанию письменного документа [5]. Если электронный документ содержит изображение или текст, то распечатывается его бумажная копия, которая оформляется и заверяется уполномоченным лицом; эта копия приобщается к делу и исследуется как обычный письменный документ.

Необходимо отметить, что множество дискуссий ведется по поводу правовой природы электронных доказательств. На теоретическом уровне возник вопрос касательно того, к какому виду доказательств следует их отнести — письменным либо вещественным. По мнению А. Т. Бонера, электронные доказательства все же являются письменными, поскольку сведения, содержащиеся в электронных документах, представляют собой человеческую мысль относительно существующей действительности.

Однако мы считаем, что данный вид доказательства является смешанным, поскольку содержит в себе признаки как письменных, так и вещественных доказательств (представляет собой определенную запись, чаще всего текстового характера, которая хранится на материальном носителе).

Стоит заметить, что в процессуальном законодательстве не содержится понятия электронного документа как доказательства, а также нет разъяснений о том, какими признаками он должен обладать для возможности использования в качестве средства доказывания и приобщения к материалам дела [4].

В правовой действительности электронные документы как доказательства используются крайне редко, поскольку существует ряд пробелов в законодательстве, вследствие чего суд и другие уполномоченные органы признают такие доказательства недопустимыми.

Такой вопрос, как возможность использования электронных доказательств в нынешней государственно-правовой действительности, с другой стороны, сталкивается с множеством трудностей. На первый взгляд, они обладают множеством преимуществ. Но при более пристальном рассмотрении плюсов, можно сделать вывод, что далеко не все они являются столь очевидными и не всегда могут проявиться на практике. И все потому, что для успешного их использования необходимо выполнение ряда правовых, технических и социальных условий, что является далеко не простым делом.

Особую значимость как доказательства имеют аудио- и видеозаписи, отличительным признаком которых являются их высокая степень убедительности. Поскольку

целью доказывания является достижение определенной истины, то такие доказательства позволяют к ней максимально приблизиться. Однако, опираясь на то, что аудио- и видеозаписи подлежат оценке судом с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности, в судебной практике к рассмотрению принимается полученная исключительно законным путем аудио- и видеoinформация, подлинность которой не вызывает сомнений

В то же время отечественное гражданское законодательство допускает использование электронных документов в качестве доказательств. Тем не менее, для широкого их использования необходимо применить некоторые меры. В частности, для определения достоверности информации, являющейся содержанием электронного документа, необходимо обеспечить возможность ее аутентификации и идентификации [2]. Аутентификация — это возможность проверки целостности и неизменности содержания электронного документа. Под идентификацией понимают возможность установления того, что он действительно получен от лица, которое, к примеру, обозначено в нем в качестве отправителя. Для этого данный документ должен иметь соответствующие реквизиты, а именно электронную подпись.

Необходимым представляется внесение некоторых изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ, а именно включить понятие электронного документа как доказательства, закрепить правовые гарантии его использования, гарантии достоверности, определенный процессуальный порядок исследования соответствующих источников в судебном заседании, а также разработать правовые требования относительно формы электронных доказательств.

Использование электронных доказательств в гражданском процессе является перспективным направлением развития института доказательств и доказывания. Нет сомнений, что электронные доказательства будут являться прогрессирующим видом доказательства с развитием науки и техники, в связи с чем просматривается перспектива выделения их в качестве отдельного вида доказательства.

Литература:

1. Боннер, А. Т. О характере истины, устанавливаемой в правосудии // Избранные труды по гражданскому юридическому процессу. СПб., 2013. - с. 106.
2. Гонгало, С. И. Классификация электронных документов как объектов судебной технико-криминалистической экспертизы документов // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2013. — № 367. — с. 95—97
3. Горелов, М. В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: дисс. Канд. Юрид. Наук. Екатеринбург 2008. -с. 100.
4. Нахова, Е. А. Проблемы применения электронных доказательств в цивилистическом процессе и административном судопроизводстве // Закон, 2018. № 4. с. 81—90
5. О правовой природе электронного правосудия и дискуссиях в доктрине гражданского процессуального права см.: Боннер А. Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. с. 22—38
6. Рыжов, К. Б. Принцип свободной оценки доказательств и его реализация в гражданском процессе (науч. ред. В. В. Ярков). — «Инфотропик Медиа», 2012 г. с. 152.

Пути преодоления пробелов и недостатков законодательства при выселении граждан из жилых помещений, предоставленных по договору социального найма

Саргсян Сюзанна Манвеловна, студент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматриваются особенности договоров социального и коммерческого найма жилого помещения и анализируется их соотношение по различным основаниям.

Ключевые слова: *жилое помещение, договор социального найма, выселение.*

В сфере правовой регламентации процесса выселения граждан существует ряд несовершенств, которые необходимо устранить.

В современной науке существует точка зрения, что выселение граждан без предоставления им другого жилого помещения нарушает установленное Конституцией Российской Федерации право граждан на жилище [4].

Как отмечает Е. Е. Гребнева, право на жилище неотчуждаемо, и «выселение лица без предоставления взамен жилья создает определенную коллизию между Конституцией и Жилищным кодексом» [1]. При этом Д. В. Карпухин отмечает, что для соблюдения личных прав человека и гражданина, необходима ликвидация правового института выселения граждан из занимаемого жилища без предоставления другого жилища. Гражданам, независимо от основания выселения из жилого помещения, должна быть гарантирована возможность получения другого жилого помещения.

Однако, на наш взгляд, подобная позиция не обоснована, так как выселение граждан может выступать как мерой, необходимой в силу ряда объективных причин (например, снос дома), так и мерой ответственности в отношении недобросовестных лиц, проживающих в данном жилом помещении.

И, следовательно, в первом случае, действительно, необходима замена одного жилого помещения другим, однако во втором подобная замена будет противоречить существу меры ответственности.

Более того, законодатель предусматривает ограничение произвольного лишения жилища как гарантию конституционного права в ч. 4 ст. 3 ЖК РФ. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, лишение жилища возможно только в судебном порядке и по основаниям, предусмотренным законом [2].

В то же время, на наш взгляд, судебный порядок выселения граждан необходим далеко не всегда. Речь идет о тех случаях, когда выселение выступает не как мера ответственности, а как мера необходимости (снос дома, признание жилья непригодным и пр.), и когда выселение сопровождается предоставлением другого жилого помещения.

Например, если после вынесения межведомственной комиссией решения о признании жилого дома непригодным для проживания органы местного самоуправления,

руководствуясь ч. 2 ст. 57 ЖК РФ, предоставят гражданам вне очереди имеющиеся в муниципальном жилищном фонде свободные помещения, то исключается возможность судебной процедуры [3].

Судебное рассмотрение дела становится необходимым в случаях, когда возникает спор о выселении между органом местного самоуправления и гражданами, не желающими освободить жилые помещения, либо когда решение межведомственной комиссии о признании жилого дома непригодным для проживания оспаривается.

В то же время, Пленум Верховного Суда РФ определяет выселение, проведенное во внесудебном порядке, как произвольное. Однако на наш взгляд, данное положение должно быть конкретизировано, так как проведение судебного разбирательства в каждом таком случае лишено смысла и не осуществляется на практике. Такое противоречие является скорее формальным, однако, тем не менее, на наш взгляд, его необходимо устранить и закрепить, что «упрощенная процедура» выселения также имеет место быть.

Другой проблемой является недостаточная регламентация процедуры выселения собственника из жилого помещения при его изъятии для государственных или муниципальных нужд. В рамках ст. 32 ЖК РФ, такое выселение осуществляется только при условии выкупа данного жилого помещения. Однако размер, сроки и порядок предоставления такого выкупа и проведения изъятия жилого помещения устанавливаются соглашением сторон.

Представляется необходимым в целях соблюдения интересов жильцов законодательно закрепить срок, в течение которого обязательно осуществление такой выплаты, ограничив возможность сторон увеличить его.

Также необходимо введение положения о том, что само изъятие может проводиться исключительно после выплаты размера компенсации, а также после истечения срока, необходимого для поиска собственником нового помещения, который также необходимо закрепить законодательно.

Другой проблемой является тот факт, что, зачастую, граждане остаются недовольны тем, какие жилые помещения им предоставлены взамен в связи с выселением. Чаще всего такие ситуации возникают при замене жилых помещений другими в связи со сносом здания.

Так, в соответствии со ст. 86 ЖК РФ, выселяемым из здания, подлежащего сносу, гражданам предоставляются другие благоустроенные жилые помещения по договорам социального найма.

Верховный Суд Российской Федерации выразил свою правовую позицию по данному вопросу в п. 37 Постановления Пленума, которое уже было упомянуто. Так, Верховный Суд отмечает, что при рассмотрении таких споров, суду следует проверить:

— отвечает ли предоставляемое выселяемым гражданам жилое помещение уровню благоустроенности жилых помещений применительно к условиям данного населенного пункта;

— не будут ли ухудшены жилищные условия выселяемых в него граждан.

При этом неблагоустроенность жилого помещения, из которого выселяется гражданин, и (или) отсутствие в нем коммунальных удобств не являются основанием для предоставления ему жилого помещения, не отвечающего требованиям статьи 89 ЖК РФ.

Следовательно, законодательство и судебная практика гарантирует гражданам в данном случае только условия проживания, которые не будут ухудшены по сравнению с прежними.

Однако на практике граждане ошибочно считают, что при выселении в связи со сносом им должны предоставляться жилые помещения по договору социального найма общей площадью на одного человека не менее нормы предоставления (согласно ст. 57 ЖК РФ) и при этом должны учитываться их законные интересы, например, что заселение одной комнаты лицами разного пола, за исключением супругов, допускается только с их согласия (ч. 1 ст. 58 ЖК РФ).

Так, 30.02.2013 Королевским городским судом рассмотрено гражданское дело по иску Комитета имущественных отношений Администрации города Королева Московской области к гражданам П. о выселении в связи со сносом

дома с предоставлением другого благоустроенного жилого помещения.

Как следует из материалов дела семья граждан П. занимала однокомнатную квартиру общей площадью 27,2 м². В связи со сносом дома им была предоставлена благоустроенная однокомнатная квартира общей площадью 32,2 кв.м, расположенная в том же населенном пункте.

Однако, граждане отказались переселяться в предоставленное жилое помещение и мотивировали свой отказ тем, что в их семье двое мужчин и четыре женщины и им должна быть предоставлена трехкомнатная квартира.

По настоящему делу суд вынес решение, которым удовлетворил требование Комитета имущественных отношений Администрации города Королева о выселении семьи П. в связи со сносом дома в другое жилое помещение, поскольку оно предоставлено в соответствии с требованиями статьи 89 ЖК РФ и при этом жилищные условия граждан не ухудшены.

Апелляционная инстанция Московского областного суда оставила указанное решение суда без изменения, а апелляционную жалобу граждан без удовлетворения [5].

На наш взгляд, необходимо дополнить ст. 89 ЖК РФ положением о том, что предоставляемые помещения должны не только не ухудшать положение жильцов, но и не нарушать их законные права (следовательно, и право на получение жилого помещения в соответствии с нормой предоставления, и право на отказ в проживании разнополых лиц в одной комнате, и иные права),

Таким образом, законодательство, регламентирующее процесс выселения граждан из жилых помещений, в настоящее время требует усовершенствования и устранения противоречий.

Подобные нарушения должны быть устранены, так как вопрос выселения — это один из наиболее проблемных аспектов жилищного права на практике, а случаи таких выселений, особенно по договорам социального найма, весьма распространены.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.
3. Даниленко, Я. В., Орешкина В. Н. Актуальные проблемы выселения из жилых помещений в Российской Федерации // URL: <https://scie.ru/ceforum.ru/2014/article/2014003951>.
4. Гребнева, Е. Е., Яременко Н.Е. Право на жилище и проблемы выселения из жилого помещения // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. №3 (10). с. 40-44.
5. Sudact.ru // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7JcN2LmvVmWWm/> (дата обращения: 07.11.2019).

Основания возникновения отношений по фактическому воспитанию ребенка и круг лиц, относящихся к фактическим воспитателям, по Семейному кодексу РФ

Сигачева Татьяна Васильевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: фактический воспитатель, родитель ребенка, орган опеки, содержание ребенка, фактическое воспитание ребенка.

Термин «фактические воспитатели» можно описать через призму ст. 96 СК РФ, согласно которой к такой категории граждан можно отнести нетрудоспособных нуждающихся лиц относятся, которые имеют право через суд взыскать алименты с воспитанников, если они осуществляли подобающее воспитаннике и содержание воспитанников на протяжении минимум пяти лет.

Из Вышеописанного понятно, что в законодательстве отсутствует какое-либо конкретное понятие категории фактического воспитателя ребенка. В связи с имеющейся неточностью в семейном законодательстве возможны неправомерные решения семейных конфликтов между фактическими воспитателями и воспитанниками. Помимо этого, изменения в СК РФ и КоАП РФ в недалеком будущем смешать понятия лица, который заботился о ребенке на протяжении значительного срока, с которым у ребенка эмоциональная связь, и фактического воспитателя, который хочет отстоять свое право на общение с воспитанником в административном порядке [9]. По этой причине следует в законодательстве, а если быть точнее, то в Семейном Кодексе РФ, закрепить термин «фактический воспитатель» [7].

Для того, чтобы верно описать круг лиц, имеющих право быть признанными фактическими воспитателями, следует в первую очередь определить причины возникновения фактического воспитания, считается ли фактическое воспитание каким-либо видом воспитания ребенка, какие критерии необходимо предъявлять потенциальным фактическим воспитателям.

Согласно 1 ст.63 СК РФ преимущественное право воспитывать своего ребенка перед другими лицами имеют родители. В юридической формулировке родители это лица, «в отношении которых было установлено отцовство (материнство) как в добровольном, так и в судебном порядке» [8]. Родители должны воспитывать ребенка с учетом всестороннего развития, как физического развития, так и психического и нравственного воспитания. В семейном законодательстве возможность родителей воспитывать ребенка рассматривается как в точки зрения права родителей, но также и с точки зрения их обязанности, потому что ребенок имеет право жить и воспитываться в своей семье со своими родителями [10]. В случае несоблюдения данного права принимаются меры в отношении лиц, нарушившие это право, и, в первую очередь, в отношении родителей.

Опираясь на ст. 54 СК РФ можно сказать, что преимущественным правом ребенка считается его право жить и воспитываться в семье, невзирая на наличие или отсутствие родителей. Если родителей у ребенка нет и, следовательно, отсутствует родительская забота, то по законодательству следует возложить функции по защите прав и законных интересов ребенка на орган опеки и попечительства. Причины оставления ребенка без заботы и защиты интересов родителями могут быть самыми различными. В части 1 ст. 121 СК РФ описаны часто встречающиеся основания: смерть родителей, лишения их родительских прав, ограничения их в родительских правах, признания родителей недееспособными, болезни родителей, длительное отсутствие родителей, уклонение родителей от воспитания детей или от защиты их прав и интересов, в том числе при отказе родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, или аналогичных организаций, создание действиями или бездействием родителей условий, представляющих угрозу жизни или здоровью детей либо препятствующих их нормальному воспитанию и развитию, иные случаи [7].

В некоторых случаях ребенка, который остался без родительского попечения, берут на воспитание его родственники или люди, имеющие доверительные отношения с семьей, без оформления каких-либо форм воспитания ребенка. К примеру, в случаях, когда в силу профессии родители не могут продолжительное время участвовать в воспитание ребенка, то в подобных случаях следует обратиться к такому роду воспитания, как фактическое воспитание. При помощи фактического воспитателя, а это может быть близкий родственник, или друзья семьи, совершалось бы необходимое воспитание и забота о ребенке. Если в законодательстве закрепят подобного рода форму воспитания ребенка, то данный факт даст возможность избежать ряда спорных моментов.

На сегодняшний день, если органы опеки и попечительства узнают об отсутствии длительное время родителей у ребенка, то опираясь на ст. 123 СК РФ, запускают процесс устройству ребенка в другую семью либо госучреждения, даже в случаи уже имеющей семьи фактического воспитателя и эмоциональной связи между ним и ребенком.

Закрепление в законодательстве данного типа воспитания определенно уменьшит число детей, которые вос-

питываются в госучреждениях, и расширит список, на основании чего ребенок мог бы продолжать воспитываться в семье, что на сегодняшний день является преимущественным, согласно ст. 123 СК РФ. Однако, для избежание нарушения прав и законных интересов ребенка, воспитывающегося в семье фактического воспитателя, органу опеки и попечительства необходимо проводить регулярные проверки условий жизни проживания и воспитания ребенка, а также оценку его как физического, так и психического состояния. В случае обнаружения факта нарушений прав ребенка фактическим воспитателем органу опеки и попечительства следует в обязательном порядке предпринять надлежащие меры, которые защитят права ребенка.

Следует учитывать, что лицо, которое может участвовать в воспитании ребенка при усыновлении, регистрации брака, фактических брачных отношениях с одним из родителей ребенка, по сути является фактическим воспитателем лишь при условии самоличного изъявления желания стать фактическим воспитателем ребенка и отстаивать его интересы. Добровольность изъявления желания в отношении воспитания и содержания ребенка, который по каким-либо причинам остался без попечения родителей, в полной мере должна быть у фактического воспитателя в ситуациях принятия ребенка в свою семью. Следовательно, вне зависимости от причин, гипотетического факта фактического воспитания ребенка, обязательно добровольное решение самого фактического воспитателя.

Однако необходимо установить исключение из данного правила: при условии, что фактическое воспитание ребенка происходило под давлением третьих лиц физического или психического типа, тогда это не считается причиной признания отношения по фактическому воспитанию не имеющие место быть, игнорирования осуществления фактического воспитания, если достоверно известно, что

фактический воспитатель воспитывал и содержал ребенка в хороших условиях и в назначенное законом время (в решении спора об алиментах между воспитанником и воспитателем).

Фактическое воспитание и содержание ребенка фактическим воспитателем до наступления совершеннолетия нельзя назвать условием в отличие от родителей ребенка. В случае прекращения осуществления фактического воспитания и содержание ребенка фактическим воспитателем после определенного времени, то к нему не будет применяться правовая ответственность, однако фактическим воспитателем будут порушены моральные законы.

Проанализировав основания возникновения фактического воспитания ребенка как самостоятельной формы воспитания детей, следует четко описать круг лиц, которые могут быть фактическими воспитателями. К каким лицам в первую очередь относятся близкие или дальние родственники ребенка, следующими идут лица, не связанные родством либо лица, находящиеся с одним из родителей ребенка в браке. На сегодняшний момент семейным законодательством предусмотрено, что в момент совершения усыновления, опеки (попечительства), передачи в приемную семью или на патронатное воспитание одним из важных критериев по отношению к воспитателю, считается его совершеннолетие, а также дееспособность. Соответственно таким же критериям должен отвечать и фактический воспитатель.

В итоге можно сказать, что фактические воспитатели — это дееспособные лица, достигшие совершеннолетия, находящиеся или не находящиеся в родственных связях с ребенком, воспитывающие и содержащие ребенка подобающим образом на добровольной основе; усыновленного одним из супругов, а также без оформления договора опеки (попечительства) или усыновления.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 N 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019)// [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/
3. Борисов, А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» / А. Н. Борисов. — М.: Юстицинформ, 2015. — 232 с.
4. Груздев, В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву / В. В. Груздев. — М.: Wolters Kluwer, 2015. — 272 с.
5. Ершов, В. А. Опека и попечительство / В. А. Ершов. — М.: ГроссМедиа, Гроссбух, 2015. — 112 с.
6. Невзоров, А. С. Опека над несовершеннолетними: исторический очерк института / А. С. Невзоров. — М.: Нобель Пресс, 2017. — 209 с.
7. Опека и попечительство: учебное пособие / Е. В. Мартынова, Н. В. Карасева, Т. С. Киенко, С. Н. Фрондзей; под общей редакцией Е. В. Мартыновой; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014—168 с.
8. Темникова, Н. А. Природа договора об осуществлении опеки (попечительства) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 12.11.2019) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
10. Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

Предмет договора об осуществлении опеки или попечительства

Сигачева Татьяна Васильевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Ключевые слова: попечитель, попечительство, осуществление опеки, заключение договора, опекун, договор, орган опеки, назначение опекуна, ГК РФ.

ФЗ «Об опеке и попечительстве», который вступил в законную силу в 2008 году, внес определенное количество новых положений, требующие научного размышления. Неопределенна и сама природа договора об осуществлении опеки (попечительства), который заключается в случаи, когда опека (попечительство) является возмездной.

Пункт 1 ст. 14 Закона оговаривает, что назначение опеки и попечительства возможно по договору об осуществлении опеки либо попечительства (включая договор о приемной семье или в ситуациях, которые учтены законами субъектов РФ, по договору о патронатной семье). Однако в этой самой статье отмечается, что причиной для заключения договора, а также причиной формирования правоотношения между опекуном (попечителем) и подопечным следует считать акт органа опеки и попечительства о назначении опекуна (попечителя) [2].

Изучим наиболее тщательно природу договора об осуществлении опеки (попечительства). Итак, договор необходимо заключать в том случае, если акт органа опеки и попечительства определяет, что опекун (попечитель) осуществляет свои прямые обязанности возмездно. В Законе на сегодняшний день нет определенных причин установления возмездной опеки, а сохранено прежде действующее положение о безвозмездном осуществлении обязанностей опекунами (попечителями), в случае, когда другое не предусмотрено ст. 16 Закона и СК РФ. Однако следует учитывать, что ст. 16 не определяет каких-либо причин для установления возмездной опеки, а определяет методы получения вознаграждения опекуном (попечителем).

Статья 14 Закона определяет, что права и обязанности опекуна (попечителя) по представительству и защите интересов опекаемого возникают с того времени, когда принят акт органом опеки и попечительства. Необходимо подчеркнуть определенную неточность формулировки. В Законе нет точного определения времени, с которого опекун (попечитель) имеет право проживать с подопечным и ухаживать за ним, беспокоится о его здоровье, воспитании,

а также обучении несовершеннолетнего. Предполагается, что данный момент следует понимать широко: внутреннее правоотношение между опекуном (попечителем) и опекаемым зарождаются со времени принятия акта. Основная суть этих внутренних правоотношений, однако, не ограничиваются представительством и защитой интересов опекаемого. Следовательно, с момента принятия акта о назначении опекуну следует проживать с опекаемым, проявлять заботу о содержании опекаемого, обеспечивать его уход и лечение, обучение, воспитание, а также и развитие несовершеннолетнего опекаемого.

Урумова Т. О. подчеркивает, что договор это всего лишь одни из юридических фактов в данном правоотношении, так как в первую очередь права и обязанности опекунов (попечителей) возникают на основании определенно акта органа опеки и попечительства [4]. В широком смысле данное утверждение правдиво, но с оговоркой, что договор является основанием для получения компенсации за совершение опеки. По сути, его следует называть не «договор об осуществлении опеки и попечительства», а скорее всего «договор о получении вознаграждения за осуществление обязанностей опекуна (попечителя)» [8].

Отсюда следует, что этот договор должен описывать, прежде всего, источники, способы и порядок получения вознаграждения опекуном (попечителем). Темникова Н. А. утверждает, что «права и обязанности, связанные с самой деятельностью опекуна (попечителя), являющиеся элементами содержания внутреннего правоотношения опекуна и подопечного, определены СК РФ, ГК РФ и ФЗ «Об опеке и попечительстве». [8]

Сама процедура заключения договора также говорит о присутствии неточности относительно процедуры, которая определена гражданским законодательством. Договор необходимо заключать в течение десяти дней с момента вынесения решения о назначении опекуна (попечителя) согласно с Правилам заключения договора об осуществлении опеки или попечительства в отношении несовершеннолетнего подопечного. Данный договор об осуществлении опеки (попечительства) нельзя заключать

с помощью представителя. Если имеются моменты, когда органы опеки и попечительства пытаются избежать заключения данного договора, в таком случае опекун (попечитель) вправе предъявить требование об обязательстве заключения договора [3].

Необходимо отметить, что в Законе ничего не сказано о том, что требования необходимо предъявлять в суд, указано лишь, что требования, указанные в п. 4 ст. 445 ГК РФ, предъявляются органу опеки и попечительства, в то время как данная норма ГК РФ непосредственно включает правило о судебной подведомственности этого вида дел. Но следует учитывать, что, беря в приоритетность судебную защиту законных прав и интересов граждан в Российской Федерации, опекун (попечитель) в праве через суд обязывать органа опеки и попечительства к заключению договора об осуществлении опеки и попечительства. Думается, что было бы меньше споров в случае указания данного права опекуна в Законе «Об опеке и попечительстве».

В случаи появления противоречий опекун (попечитель) может предложить в письменной форме согласование спорных критериев и в шестидневный срок он решает вопрос согласования условий либо в письменной форме сообщает опекуну об отказе в заключении данного договора. На наш взгляд, данный пункт Правил несправедливо ограничивает права опекуна. Как известно договор об осуществлении опеки и попечительства заключается, основываясь на акт о назначении опекуна (попечителя). Если договор не заключается по каким-либо причинам, то, естественно, не возникает права опекуна на получение вознаграждения, в то время как в акте сказано, что опека является возмездной.

В законах регионах РФ в ряде причин выплаты вознаграждения опекунам (попечителям) является договор об осуществлении опеки и попечительства. Наиболее разумным было бы использовать положение п. 2 ст. 445 ГК РФ, с уточнением, что опекуна имеет право передать на рассмотрение суда противоречия, которые могут возникнуть при заключении договора [1].

Предмет рассматриваемого договора определен задачами его заключения: потребностью установить источники, процедуру и методы получения вознаграждения опекуном. Как сказано в ст. 16 источники получения денежных средств могут быть различными: «это могут быть бюджет субъекта Российской Федерации, средства третьих лиц (в том числе и организаций), средства самого подопечного». Методы получения вознаграждения в свою очередь тоже могут быть разными, так, например оно может выплачиваться в денежной форме, опекуну могут дать право

эксплуатировать имущества подопечного, а также проживание в его жилом помещении.

Однако следует учитывать, что в законодательстве о заключении договора нет такой формулировки, которая определяла право попечителя использовать имуществом четырнадцатилетнего опекаемого. Согласно ст. 26 ГК РФ подопечные, достигшие 14 летнего возраста, имеют право самостоятельно совершать сделки с согласия своих попечителей. Отсюда следует, что согласно гражданскому законодательству органы опеки и попечительства не имеют право использовать имущество подопечного без его согласия [8].

Если взять во внимание, что предмет договора об осуществлении опеки это, прежде всего, право опекуна (попечителя) пользоваться жилым помещением, которое принадлежит подопечному, в таком случаи необходимо определить и обязанности, которые связаны с пользованием жилого помещения. Думается, что следует указать, что с завершение опеки (попечительства) оканчивается возможность опекуна использовать жилое помещением, которое принадлежит подопечному.

Какие-либо другие значительные условия договора Законом «Об опеке и попечительстве» не предусмотрены. Договор может определять срок его действия. Также в договоре можно предусмотреть меры за несвоевременное либо ненадлежащее исполнение обязанностей органом опеки или опекуном.

Не беря во внимание название ст. 14 «Установление опеки и попечительства по договору об осуществлении опеки или попечительства», учитывая вышеописанное, возможно прийти к следующему выводу: отказ от заключения договора, его неисполнение нельзя назвать категорическим основанием для завершения опеки либо попечительства. На основании ст. 29 Закона права и обязанности опекуна (попечителя) могут считаться прекращенными с момента подписания акта об освобождении опекуна (попечителя) от исполнения возложенных на него обязанностей [8].

Следовательно, можно сделать следующие выводы.

Принятие ФЗ «Об опеке и попечительстве» также не внесла ясности в понимание сущности внутренних отношений между опекуном (попечителем) и подопечным. Все также исход разногласий напрямую зависит от понимания отраслевой самостоятельности семейного права, а точнее от понимания, что в отношениях опеки (попечительства) над несовершеннолетними и недееспособными существуют значительные различия.

Литература:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 N 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019)// [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/
3. Борисов, А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» / А. Н. Борисов. — М.: Юстицинформ, 2015. — 232 с.

4. Груздев, В. В. Возникновение договорного обязательства по российскому гражданскому праву / В. В. Груздев. — М.: Wolters Kluwer, 2015. — 272 с.
5. Ершов, В. А. Опекунство и попечительство / В. А. Ершов. — М.: ГроссМедиа, Гроссбук, 2015. — 112 с.
6. Невзоров, А. С. Опекунство над несовершеннолетними: исторический очерк института / А. С. Невзоров. — М.: Нобель Пресс, 2017. — 209 с.
7. Опекунство и попечительство: учебное пособие / Е. В. Мартынова, Н. В. Карасева, Т. С. Киенко, С. Н. Фрондзей; под общей редакцией Е. В. Мартыновой; Южный федеральный университет. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014—168 с.
8. Темникова, Н. А. Природа договора об осуществлении опеки (попечительства) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. № 4.

Мера семейно-правовой ответственности в виде лишения родительских прав

Смирнова Ангелина Владимировна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Семья является важнейшим социальным институтом, который содержит принципы культуры и воспитания личности. Забота о детях, их воспитание и развитие это, в первую очередь, ответственность семьи, а внутри семьи — их родителей. С самого рождения родители должны защищать своих детей. В настоящее время положение ребенка обусловлено его беззащитностью, которая обусловлена частичной или полной социальной, физической незрелостью.

Дети — это отдельная и особая группа, нуждающаяся в заботе нашего государства. Как гарант прав и свобод человека, государство не может не беспокоиться о состоянии будущего поколения [4].

В пункте 1 статьи 9 Конвенции о правах ребенка говорится, что государство гарантирует право ребенка не разлучаться со своими родителями вопреки их желанию. Однако существуют исключения, как, например, случаи, когда уполномоченные органы в соответствии с решением суда определяют, что такое разделение необходимо в наилучших интересах несовершеннолетнего [1].

Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию, содержанию и защите прав ребенка, является социально значимой проблемой российского общества.

Защита прав детей обеспечивается комплексом мер, одной из которых является лишение родительских прав.

Лишение родительских прав применяется, во-первых, как виновное противоправное поведение, а во-вторых, как принудительное по решению суда прекращение родительского правоотношения, влекущее утрату родителем всех своих прав, основанных на факте родства с ребенком.

Сущность лишения родительских прав заключается в прекращении родительских отношений, но есть и исключения. Нельзя лишить родительских прав в отношении ещё не родившегося ребенка. Основания для применения такой меры разъяснены в пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда № 10 [3].

Лишение родительских прав рассматривается как мера семейно-правовой ответственности. Такая мера применяется судом в случае, если родители совершили правонарушение, либо умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей.

В статье 69 Семейного кодекса РФ приведены основания лишения родительских прав. Перечень является исчерпывающим.

Родители могут быть лишены родительских прав, если они: уклоняются от выполнения своих обязанностей, включая злостное уклонение от уплаты алиментов; отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома; злоупотребляют своими родительскими правами; жестоко обращаются с детьми, осуществляя физическое или психическое насилие над ними; являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией, а также совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей [2].

Семейный кодекс РФ направлен на создание и поддержание нормальной семьи с детьми, развитие и воспитание их путем ведения приемлемого для общества образа жизни.

Вопрос о лишении родительских прав рассматривается только в судебном порядке. Обратиться с иском заявлением может как один из родителей, так и оба родителя. Усыновители, опекуны и попечители, прокурор, органы опеки и попечительства, организации для детей-сирот, на которые возложены обязанности по охране прав ребенка, что предусмотрено пунктом 1 статьи 70 Семейного кодекса РФ, также имеют такое право [2]. При рассмотрении дел о лишении родительских прав обязательным условием является мнение несовершеннолетнего, который достиг возраста десяти лет.

Анализируя материалы судебной практики, можно сказать о том, что бывают случаи, когда органы опеки и попечительства передают суду не акты проверки условий жизни ребенка и лица, претендующего на воспитание,

а документы, являющиеся актом обследования жилищно-бытовых условий.

Следует отметить, что выводы органов опеки и попечительства зачастую не мотивированы и содержат только общие фразы, касающиеся жилищных условий. Они не раскрывают характер отношений между родителями и ребенком, не включают указаний на опасность для жизни и здоровья ребенка.

Можно сделать вывод о том, что судьи должны выносить такие определения, в которых вопросы должны быть сформулированы органами опеки и попечительства таким образом, чтобы получить на них конкретные ответы [5]. Такими примерными вопросами могут быть:

1. в каком окружении находится ребенок;
2. насколько условия воспитания ребенка соответствуют его интересам;
3. как относятся родители к ребенку.

В судебной практике существует возможность восстановления родительских прав, основанием для которой может стать изменение поведения родителей, образа жизни и отношения к воспитанию ребенка.

Литература:

1. «Конвенция о правах ребенка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990)
2. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 29.05.2019) [принят Государственной Думой Государственной Думой 08 декабря 1995 года]
3. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1998. — № 7.
4. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) — ст. 38.
5. Цуканова, В. И. Некоторые особенности доказывания по делам о лишении родительских прав // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 2. с. 23–24.
6. [Пчелинцева, Л. М. Семейное право России: учебник. 3-е изд., перераб. И доп. М., 2004. с. 345.

Значение мысленной криминалистической модели для расследования преступлений

Старицына Екатерина Евгеньевна, студент магистратуры;
Толстолужинская Елена Михайловна, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

Процесс расследования преступлений содержит в себе множество разноаспектных задач, для решения которых следователь применяет различные криминалистические методы. Важное положение среди таких методов занимает моделирование.

Помимо сотрудников следствия, метод моделирования применяется сотрудниками, осуществляющими ОРД (оперативно-разыскную деятельность), экспертами-криминалистами. Каждый из них встречается на практике с различными видами моделей, которые способствуют до-

стижению общей цели — раскрытию преступлений. На мой взгляд, суды при рассмотрении данного вопроса должны исходить, прежде всего, из интересов самого ребенка.

Изучив практику дел о восстановлении родительских прав, можно сказать о том, что такие иски поступают в суды редко.

Основанием может являться:

1. законность, обоснованность судебных решений о лишении родительских прав;
2. усиление принципа приоритета семейного воспитания;
3. укрепление семейных ценностей, либо тот факт, что большинство родителей, которые лишены родительских прав, на путь исправления не становятся.

Но в то же время, проблема спада авторитета семьи остается актуальной.

Не стоит забывать, что лишение родительских прав выполняет функцию не только наказания в отношении родителей, но и служит целям защиты прав и интересов ребенка, устранения опасности для его жизни, здоровья, создания предпосылок для надлежащего воспитания [6].

стижению общей цели — раскрытию преступлений. Наиболее полное понятие криминалистической модели дают В. Г. Лукашевич и О. В. Юнацкий. Согласно их точки зрения, криминалистическая модель — это искусственно созданная материальная или идеальная система, которая воспроизводит с определённой степенью сходства, заменяемые ею объект, изучение и проверка которой позволяют получить новые знания относительно этого объекта и использовать их для выполнения поисковых, познавательных, идентификационных и других задач в процессе

расследования преступлений [1, с. 80]. Таким образом, метод моделирования применяется при отсутствии возможности исследовать сам объект. Сущность моделирования заключается в построении, на основе имеющейся информации, материальной или мысленной модели, при помощи которой проводится исследование и получают новую, необходимую для расследования преступления информацию.

Криминалистическое моделирование представляется в роли значимого познавательного средства, которое помогает следователю с учетом ситуационных факторов решить целый комплекс определенных задач. К примеру, при расследовании преступлений следователь, узнавая подробности случившегося, может воспроизвести мысленно модель обстоятельств в своем сознании. И чем больше следователь получает новой информации о расследуемом событии или о лице подозреваемом в совершении преступления, тем более наполненной и истинной становится его мысленная модель. По мысленной модели, следователь воссоздает последовательность действий, которая могла происходить при совершении преступления. Она помогает проследить хронологию возникновения криминального события, разобраться в его сути и установить причастность лиц в совершенном преступлении.

Мысленная модель как следственная ситуация реально существующих условий может полностью или частично отражать содержание ситуации расследования или полностью не совпадать с ней [3, с. 63].

Мысленная модель не может выступать в роли доказывания каких-либо фактов преступления, но она может способствовать накоплению и систематизированию имеющейся информации, может выступать как способ поиска и получения ранее неизвестной информации о преступлении, или о лице его совершившем. Кроме того, моделирование помогает установлению свидетелей преступления и событий, предшествующих совершению преступления и наступившим последствиям.

А. В. Батюк считает, что использование данного метода в практике следователем позволяет:

- 1) построить, проверить и оценить информационную модель расследуемого события и его составляющих;
- 2) оптимизировать подготовку и планирование следственного действия;
- 3) повысить эффективность принятия организационно-тактических решений следователя;
- 4) разработать систему воздействия на отдельных участников процесса [2, с. 33].

При построении, проверке и оценке информационной модели расследуемого события следователь в большинстве случаев воспринимает и отражает в сознании значительно большую по объему информацию по сравнению с той, что фиксируется в протоколах и иных процессуальных документах. Расследуемое событие отображается как бы на двух уровнях: на процессуальном и на уровне сознания следователя — в информационной модели. И поскольку в модели кроме достоверных знаний

содержатся еще вероятные знания (полученные на основании версий, или при использовании типовых моделей), постольку информационная модель события в ходе расследования имеет главным образом криминалистическое значение. Поэтому именно анализ информационного состояния модели криминального события на конкретный момент расследования и приводит следователя к выводу о необходимости проведения того или иного следственного действия.

Также общеизвестно, что эффективность проведения любого следственного действия во многом обусловлена ее предварительной подготовкой. Традиционно в тактико-криминалистических рекомендациях роль подготовительной стадии сводится, как правило, к составлению устного или письменного плана проведения того или иного следственного действия. Например, подготовка сложного допроса с использованием значительного объема исходной информации в таких рекомендациях сводится к составлению письменного плана, в котором должны быть отмечены обстоятельства, подлежащие выяснению при допросе, а также список вопросов, который необходимо предоставить допрашиваемому.

При определенной пользе такого рода подготовки к допросу все же очевидно, что предлагаемый план вовсе не учитывает возможностей возникновения в процессе допроса самых разнообразных следственных ситуаций, решения которых также требует надлежащей подготовки. Кроме того, в некоторых случаях даже следователи, которые имеют большой опыт работы, иногда в процессе расследования оказываются в новых, ранее незнакомых ситуациях. Именно в таких случаях и проявляется целесообразность применения метода моделирования, который позволяет оперативно распознать и адекватно оценить имеющуюся следственную ситуацию, незнакомые ситуационные факторы свести к известным, для которых уже разработан оптимальный алгоритм или программа действий.

Особое внимание необходимо уделить рассмотрению проблемных ситуаций, характеризующихся наличием противоречий между известными и неизвестными следователю обстоятельствами. Одним из способов решения проблемных ситуаций можно считать создание идеальной информационной модели расследуемого события, а также ее следующее исследование. Анализ модели позволит следователю выяснить: какого рода информацию можно получить в ходе предстоящего допроса, определить цель и наметить конкретные задачи допроса.

Целесообразность использования моделирования при подготовке к допросу заключается и в том, что позволяет разработать систему воздействия на отдельных участников процесса.

К примеру, целесообразно начать построение модели личности допрашиваемого до проведения допроса, на стадии подготовки к данному следственному действию.

Использование криминалистического моделирования в стадии непосредственного хода следственного действия

значительно оптимизирует процессы диагностики следственной ситуации и принятие правильного решения.

К примеру, при допросе следователь анализирует складывающуюся ситуацию в ходе его проведения. Но с учетом имеющихся информационных и психологических факторов расследования представляется возможным предварительное прогнозирование ситуаций будущего допроса. Прогнозирование является эффективным, поскольку оно позволяет не только предугадать возможные при кон-

кретном допросе ситуации, но и дает возможность заранее наметить благоприятные исход данного следственного действия для следователя, а также предусмотреть применение комплекса тактических приемов. Применение криминалистического моделирования позволяет даже не типовую ситуацию свести к одной из типовых, дает возможность заблаговременно выбрать или разработать наиболее целесообразный алгоритм решения определенных затруднений.

Литература:

1. Лукашевич, В. Г. Моделирование в криминалистике и познавательной деятельности следователя: [монография] / В. Г. Лукашевич, О. В. Юнацкий. — К., 2008 г.
2. Батюк, О. В. Особенности использования криминалистических моделей, приемов и навыков при проведении следственных действий / О. В. Батюк // Форум права. — 2009. — № 1. — с. 29–34. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/FP/2009-1/09bovpcd.pdf>.
3. Иванов, К. Г. и др. Криминалистика: учебник / Министерство науки и высшего образования РФ, Тюменский государственный университет. — Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018—652 с.

История развития института наказаний, связанных с изоляцией от общества в дореволюционной России

Старченко Елена Александровна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Автором проведен анализ истории развития в дореволюционной России института наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества. В статье рассматривается история становления и развития учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, связанных с изоляцией от общества.

Ключевые слова: каторга, арест, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы, наказания, связанные с изоляцией от общества.

Становление положений пенитенциарного законодательства началось еще при формировании государства и права Древней Руси. Самым известным памятником древнерусского права, который содержит положения об уголовных наказаниях и их исполнении, является Русская Правда. В Русской Правде нет упоминаний о наказаниях, связанных с изоляцией от общества, отсутствуют записи о такой мере наказания как лишение свободы. Тюрем в Древней Руси ещё не строили, не было осознания влияния на правонарушителя нахождения в изоляции [1, с. 43].

Источниками норм, которые содержали упоминания о наказаниях, связанных с изоляцией от общества, стали общероссийские Судебники 1497 и 1550 г. Система наказаний и процесс их исполнения по Судебникам 1497 и 1550 г. приобрели более суровый характер, направленный на максимальное устрашение преступников и населения.

Впервые мера о пожизненном лишении свободы находит свое закрепление в Судебнике 1550 г. В представ-

ленном акте, как обращают внимание исследователи, в 21 случае приведены условия, когда правонарушителей следует «отсылать в тюрьму». Такое наказание предусматривалось за взяточничество, ложное обвинение судей в предумышленном неправосудии (ст. 4, 6 Судебника 1550 г.) и иные виды преступных деяний. Статья 52 указывает, что «тот, кто сознался в совершенном злодеянии должен быть казнен смертной казнью. Ежели он не признавался в совершенном им деянии, то он подвергался бессрочному тюремному заключению с обязательным возмещением иска» [8, с. 201].

В XVI в. в актах местного самоуправления пожизненное лишение свободы рассматривается крайне подробно: в Медыньском губном наказе исследователи обнаружили 14 статей, в четырех из которых предусматривается данный вид наказания [15, с. 37].

Следующим этапом в развитии предписаний об уголовных наказаниях и их исполнении являлось Соборное Уложение 1649 г., которое включало 25 глав и 967 статей.

Соборное уложение можно считать сводом законов Российского государства XVII века. В Соборном Уложении впервые упоминается о цели наказания, основной являлась устрашение потенциальных правонарушителей, затем зарождаются идеи о необходимости исправления преступников [7, с. 30].

Наказания, связанные с изоляцией от общества, стали ведущими мерами по применению. В Соборном Уложении стало широко применяться тюремное заключение, ссылка наказания в виде смертной казни, телесные (в частности, членовредительские) меры.

Санкция в виде тюремного заключения назначалась сроком от трех дней до четырех лет, либо на неопределенный срок. Данный вид наказания в Уложении упоминался более чем в 40 статьях: за неумышленное убийство, увечье, за нарушение благочиния в церкви и на государственном дворе, татьбу и т. п.

В соответствии со ст. 9 главы XXI Уложения за первую кражу давали 2 года тюремного заключения, а за повторную — 4 года. Применялось бессрочное тюремное заключение, часто оно устанавливалось «на сколько государь укажет» (ст. 8, 9 главы XX). Пожизненное лишение свободы назначалось до кончины осужденного (ст. 28 главы XXI) [10, с. 154].

Тюрьма по обыкновению своему представляла собой деревянную избу, окруженную тыном. Для политических и религиозных преступников, именуемых врагами и отступниками, возводили особые тюрьмы. Члены всех сословий находились совместно. Узников содержали за счет подаяний [13].

Необходимо обратить внимание, что в Соборном Уложении тюремная система была не развита, а именно не были закреплены нормы, устанавливающие правовое положение и содержащие условия, которые предусматривают раздельное содержание заключенных.

В период царствования Петра I просматривается тенденция к ужесточению карательной политики в обеспечении защиты государственных интересов в сфере уголовного права. Стоит отметить его роль в изменении системы уголовных наказаний, в частности расширилось применение смертной казни, телесных наказаний, тюремного заключения, появились наказания в виде каторжных работ, ссылка на галеры, новые виды позорящих наказаний. Большое количество преступлений предусматривали наказание в виде смертной казни, которая могла быть простой (повешение, отсечение головы, расстрел) либо квалифицированной (сожжение, колесование, четвертование и др.). Особое значение приобретает каторга, которая была официально зафиксирована в 1699 г. Именно она, как вид тяжкого наказания, включала в себя, в том числе несколько карательных составляющих: лишение на определенный срок или пожизненно [6, с. 797].

Появляется такое наказание, как арест, который применялся в ту эпоху исключительно как «осрамительное» наказание для военнослужащих. Первые применения уголовного наказания в виде краткосрочного ареста в отно-

шении иных категорий граждан приходится на первую половину XIX века и связано с проводимыми в России реформами [3, с. 357].

Анализируя Воинский Артикул, можно заметить неясные формулировки, касающиеся вопросов санкций («жесточайше наказать», «жестоко наказать», «или иным наказанием будет наказан»), а также неопределенность сроков наказания (например, «некоторое время») встречаются часто в Артикулах, что не оказывало положительного влияния на ясность, верность и корректность применения наказаний за нарушение закона. Для наказания того времени характерна демонстративность, некоторые остаточные механизмы мести, попытки изолировать преступника от общества [15, с. 39].

Таким образом, изолирование, исключение из общества правонарушителя, становится определенно выраженной целью наказания. Тем самым предотвращается повторное совершение преступных деяний данным лицом, его негативное влияние на общество. Следует обратить внимание, что лишение свободы всех видов в период царствования Петра I предусматривалось как телесное наказание.

Со второй половины XVIII в. русское самодержавие, как и правительство на Западе, переходит к более широкому применению наказаний, связанных с изоляцией от общества, постепенно отказываясь от ранних форм борьбы с преступностью.

Первым систематизированным законодательным актом об исполнении наказаний, связанных с изоляцией от общества, стал Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных 1832 г., который продолжал и конкретизировал положения тюремной инструкции [5, с. 39].

Впервые специальным законодательным актом о лишении свободы, предусматривающим арест, является именно Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею и о ссыльных 1832 года. Арест упоминается в данном акте всего в 5-ти статьях. Пересмотренная в связи с развитием Российского общества карательная система Свода Законов издания 1832 года среди 7 других видов наказания содержала в себе лишение свободы, в свою очередь этот вид распадался на тюремное заключение и личный арест, или краткосрочное содержание под стражей и надзором полиции. Особенной чертой уголовного законодательства царской России было стремление развить каждую из карательных мер в особую систему со своей самостоятельной градацией, так что Свод знал, собственно, несколько карательных систем, или систем наказаний. Наказание в виде ареста предусматривалось в нескольких Российских уголовно-правовых актах — в «Уложении о наказаниях, уголовных и исправительных», а также в «Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» [3, с. 358]. В каждом законе арест имел свои особенности, касающиеся порядка и условий отбывания.

Арест не является наиболее тяжким наказанием Устава, кроме него было предусмотрено также тюремное заклю-

чение на срок 1–6 месяцев. Данный устав действовал наряду с Уложениями 1845–1885 гг., в 1903 году были ликвидированы разночтения в определении ареста по Уложению и Уставу.

Тюремная реформа конца XIX века выделила арест как исправительное наказание.

При Николае I была проведена систематизация уголовного права, завершившаяся принятием 15 августа 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. Оно устанавливало два главных разряда наказаний: уголовные и исправительные. В целом система наказаний и их исполнения, по сравнению с Соборным Уложением 1649 г. и Артикулом воинским 1715 г., стала менее жестокой [2, с. 113].

Как следовало из представленного документа, отдельным видом наказания была каторга, максимальный срок которой составлял 20 лет. Но после каторги преступник не освобождался, а оставался на пожизненном поселении в Сибири. В конце прошлого века каторжные работы общими судами применялись примерно к 4–5 % осужденных. За этот период общие суды приговаривали к каторге на срок и бессрочно ежегодно в среднем по 1800 человек. В 1894 г. бессрочная каторга была заменена на срочную (срок — 20 лет). Указанное положение распространялось на осужденных, отвечающих следующим критериям: во-первых, осужденные должны быть приговорены к бессрочной каторге до указанной даты; во-вторых, осужденные должны положительным образом зарекомендовать себя в период отбывания наказания [11, с. 93].

Уголовное уложение оговаривало наиболее общие условия исполнения ареста: осужденные отбывали наказание в общем заключении, однако по желанию и при наличии таковой возможности могли содержаться отдельно от других арестантов [12, с. 85].

20 ноября 1864 г. в ходе прогрессивной судебной реформы под влиянием буржуазных веяний принимается Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Од-

новременно с судебной реформой началась и тюремная реформа.

К 1880 г. в тюрьмах России на 76 090 мест приходилось 94 769 заключенных — на 24 % больше лимита мест. В отдельных пенитенциарных учреждениях переполнение достигало пятикратного уровня. В европейской части России и Сибири функционировало до 1917 г. 13 каторжных тюрем, в которых в первой половине этого года содержалось в среднем 5 009 ссыльнокаторжных, в то время как общая численность осужденных к каторжным работам составляла 36 337 человек. Из каторжных тюрем печальной славой пользовались Шлиссельбургская, Александровская, Владимирская, Орловская [14].

Уголовное Уложение 1903 г. заключало в себе 37 глав и 654 статьи. Все наказания разделяло на главные, дополнительные и заменяющие. В Уложении предусматривалось восемь родов главных и восемь дополнительных наказаний, предусматривались различные виды наказания. В ст. 2 Уложения была закреплена лестница (система) главных наказаний, которая включала в себя следующие их виды: смертная казнь, каторга, ссылка на поселение, заключение в исправительном доме, заключение в крепости, заключение в тюрьме, арест, денежная пеня [16, с. 71].

Таким образом, к моменту Октябрьской революции 1917 г. пенитенциарная политика и право России получили известное развитие, впитали целый ряд прогрессивных демократических идей. Исполнение наказания становилось все более гуманным. Развивались эти идеи первоначально в рамках уголовного закона, науки уголовного права, уголовно-процессуальных предписаний и нормативных актов по организации исполнения наказаний, связанных с изоляцией от общества, к советскому периоду истории России была создана пенитенциарная теория, а прогрессом законодательства стала правовая основа самостоятельной отрасли — российского пенитенциарного права.

Литература:

1. Белоус, В. Г., Голодов П. В., Пертли Л. Ф. Правоохранительная система России в современной историографии // Актуальные вопросы образования и науки. — 2015. — № 3–4 (49–50). — с. 43.
2. Вильгельм, А. В. История становления общих начал назначения наказания // Молодой ученый. — 2018. — № 49. — с. 113.
3. Ганаева, Е. Э. История развития законодательного оформления ареста в российском уголовном праве // Молодой ученый. — 2015. — № 18. — с. 357.
4. Григорьев, А. Н. Лишение свободы как институт уголовного права: вопросы истории // Сборник материалов международной научно-практической конференции. — Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2018. — с. 39.
5. Дьяконова, А. А. Система уголовных наказаний России (IX-начало XX вв.): история, особенности развития // Сборник статей победителей международной научно-практической конференции: в 2 частях. — Пенза: Наука и Просвещение, 2017. — с. 797.
6. Ефимова, А. С. История развития наказания в виде лишения свободы в России // Научный журнал. — 2017. — № 8 (21). — с. 30.
7. Зеленская, Ю. А. Лишение свободы как основной вид уголовного наказания в российском законодательстве в дореволюционный период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. — 2016. — Т. 15. — № 4 (33). — с. 201.

8. Кошкина, Д. А., Баскакова В. Е. Историко-правовые аспекты становления института пожизненного лишения свободы // Сборник статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции. — Йошкар-Ола: ИПФ «Стринг», 2017. — с. 154.
9. Литвяк, Л. Г. Учение о наказании: курс лекций / Л. Г. Литвяк. — Новороссийск: Новороссийский ф-л Краснодарского ун-та МВД России, 2015. — с. 93.
10. Попова, Л. Н. История развития ареста как вида наказания // Человек: преступление и наказание. — 2017. — Т. 25. — № 1. — с. 85.
11. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. Т. 3. Акты земских соборов / под общ. Ред. О. И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1985 [Электронный ресурс]: сайт электронной книги. — Режим доступа: <https://eknigi.org> (03 марта 2019 года).
12. Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / под общ. Ред. О. И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1987 [Электронный ресурс]: сайт электронной книги. — Режим доступа: <https://eknigi.org> (03 марта 2019 года).
13. Смоляров, М. В. Понятие, цели и виды уголовных наказаний. Практический комментарий / М. В. Смоляров. — М.: Право Доступа, 2017. — с. 37.
14. Спасенников, Б. А., Фумм А. М., Яковлева О. Н. К 100-летию принятия Общей тюремной инструкции 1915 года // На пути к гражданскому обществу. — 2015. — № 3 (19). — с. 71.

История развития института наказаний, связанных с изоляцией от общества в послереволюционной России

Старчекова Елена Александровна, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Автором проведен анализ истории развития в послереволюционной России института наказаний, связанных с изоляцией осужденных от общества. В статье рассматривается история становления и развития уголовных наказаний, связанных с изоляцией от общества.

Институт наказаний существует с давних времен и всегда выступал в виде отрицательной реакции государства на совершаемые преступления. С момента происхождения гражданского общества и общественных отношений появляется острая потребность в их нормативном урегулировании и, как следствие, необходимость в охране установленного порядка от нарушений.

Определение понятия уголовного наказания в послереволюционной России появилось в 1919 г. в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР». Данный нормативный правовой акт содержал примерный перечень санкций — 15 видов, такие как, внушение, выражение общественного порицания, объявление под бойкотом, отрешение от должности, лишение должности, лишение свободы, расстрел и др. Арест приобрел аморфный вид наказания, в котором едва угадывались черты ареста и наказания в виде лишения свободы с элементами принудительного труда [8, с. 31].

Арест как вид уголовного наказания, исчезает из советского уголовного законодательства, становится мерой административного воздействия за совершенные проступки и мерой пресечения при проведении предварительного расследования преступлений.

Важное значение в становлении и развитии системы уголовных наказаний в отечественном уголовном

праве имел принятый 24 мая 1922 года Уголовный кодекс РСФСР [4]. Согласно нормам Уголовного кодекса РСФСР, наказание в виде лишения назначается со строгой изоляцией или без таковой, со сроками от 6 месяцев до 10 лет (ст. 34).

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, утвержденный 2-й сессией ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 г. [5], предусматривал дом заключения, как одно из мест отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы. Среди прочих в доме заключения содержались и лица, отбывавшие указанное наказание, назначенное на срок до шести месяцев. Арест не появлялся более в системе наказаний, предусмотренных советским уголовным законом.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 8 августа 1936 года «О дополнении Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» [6] было введено в качестве вида наказания тюремное заключение.

27 октября 1960 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР [7]. В УК РСФСР 1960 г. предусматривалась следующая система наказаний: лишение свободы, ссылка, высылка, исправительные работы без лишения свободы, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, штраф, обще-

ственное порицание, конфискация имущества, лишение воинских и других званий, а также орденов и медалей, почетных званий и почетных грамот. К военнослужащим срочной службы может также применяться наказание в виде направления в дисциплинарный батальон. В качестве особого вида наказания выделялась смертная казнь [9].

С одной стороны, авторы Уголовного кодекса 1960 г. стремились как-то отмежеваться от практики наказания сталинской эпохи, а с другой — придать ей исправительный характер. Таким образом, предусмотренную УК РСФСР 1960 г. систему наказаний можно определить как установленный законом и характеризующийся внутренним единством исчерпывающий и обязательный для суда и законодателя перечень видов наказаний, расположенных в определенном порядке по степени их тяжести.

Институт замены высшей меры наказания на конкретный срок просуществовал в период с 1922 по 1992 годы. Так, например, в 1925 году Президиум ВЦИК заменил расстрел лишением свободы 17,9 % осужденным, в 1926 г. — 25,5 %. В 1947 году при отмене смертной казни лицам, приговоры в отношении которых не были приведены в исполнение, смертная казнь заменялась лишением свободы сроком на 25 лет. В последующем высшая мера наказания в порядке помилования заменялась 15 годами лишения свободы. 23 мая 1986 года в статье 23 Основ уголовного законодательства СССР внесено дополнение, согласно которому при замене в порядке помилования смертной казни лишением свободы оно может быть назначено на срок более 15, но не свыше 20 лет. Таким образом, законодатель вновь увеличил срок наказания в отношении осужденных, приговоренных к смертной казни [10, с. 156].

В ходе реформы уголовно-правовых институтов нашего государства система видов наказания, изложенная в ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] включила в себя новую разновидность лишения свободы —

кратковременный арест. Основные положения его применения изложены также и в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации [2]. К сожалению, ряд причин субъективного и объективного характера не позволяет в настоящее время применять этот вид наказания на практике, и главная причина заключается в отсутствии материальной базы и экономических возможностей государства. Однако не следует забывать и о необходимости детальной разработки правил, регулирующих исполнение ареста.

Пожизненное лишение свободы было введено в уголовное законодательство нового российского государства как альтернатива смертной казни за совершение особо тяжких преступлений, которые посягают на жизнь. Указанный вид наказания предусматривался только в тех случаях, когда суд примет решение о возможности применения данного наказания. В 2004 г. Федеральный закон от 21 июля 2004 года № 74-ФЗ «О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации» [3] установил пожизненное лишение свободы в качестве самостоятельного вида наказания.

Таким образом, действующее уголовное законодательство в значительной мере усовершенствовало основные положения института назначения наказания. В частности, впервые закреплена норма, согласно которой суду предписывается избирать более строгий вид наказания из числа предусмотренных санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ только в том случае, если менее строгое наказание не способно обеспечить достижение установленных законом целей наказания. Указанному предписанию необходимо следовать и при назначении такого вида уголовного наказания, как пожизненное лишение свободы. Это положение закона представляется принципиально важным в связи с тем, что в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации в санкциях статей, предусматривающих данный вид наказания, альтернативно предусматривается и лишение свободы на определенный срок.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федер. закон [от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с посл. изм. и доп.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1997. — № 2. — Ст. 198.
3. О внесении изменений в статьи 57 и 205 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон [от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2004. — № 30. — Ст. 3092.
4. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР (вместе с Уголовным Кодексом РСФСР): постановление ВЦИК [от 01 июня 1922 г. (утратил силу)] // СУ РСФСР. — 1922. — № 15. — Ст. 153.
5. Об утверждении Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК [от 16 октября 1924 г. (утратил силу)] // СУ РСФСР. — 1924. — № 86. — Ст. 870.
6. О дополнении «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик»: постановление ЦИК СССР, СНК СССР [от 8 августа 1936 г. № 69, № 1442 (утратил силу)] // СЗ СССР. — 1936. — № 44. — Ст. 370.
7. Уголовный кодекс РСФСР: утвержден ВС РСФСР [от 27 октября 1960 г. (утратил силу)] // Ведомости ВС РСФСР. — 1960. — № 40. — Ст. 591.

8. Ефимова, А. С. История развития наказания в виде лишения свободы в России // Научный журнал. — 2017. — № 8 (21). — с. 31.
9. Ильина, М. А., Федорова М. Л. Понятие и цели наказания: историко-правовой аспект // Вестник международного Института управления. — 2017. — № 2 (144). — с. 27. 24–29.
10. Кошкина, Д. А., Баскакова В. Е. Историко-правовые аспекты становления института пожизненного лишения свободы // Сборник статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции. — Йошкар-Ола: ИПФ «Стринг», 2017. — с. 156.

Обращение в доход государства имущества коррупционеров

Степанец Сергей Васильевич, студент;

Игошкина Мария Евгеньевна, студент

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Ключевые слова: коррупция, обращение в доход государства имущества коррупционеров, конфискация имущества, противодействие коррупции.

Понятие «коррупция» в уголовно-правовой и криминологической науке является дискуссионным. Главное различие заключается в объеме трактовки понятия [2].

Существует два подхода к трактовке понятия «коррупция» с теоретической точки: узкое и широкое понимание. Сторонники узкой трактовки определяют коррупцию как подкуп-продажность представителей власти. Так по мнению Н. Ф. Кузнецовой, коррупция — это «социально-негативное явление, выражающее в подкупе одних лиц другими» [5]. Существует также широкое понимание, которое акцентирует внимание не столько на преступной сделке между публичными служащими и частным лицом, сколько на всяком корыстном поведении должностного лица. Б. В. Волженкин полагал, что коррупция «...социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус, авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах» [3]. Такая трактовка удачна тем, что она охватывает широкий спектр коррупционных деяний. Но если рассматривать «разложение власти», то этот признак коррупции, скорее всего, является следствием, чем системообразующим. Использование своего служебного положения является одним из способов коррупционного поведения, но не единственным вариантом.

Официальное толкование коррупции дано в ст.1 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции», где сказано коррупция — это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде

денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, совершение деяний, от имени или в интересах юридического лица [9]. Данное определение дает основания сделать вывод, что, во-первых, коррупция — это набор конкретных деяний, которые могут быть совершены как в органах власти (получение и дача взятки, занятие незаконной предпринимательской деятельностью, злоупотребление полномочиями), так и в частных организациях (коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения). Во-вторых, коррупционерами могут быть признаны любые лица (государственные и муниципальные служащие, физические лица, должностные лица, представители юридического лица и т. д.).

Следует видеть все социальные последствия, тот совокупный реальный многообразный ущерб, который причиняется коррупцией, и связанные с этим угрозы национальной и глобальной безопасности.

В экономической сфере общий ущерб от коррупции на планете составляет более 7 % мирового ВВП. Мировой рынок коррупции достигает, по оценкам Всемирного банка, 1 трлн долл. По экспертным оценкам, не менее трети от этой суммы, увы, приходится на Россию. Прямые потери от коррупции составляют до 25 % ВВП нашей страны, от 20 до 25 млрд долл. ежегодно [1]. В результате тормозится экономическое развитие, устраняется свободная экономическая конкуренция, устанавливается монополизм, ухудшается инвестиционный климат страны в целом и ее отдельных регионов. Кроме того, коррупция непосредственно влияет на рост цен на товары и услуги, существенно стимулирует рост теневой экономики [4].

В политической сфере главным следствием коррупции является разложение государства вследствие его захвата,

фактической приватизации частными корпоративными структурами. Государство вместо защиты общих интересов становится служанкой коррупционеров. Кроме того, подрывается доверие населения к власти, создается нежелательный имидж страны и ее руководства за рубежом. Подрывается принцип законности, гибнет правосудие.

В социальной сфере усиливается напряженность, так как из-за коррупции растут масштабы социальной несправедливости. Коррупция явно подрывает и общественную безопасность, так как вследствие ее распространения покрываются многие преступления, в том числе террористической направленности, наркобизнес, секс-бизнес и «крышуются» многие преступники и преступные группировки. Вследствие коррупции не получают должного реагирования и факты грубого нарушения правил пожарной безопасности, дорожного движения и т. п.

В духовно-идеологической сфере усиливается терпимость к коррупции, которая все больше воспринимается общественным мнением как «норма жизни». Соответственно, в народе растет и правовой нигилизм. Определенную роль в живучести коррупции играют и многочисленные мифы [6].

С 2008 г. в нашей стране начинается новый этап, озаглавленный глобальной реформой по противодействию коррупции. В первую очередь это связано с продолжением политики В. В. Путина его преемником Д. А. Медведевым, поскольку коррупция приобрела системный характер, борьба с ее очагами возведена в ранг общегосударственных приоритетных задач, от выполнения которых будет зависеть будущее России. Через две недели после инаугурации, в мае 2008 г., Дмитрий Медведев подписывает Указ № 815, который образовал Совет по противодействию коррупции при Президенте РФ [10]. Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2008–2009 гг. стали вехой ознаменования в нашей стране усиления правовых мер. Также в 2008 г. была создана специальная Комиссия Государственной Думы Федерального Собрания РФ по законодательному обеспечению противодействия коррупции.

3 декабря 2012 г. вступил в силу ФЗ № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Данный федеральный закон заслуживает отдельного внимания, поскольку он регулирует имущественные отношения между государством и коррупционерами.

Обращение в доход государства имущества коррупционеров — это государственный механизм возврата в собственность страны имущества, приобретенного за счет незаконных доходов, при условии отсутствия доказательств его законного приобретения.

В судебной практике может встречаться понятие как «обращение в доход государства имущества коррупционеров», так и «конфискация». Данные процедуры имеют ряд своих особенностей и отличий.

Конфискация имущества закреплена в статье 104.1 Уголовного Кодекса РФ. В перечень имущества включены:

— деньги, ценности и иное имущество, полученных в результате совершения ряда преступлений, любые доходы от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу;

— деньги, ценности и иное имущество, в которые имущество, полученное в результате совершения ряда преступлений, доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;

— деньги, ценности и иное имущество, используемое или предназначенное для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);

— орудия, оборудования или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому [7].

Согласно части 1 статьи 104.3 УК России при решении вопроса о конфискации имущества, в первую очередь, должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного законному владельцу. То есть на первое место становится возмещение вреда потерпевшего, пополнение казны — на второе место, о чем и говорится в части 2 этой же статьи. А именно, при отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, из его стоимости возмещается вред, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства.

Обращение имущества отличается от конфискации в первую очередь тем, что конфискация в свою очередь — это мера уголовного судопроизводства, а обращение — мера гражданского судопроизводства. Так же эти меры отличаются объектом. Под обращение попадает земельные участки, другие объекты недвижимости, транспортные средства, ценные бумаги, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций). А под конфискацию объекты мы указали выше. Субъектом, в конфискации — это лицо, совершившее преступление, а в обращение — лицо, занимаемое государственную или муниципальную должность, которое не доказало законность приобретения имущества или получение денежных средств. Целью: если конфискация служит возмещением ущерба потерпевшему, то обращение служит пополнением государственной казны, путем взимания имущества у коррупционера.

На практике, данные процедуры путают, либо умышленно употребляют неверно, для достижения своих целей. Так по делу экс-губернатора Сахалина Александра Хорошавина пришло уведомление от судебных приставов с информацией о конфискации коттеджа с участком на Рублёвском шоссе в Москве. Адвокат Иван Миронов прокомментировал: «Это беспрецедентный случай, идет в прямом смысле слова отъём имущества, фигурирует именно термин «конфискация», хотя еще нет приговора в отношении губернатора. Конфискация возможна по решению суда в ходе расследования уголовного дела и может являться правовым последствием приговора, если будет доказано, что движимое и недвижимое имущество при-

обретено на средства, полученные преступным путем. До сегодняшнего момента конфисковать ничего никогда без уголовного решения нельзя было. В этом случае с юридической стороны конфискация с уголовным делом не связана, так как проходит в рамках гражданского производства. Читается намерение наказать, покарать, забрать всё» [13]. Именно в данном деле Адвокат намерено употребляет неверное понятие изъятия имущества. По отношению к А. Хорошавину применена процедура обращения имущества коррупционера в государственное. Данная процедура не требует приговора суда по уголовному делу и применяется в рамках гражданского производства.

Возвращаясь к понятию «обращение в доход государства имущества коррупционеров», отметим, что порядок обращения предусмотрен ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ. В части первой данной статьи отмечается, что в доход Российской Федерации может обращаться земельные участки, другие объекты собственности, транспортные средства, ценные бумаги, акции (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) [8]. Под обращение подпадают привычные нам формы собственности. А что, если взять другие формы собственности? Например, драгоценные металлы, картины, предметы искусства, драгоценности и др. Предоставлять расходы на данные ценности в российском законодательстве нет обязанности. Следовательно, если мы вложим в них финансы в отчетном году, то через год сможем реализовать их, а на полученные денежные средства, к примеру, купить недвижимость вполне законным способом, и отчитаться. На примере ч. 1 ст. 17 у нас открывается неплохой, вполне законный механизм «отмывания» денег. Чтобы решить данную проблему, предлагаем дополнить ч. 1 ст. 17, а именно включить в нее драгоценные металлы, предметы искусства, драгоценности и иные формы собственности, имеющие ценность.

Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 09.01.2019 № 1-П ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ высказана позиция, что указанная норма не предполагает возможности обращения в доход Российской Федерации имущества, которое было приобретено до замещения публичной должности, притом что он или его супруга (супруг) ранее не замещали подобные должности [11]. Следовательно, в отношении этого имущества не возникает закрепленная статьей 3 данного Федерального закона обязанность представлять сведения об источниках получения средств, за счет которых совершены сделки по его приобретению.

Далее рассмотрим ч. 2 ст. 17 Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ. Данная норма гласит: «При выявлении в ходе осуществления контроля за расходами

лица, замещающего (занимающего) или замещавшего (занимавшего) одну из должностей, указанных в пункте 1 части 1 статьи 2 настоящего Федерального закона, а также за расходами его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов данного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу» [8]. По нашему мнению, данный круг лиц не должен ограничиваться только этим списком. По общему правилу, коррупционер пытается скрыть свои незаконные доходы через супруга (супругу) и несовершеннолетних детей. Также они привлекают к данному процессу своих биологических родителей и совершеннолетних детей, которые по нашему законодательству являются неподотчетными. Следовательно, они могут спокойно распоряжаться незаконно полученными имущественными благами.

Для решения данной проблемы мы предлагаем расширить действие подотчетности по кругу лиц и включить в список дополнительно родителей и совершеннолетних детей.

Обратимся к обзору судебной практики Верховным Судом РФ по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы. Так не подлежат контролю за расходами сделки, совершенные супругом (супругой) лица, в отношении которого осуществляется контроль за расходами, в течение отчетного периода, но до вступления в брак с этим лицом. Имущество, полученное по таким сделкам, не может быть обращено в доход Российской Федерации в порядке, предусмотренном подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 ГК России [12]. В данном случае коррупционеры могут реализовывать незаконные доходы через своих «сожителей», и даже после вступления с ними в брак, оставаться безнаказанными.

Таким образом, проблема, связанная с коррупцией в Российской Федерации, остается актуальной в наше время. Законодательство, регулирующий данный вопрос, нуждается в доработке. Мы выявили в рамках работы некоторые способы законной легализации денежных средств. Для совершенствования законодательства предлагаем дополнить ч. 1 ст. 17 № 230-ФЗ новыми формами собственности, подлежащими обращению, а именно включить в нее драгоценные металлы, предметы искусства, драгоценности и иные формы, имеющие ценность. Следует расширить круг подотчетных лиц, включить в список дополнительно родителей и совершеннолетних детей, а также закрепить отчетность супруга (супруги) за три года до вступления в брак.

Литература:

1. Бондарь, В. Этот преступный, преступный, преступный мир. URL: <http://www.odnako.org>
2. Будатаров, С. М. Понятие коррупции в российском законодательстве и юридической литературе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 359. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-korrupsii-v-rossiyskom-zakonodatelstve-i-yuridicheskoy-literature> (дата обращения: 10.11.2019).

3. Волженкин, Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 560 с.
4. Гостева, С. Р., Рашкин В. Ф. Коррупция в России. — М., 2010. — 326 с.
5. Кузнецова, Н. Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. с. 21–26.
6. Номоконов, В. А. Коррупция в России: социальные последствия и особенности причин // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-rossii-sotsialnye-posledstviya-i-osobennosti-prichin> (дата обращения: 30.11.2019).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N 25, ст. 2954
8. Федеральный закон от 03.12.2012 N 230-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» // «Российская газета». N 280. 05.12.2012.
9. Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции» // «Собрание законодательства РФ». 29.12.2008. N 52 (ч. 1). ст. 6228.
10. О мерах по противодействию коррупции: указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 // Собрание законодательства РФ. 2008. 22 мая. № 4665.
11. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г. П. Кривоша: постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.2019. N 1-П. // «Российская газета». N 13. 23.01.2019.
12. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2017 г.). URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=1837578236009226672803012326&cacheid=0D0D751F2F0A7AB2BCA19CC1087995AE&mode=splus&base=LAW&n=218993&rnd=3FECB4955C470FE0C8A27C1FA76A56AD#2c2n3eiovgl>
13. Электронный ресурс: <https://sakhlinmedia.ru/news/550804/>

Имплементация общепризнанных норм международного права в Конституцию Российской Федерации: политические и правовые аспекты

Ступко Марина Юрьевна, студент

Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

С момента принятия Всеобщей декларации прав человека отношение к международным нормам в данной сфере в СССР и России менялось неоднократно. В соответствии с этим национальное законодательство и правоприменительная практика также претерпевали изменения. Данное исследование отвечает на вопросы о том, какие периоды можно выделить в этом процессе и какое значение имеет тот факт, что положения основных прав и свобод человека фактически были имплементированы во внутреннее законодательство России посредством включения их в текст Конституции 1993 г.

Ключевые слова: права человека, Конституция, имплементация.

Всеобщая декларация прав человека была принята более 70 лет назад, и ее значение, как и значение других международных документов, устанавливающих нормы прав и свобод человека, не оставалось на протяжении этого периода неизменным для России. Трансформация общественно-политической системы, изменение основополагающих властных институтов приводили к пересмотру роли и места прав человека в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

Целью настоящей статьи является выделение основных периодов в отношении политических лидеров к междуна-

родным нормам в сфере прав человека, рассмотрение их специфики и причин, под воздействием которых трансформировалось значение данных норм для российского законодательства. Еще одной задачей является рассмотрение вопроса об имплементации этих норм во внутреннее право посредством включения их в текст Конституции и, в дальнейшем, принятия ряда раскрывающих их содержание федеральных законов.

Данная проблема была рассмотрена на материале Конституций 1936, 1977, 1993 гг., Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта об экономических, со-

циальных и культурных правах, Международного пакта о гражданских и политических правах, Хельсинских соглашений, Постановления Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. и ряда других документов.

Исследование охватывает период с 1947 г., когда СССР, приняв участие в разработке концепции прав человека ООН, оказался вовлечен в дискурс об их сущности и применении, до 2019 г.

Тема данного исследования представляет значительный интерес, поскольку оно позволяет прояснить отличия между отношением советских, а впоследствии и российских политиков в различные периоды к международным нормам в области прав человека, объясняет, под воздействием каких факторов оно изменялось, а также отвечает на вопрос о причинах важности имплементации международных норм в национальное законодательство.

Если детально рассматривать отношение советских и российских политиков к международным нормам, накладывающим на них обязательства по соблюдению прав человека, то можно выделить два основных периода, каждый из которых характеризовался рядом особенностей. Первый период начался в 1947 г. с дискуссии о положениях Всеобщей декларации прав человека и продолжался в течение четырех десятилетий до 1990 г. Начало второго периода отмечено политическим противостоянием между Горбачевым и Ельциным, в котором определяющую роль играл мобилизованный электорат. Возможность его мобилизовать во многом зависела от способности политических лидеров продемонстрировать равнодушие к правам и свободам граждан, таким образом противопоставив себя политикам советского периода. В 1993 г. произошло ключевое событие: была принята Конституция, построенная на иных принципах, нежели советские. Второй период можно условно разделить на два подпериода: первый из них начался в 1990 г. и закончился в 2015 г., когда в конституционном праве России произошли изменения, связанные с трактовкой соотношения национального и международного права. Второй подпериод берет начало с момента выхода Постановления Конституционного суда РФ от 14 июля 2015 г. и продолжается до настоящего момента.

Специфика первого периода была во многом связана с трактовкой советскими властями прав человека как прав на социальные блага, в то время как права на свободу слова, митингов, союзов, собраний и т. д. не являлись всеобщими и могли изыматься в том случае, если государство сочтет их наносящими ущерб социалистической революции. Как следствие, когда в 1947–1948 гг. СССР принимал участие в разработке Всеобщей декларации прав человека, на практике оно во многом сводилось к отклонению предложений западных стран и выдвиганию своего взгляда на сущность прав и свобод, который проявлялся в соответствии с концепцией Сталина о невозможности существования «личной свободы у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда» [1]. Поскольку в итоге была принята

трактовка прав человека, отвечавшая в большей степени пониманию их западными странами, нежели СССР, советская делегация воздержалась от голосования, а положения Декларации не оказали никакого влияния ни на жизнь граждан, ни на внутреннее правовое поле Советского союза. Ее текст не публиковался в открытых источниках и был доступен только специалистам.

Аналогичная ситуация произошла с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах и Международным пактом о гражданских и политических правах, подписанными СССР в 1966 г. Несмотря на то, что после их ратификации в 1976 г. в следующем году была принята Конституция, содержащая ряд новых положений, тем не менее, расширение списка прав и свобод не было существенным, а само их законодательное закрепление являлось исключительно декларативным.

В целом, участие СССР в разработке данных документов воспринималось им как нежелательная необходимость в обмен на возможность участвовать в деятельности ООН, в частности, Совета безопасности, и через нее продвигать свои интересы. Аналогичная ситуация произошла в 1975 г. в момент подписания Хельсинкских соглашений. СССР фактически согласился принять на себя обязательства в области человеческого измерения в обмен на признание Западом послевоенных границ, определенных в ходе Ялтинского соглашения. Хотя по условиям договора он должен был открыто опубликовать заключительный акт, и это было сделано, а ряд принципов в этой сфере вошел в Конституцию 1977 г., де факто это не повлияло на политику властей в отношении прав человека, а попытки иностранных государств указать на несоблюдение принятых норм воспринимались как нравоучения и вмешательство во внутренние дела.

В период СССР дискуссия по поводу сущности прав и свобод человека в кругах юристов и политологов была ограничена как ввиду отсутствия правоприменительной практики в этой сфере в стране, так и ограничения доступа к данным о зарубежном опыте. Кроме того, в соответствии с советской правовой традицией национальное право рассматривалось исключительно в отрыве от международного. Отдельные попытки осмысления предпринимались диссидентами, но они оставались разрозненными и не могли повлиять на дискурс в целом. Следствием стало то, что в СССР и, прежде всего, в его гражданском обществе, фактически не было сформировано собственное представление о правах человека, которое преломлялось бы с учетом национального опыта и воспринималось бы как нечто реально действующее и имеющее прямое отношение к жизни общества, а не абстрактный набор правил.

В начале 90-х гг. эта проблема встала перед создателями проектов конституции. За предшествующие десятилетия собственное представление о правах человека так и не было наработано, кроме того, формулировки прав человека, перечисленные, например, во Всеобщей декларации прав человека, успели устояться в международной

практике. Как следствие, включение ранее созданных международных норм в правовую систему России с добавлением отдельных пунктов было путем наименьшего сопротивления. Из этого проистекает, например, схожесть статей, в которых раскрываются права человека, в проектах конституции от Конституционной комиссии Съезда народных депутатов РФ 1993 г. и Конституционного совещания: несмотря на то, что в тот период широко обсуждался перечень прав и свобод, который подлежал закреплению в основном законе страны, в политической повестке в первую очередь стояло обсуждение соотношения полномочий президента и парламента, а права человека не казались законодателям вопросом первостепенной важности.

Тем не менее, к тому времени в стране сформировалась высокая гражданская активность, продолжал расти запрос на общественные институты, а политическая система впервые приобрела черты конкурентной. В новых условиях отказ от включения прав человека в текст Конституции вызвал бы значительные общественные волнения, кроме того, открытая поддержка демократических принципов обеспечивала легитимность политическим лидерам.

В гражданском обществе в тот период сложилось восприятие о законодательном закреплении прав и свобод человека, подкрепленных соответствующей правоприменительной практикой, как об основополагающем элементе демократического государства. После того, как в ноябре-декабре 1990 г. проект конституции, созданный Конституционной комиссией, был опубликован в центральных и местных изданиях общим тиражом около 40 млн экземпляров, в обществе началась активная дискуссия, а комиссии поступило огромное число предложений по совершенствованию проекта от частных лиц, общественных объединений, вузов, государственных организаций и др. Общественная поддержка положений, закреплявших правовые гарантии, была столь велика, что Конституционная комиссия была вынуждена расширить их список. Олег Германович Румянцев, один из создателей российской Конституции, отмечал, что изначально данный проект содержал 152 части 61 статьи, посвященные индивидуальным и коллективным правам и свободам, в то время как впоследствии этот перечень был существенно сокращен, и в итоговый вариант Конституции РФ вошло 113 частей 48 статей [2].

Конкурентность политической системы 1990–1993 гг. (и, как следствие, множественность проектов конституции, предлагаемых противоборствующими сторонами), открытое обсуждение и возможность для общества внести предложения, которые рассматривались и впоследствии служили основой для корректировок, были не единственными отличиями от условий принятия Конституций советского периода. Главным отличием, на наш взгляд, являлось несовпадение прав человека, декларируемых более ранними Конституциями, и правоприменительной практики, а также то, что содержание соответствующих положений Конституции не было раскрыто на уровне за-

конодательных норм СССР. Так, например, статья 125 Конституции 1936 г. [3] закрепляет гарантии гражданам СССР на свободу слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций «в целях укрепления социалистического строя». В данном примере у законодателя отсутствует понимание о правах человека как о самостоятельной ценности, даже в случае их реализации они являются исключительно методом укрепления идеологии и государственности. Помимо этого, средства, предоставляемые СССР для осуществления данных прав, сводятся не к организации независимой судебной системы, которая способствовала бы защите данных прав в случае их нарушения государством, а к предоставлению «трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления». Также в СССР не было принято законов, которые раскрывали бы содержание, методы реализации и формы ограничения данной статьи. Кроме того, данные положения существенно расходились с правоприменительной практикой, имевшей место в период СССР. Аналогичным образом ситуация обстояла с Конституцией 1977 г. [4], принятой в том числе под влиянием Хельсинских соглашений и вступивших в силу в 1976 г. пактов ООН. Статья 49 закрепляла право каждого гражданина СССР вносить в государственные органы предложения об улучшении их деятельности и критиковать недостатки в их работе. Та же статья утверждала, что «преследование за критику запрещается. Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности». На практике же даже после 1977 г. открытая критика деятельности любых государственных органов, зачастую воспринимавшаяся как критика государственного строя, была едва ли осуществима без последствий в виде лишения свободы. Статья 51 декларирует право граждан «объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самостоятельности, удовлетворению их многообразных интересов», однако данное право могло быть реализовано, если оно осуществлялось «в соответствии с целями коммунистического строительства». При этом в отношении этих статей, а также ряда других, появившихся только в Конституции 1977 г., не было принято законодательных актов, которые раскрывали бы содержание и ограничения данных прав.

Таким образом, международные нормы прав человека были инкорпорированы в Конституцию 1977 г., однако не нашли отражение во внутреннем законодательстве и правоприменительной практике. В отличие от этого, механизм правового регулирования статей Конституции 1993 г. был создан посредством принятия ряда федеральных законов, например, «Об информации» [5] и «Об общественных объединениях» (1995 г.) [6], где раскрывались содержание прав человека, их реализация, цели и формы ограничения. Если проанализировать практику, то становится очевидно, что она также согласовалась с положениями Конституции и данными законами: так, например,

в 90-е гг. наблюдалось значительное увеличение числа различных общественных объединений, деятельность которых осуществлялась беспрепятственно.

Согласно одному из определений [7], имплементация — это исполнение государством международно-правовых норм путем их включения в национальную правовую систему, фактическая реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне. Нам представляется обоснованным рассмотрение процесса включения общепризнанных международных норм в Конституцию, создания национального законодательства, раскрывающего ее положения, и дополнения их правоприменительной практикой, соответствующей данным нормам, как одной из форм имплементации. Возможен другой подход, в соответствии с которым нормы Всеобщей декларации прав человека являются самоисполнимыми и, поскольку СССР принимал непосредственное участие в ее разработке и принятии, не нуждаются в дополнительном закреплении посредством внутреннего законодательства. Тем не менее, несмотря на это, на практике суды крайне редко обосновывают свои решения общепринятыми международными нормами, формулировки которых не нашли прямого отражения в национальном законодательстве.

Данный вопрос становится все более актуальным, поскольку за прошедшее десятилетие в среде российских юристов возросло число дискуссий о соотношении международного и внутреннего права. Обсуждение стало наиболее активным после выхода постановления ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России» [8] об отказе мужчинам-военнослужащим в отпуске по уходу за ребенком, которое содержало в себе критику аргументов, выдвинутых Конституционным судом РФ. В частности, В. Д. Зорькин, председатель Конституционного суда, полагал, что «лучшее знание национальными властями своего общества и его потребностей означает, что эти власти в принципе занимают приоритетное положение, в отличие от международных судов, для оценки того, в чем состоит публичный интерес. ... Когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции о правах человека и тем более прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений. Именно через призму Конституции должна решаться и проблема соотношения постановлений КС и ЕСПЧ» [9]. В ответ на решение, вынесенное ЕСПЧ, в 2011 г. Государственная дума РФ предложила внести изменения в УПК и АПК. Согласно данному проекту, в случае признания ЕСПЧ того или иного российского закона не соответствующим нормам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод их должен повторно рассмотреть Конституционный суд РФ. В том случае, если он будет признан не противоречащим Конституции, его пересмотр не потребу-

ется. Данный законопроект был отклонен, однако в июле 2015 г. Конституционный суд РФ вынес постановление, согласно которому Россия вправе не исполнять решения ЕСПЧ в том случае, если они не соответствуют конституционным нормам. В декабре того же года постановление было дополнено принятыми поправками к Закону о Конституционном суде РФ [10].

Эта ситуация иллюстрирует важность имплементации международных норм в национальное законодательство: в том случае, если законодатель расценивает внутреннее право как превалирующее, нормы международного права могут не учитываться либо учитываться избирательно.

Таким образом, начиная с момента принятия Всеобщей декларации прав человека в отношении связанных с ними международных норм можно выделить два периода: советский, длившийся до начала открытого противостояния среди политических элит, и российский, который можно условно разделить на два: период институционализации, для которого было характерно восприятие международных норм как доминирующих, и период сложившегося российского права, начавшийся около 2010 г., когда мнение о том, что соотношение внутреннего и международного права должно трактоваться в пользу первого, стало преобладать. У каждого из данных периодов были свои особенности. Для СССР было характерно восприятие прав человека как социальных благ, и международные нормы, выходявшие за рамки этого определения, расценивались как внешние («навязанные Западом») и, следовательно, не могущие оказывать воздействие на советское право. Хотя под влиянием подписанных и ратифицированных международных документов в Конституцию были внесены отдельные положения, тем не менее, они оставались исключительно декларативными. Период институционализации отличался активной деятельностью гражданского общества и переходом к политической конкуренции, связанной с борьбой за электорат, что обусловило значительное влияние общества на положения Конституции о правах и свободах человека. Поддержка масс, а также тот факт, что за предыдущие десятилетия российскими юристами не было выработано собственного представления о концепции прав человека, обусловили то, что международные нормы в этой сфере стали восприниматься как превалирующие и служащие образцом для совершенствования национального законодательства. Для текущего периода характерно относительно устоявшееся право и представление на уровне политических элит о главенствующей роли внутреннего законодательства в том случае, если отдельные его положения противоречат международным нормам.

В этих условиях особенно важным является то, что Конституция, принятая в 1993 г., де факто имплементировала целый ряд основополагающих норм в данной сфере и, таким образом, способствовала разработке федеральных законов, подробно раскрывающих их содержание, формы реализации и ограничения.

Литература:

1. С. Белкина. К 80-летию Сталинской Конституции. — Революционный коммунистический союз молодежи. — 2016.
2. Румянцев, О. Г. Гражданское общество в структуре современной конституции. — 2005.
3. Конституция СССР 1936 г.
4. Конституция СССР 1977 г.
5. Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995 N 24-ФЗ
6. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 N 82-ФЗ
7. Желдыбина Татьяна Анатольевна. Имплементация как правовой институт // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2014. — № 2 (34).
8. Постановление ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России» от 7 октября 2010 года. Режим доступа: <https://roseurosud.org/r/st-14/postanovlenie-espch-konstantin-markin-protiv-rossii>
9. Зорькин, В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. — 2010. — № 246(5325).
10. Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 N 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»

Коррупция и антикоррупционное воспитание

Татаринцева Татьяна Анатольевна, студент магистратуры;
Конвисарева Любовь Петровна, кандидат педагогических наук, преподаватель
Челябинский государственный университет

Главной задачей данной статьи является установление факторов появления коррупции в современном обществе, выявление проблем в противостоянии коррупции, рекомендации по противодействию с ней, а также рассмотрение и необходимость внедрения антикоррупционного воспитания. Коррупция наносит существенную задержку в развитие государства и общества. И представляет одну из главных экономических угроз в нашей стране.

Ключевые слова: противодействие коррупции, коррупция, антикоррупционное воспитание, коррупционная направленность, коррупционное действие, взяточничество.

Термин коррупция хорошо осел в современном обществе и употребляется как в юридических науках, так и неюридических (философии, политологии, педагогике, теории управления и др.). В настоящее время вопросы повышения качества по борьбе с коррупцией, разработка различных способов противодействия с этим социальным явлением рассматривается в центре внимания многих экспертов, ученых, специалистов-практиков и представителей системы органов государственной власти. Данному вопросу посвящено множество научной литературы, учебно-методических и публицистических работ, целью которых и является изучение коррупции на качественном уровне, а также разработка мер по её противодействию.

Коррупция в последнее время распространяется на все сферы и уровни жизнедеятельности современного российского общества и фактически становится его атрибутом.

Понятие коррупция многостороннее, из разных источников оно характеризуется по-разному, но в каждом определении прослеживаются общие признаки. Изучение теоретической и методической базы коррупции как негативного проявления для общества, проводили многочисленные научные работники. Н. П. Панченко, представлял

коррупцию как определенное зло, призывающее в разработке мер по её преодолению [11], А. Г. Хабибулин изучал её как опасную угрозу национальной безопасности [13], как социальную болезнь рассматривал Ю. М. Бубнов [5], Ф. А. Макеев — как фактор дезинтеграции российского общества [9], И. Б. Фан видит коррупцию как проблему политической антропологии [12]. Коррупция представляет собой фактор, сдерживающий формирование экономики на должном уровне как в отдельных регионах, так и страны в целом.

Сегодня существует четкое определение понятия «коррупция», которое регулируется Федеральным законом от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Коррупцией считается — злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой

выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица. [3]

Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что под этим юридическо-политическим явлением понимаются не только обозначенные конкретные преступления. Особенной частью уголовного Кодекса Российской Федерации, но и другие деяния, совершенные физическим лицом с целью получения имущественной выгоды.

Ещё из древне много тысячелетий назад были видны проявления коррупции. Она всегда являлась нежелательным спутником государства и общества, но прослеживалась постоянно.

Коррупция наблюдается везде, она не перестаёт наводиться на пике популярности правонарушений и быть главной угрозой экономической безопасности нашей страны. Несмотря на многочисленные наказания в области коррупционных правонарушений, она не перестаёт процветать в разных сферах, и борьба с ней ежегодно усиливается.

На государственном уровне активно ведется работа по противодействию коррупции, за счет разработки новых федеральных законов, локально-нормативных актов она не выходит на новый уровень.

Причины возникновения коррупции многообразны и предусмотрены статьями Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме Уголовного законодательства отдельные вопросы противодействия коррупции регулируются Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [1], Трудовым кодексом Российской Федерации [2], федеральными законами и другими нормативно-правовыми актами, направленными на противодействие коррупции.

Можно выделить следующие виды коррупции.

В зависимости от виновника коррупционные отношения выделяют низовую и вершинную коррупцию. Между ними в большем роде существуют отношения взаимозависимости и общности. К низовой относится мелко-масштабная и повседневная коррупция, связанная с постоянным взаимодействием чиновников и граждан. Этот вид охватывает примерно больше половины работоспособного населения. [6]

К вершинной относится крупная и элитарная коррупция, это коррупция со стороны политической власти в государстве, охватывает политиков, высокопоставленных и чиновников среднего звена, она связана с принятием решений, имеющую высокую цену. Суть данного вида заключается в невозможности проведения решений в рамках открытых демократических процедур при преобладании политического противостояния, с целью подкупа, а не убеждения отдельных депутатов, фракций, партий. [10]

Вертикальная коррупция выступает, как правило, взаимосвязывающей нитью между вершинной и низовой коррупцией. Такая коррупция является наиболее опасной, так как охватывает несколько видов коррупционных на-

рушений и переходит в стадию укореняющихся организационных форм. [8]

В зависимости от функций, выполняемых органами власти, выделяют: коррупцию в органах исполнительной власти, законодательной власти, судебной власти и в муниципальных органах. Коррупция является основной причиной падения авторитета государства, усложнившегося социально-экономического роста, ухудшения состояния государственной и муниципальной службы страны. Среди всех по статистике, наиболее коррумпированной является исполнительная власть. [7]

Некоторые исследователи условно рассматривают коррупцию используя цветовую шкалу, и разделяют её на следующие виды. К первому виду относится «светлая», она определяется как коррупционный поступок, не связанный с неисполнением обязанностей по службе, проявляемое в виде награды за оказанную услугу. Вторым видом является «серая», под ней понимается коррупционное действие, относящиеся к нарушениям должностных обязанностей. Более опасной является вид «черной» коррупции, её определяют, как коррупционное действие, связанное с участием в организованной преступной деятельности или должностным преступлением. [4]

Рассматривая проблемы распространения коррупции в России, следует отметить, что самыми распространенными формами коррупционных действий в российском обществе являются взяточничество и подкуп. К преступлениям коррупционной направленности относится взяточничество, оно является основным уголовно-наказуемым преступным актом и неотъемлемой частью коррупции, которая занимает центральное место среди составляющих должностных преступлений. Взяточничество широко распространено в сферах публичной власти, как в государственном, так и общественном секторе, оказывает негативное влияние на экономические и демократические реформы, разрушает престиж государственной власти среди населения, затрагивая при этом незыблемые конституционные права и свободы граждан. [14] Получение и дача взятки регулируется законодательством Российской Федерации. Подобным по своим признакам с составом таких преступлений, как дача взятки и получение взятки является коммерческий подкуп.

Коррупция — явление наиболее обширное, чем взяточничество. На основании научных исследований юридической литературы коррупция в современной России определяется большей степенью неэффективностью государственного управления, особенностями общественного менталитета, спецификой политической культуры, неразвитостью гражданских институтов, призванных контролировать органы исполнительной власти. [15]

Коррупция простирается в различные сферы жизнедеятельности и постепенно становится особой характерной чертой. Коррупционные правонарушения является общественным, экономическим феноменом с многоуровневой структурой и всевозможным комплексом разносторонних опасных деяний.

Для предотвращения коррупции на ранних стадиях следует рассмотреть внедрения антикоррупционного воспитания в жизнедеятельность на государственном уровне.

Большинство подрастающего поколения не понимают действия коррупционной направленности. С помощью данной статьи можно сформировать рекомендации по антикоррупционному воспитанию и противодействия коррупции в целом, к таким рекомендациям можно отнести:

1) создание научно аргументированной концепции модернизации (формирования) антикоррупционного законодательства

2) усовершенствование определения и типов запретов, ограничений и прямых обязанностей, определенных в целях противодействия коррупции

3) внедрение специализированных образовательных программ в области антикоррупционного воспитания, а также обучению на абсолютно всех ступенях образования для любых категорий обучающихся. Разработка данных программ, контроль за изменениями в соответствии с законодательством и правовыми документами государства,

4) прохождение практики студентам вузов, будущих государственных служащих, в странах где наиболее эффективен опыт в противодействии коррупции.

5) разработка электронных программ, приложений, сайтов для населения в области коррупции с целью эффективных воздействий по предотвращению коррупции, мгновенная онлайн консультация при проявлении коррупции в жизненных ситуациях.

6) учащение внеплановых антикоррупционных проверок в бюджетных и государственных организациях.

7) мониторинг реальных расследованных дел по коррупционным нарушениям в качестве пагубного примера для студентов

Это поможет выйти на новый мировоззренческий уровень у подрастающего поколения, соответственно и будущих государственных служащих в целом. С учетом вышеизложенного противодействия коррупционной направленности и ответственность за коррупционные деяния будут формироваться у молодого поколения изначально, что даст новый результат в противодействии коррупции.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002 г. № 1 (ч. 1). Ст. 1
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст.3.
3. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273–ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008 г. № 1. Ст. 1.
4. Баранов, В. М. Теневое право: Монография. Н. Новгород; 2002. С 98.
5. Бубнов, Ю. М. Коррупция как социальная болезнь // Социологический альманах. 2011. № 2. с. 138–149.
6. Конышев, В.Н., Сергунин, А. А. Система индикаторов вузовской коррупции (гипотеза) // Экономика образования. 2012. № 1. с. 122.
7. Лебедев, Ю.Н., Косач, К. Н. Государство и право Противодействие коррупции в государственных и муниципальных органах исполнительной власти Российской Федерации // Молодой ученый. Международный научный журнал. 2018. № 15. с. 201.
8. Макаренко, С. Н. Коррупция как общественное явление и методы борьбы с ней // Известия ЮФУ. Технические науки. 2009. № 3. с. 92.
9. Макеев, Ф. А. Коррупция как фактор дезинтеграции российского общества // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 3(48). с. 148–153.
10. Ожиганов, Э. Н. Понятие и структура коррупции. Сравнительный уровень коррупции в Российской Федерации // Социология власти. 1999. № 1.
11. Панченко, П. Н. Как нам преодолеть коррупцию (особенности, причины коррупции и меры ее преодоления) // Вопросы правоведения. 2012. №. 3. с. 91–117.
12. Фан, И. Б. Коррупция как проблема политической антропологии // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. 2019. с. 349–368
13. Хабибулин, А. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. 2007. № 2 (122). с. 51–65.
14. Хазов, Е. Н., Егоров С. А., Ларина Л. А. и др. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов: Учеб. -метод. пособие. М.: 2017.
15. Эриашвили, Н.Д., Хазов, Е. Н. Основы национальной безопасности. М.: Юнити-Дана, 2018.

Проблемы и перспективы функционирования органов дознания в уголовном судопроизводстве

Титосян Елена Арутюновна, студент магистратуры
Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В статье рассматривается понятие компетенции органа дознания как участника уголовного судопроизводства. Кроме того, автором рассматриваются проблемы субъектного состава органа дознания, полномочного на осуществление процессуальной деятельности, возможности совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: орган дознания, компетенция, полномочия

Problems and perspectives of functioning of inquiries in criminal proceedings

Titosyan Elena Arutyunovna, student
Kuban State Agrarian University

The article discusses the concept of competence of the agency of inquiry as a participant in criminal proceedings. In addition, the author considers the problems of the subject structure of the agency of inquiry, authorized to carry out procedural activities, the possibility of improving the criminal procedure legislation.

Keywords: inquiry body, competence, authority

Понятие органов дознания на законодательном уровне дано очень расплывчато, более того, ряд авторов считают, что данное определение по своему содержанию является в корне не верным. Например, У. А. Мусейбов отмечает, что ввиду включения понятия органов дознания должностных лиц в правовое определение на практике возникают трудности в четком определении видов и системы органов дознания, а также круга должностных лиц, которые имеют полномочия начальника органа дознания [8].

Полный перечень органов, которые относятся к органам дознания, представлен в ст. 40 УПК РФ. На основе этого перечня можно сделать вывод, что к органу дознания отнесено большое количество органов и должностных лиц. Однако, законодатель, наделяет их одинаковыми полномочиями несмотря на различную специфику деятельности таких органов, то есть компетенцию.

Обладая совершенно разными задачами, целями осуществления своей трудовой деятельности, органы дознания наделены одинаковыми полномочиями.

При этом, определяя субъектный состав осуществления органами дознания своей деятельности, законодатель не конкретизировал конкретных лиц, на которых такие функции возлагаются.

Так, многие авторы считают, что причисление органов внутренних дел к категории «органы дознания» является неудачной законодательной практикой, так как органы внутренних дел — это «сложное структурное государственное учреждение, состоящее из многочисленных подразделений и служб» [9].

При этом, следует отметить, что все-таки большая часть по исполнению возложенных законом обязанностей, осуществляется именно органами дознания, относящимися к органам внутренних дел РФ.

Стоит отметить несовершенство законодательства в части отсутствия эффективных процедур в стадии возбуждения уголовного дела и судебного разбирательства, что находит свое отражение в наличии значительного количества формальных документов, которые в своей совокупности приводят к тому, что рассмотрение вопроса о привлечении к уголовной ответственности лица, виновного в совершении преступления, продолжается значительный промежуток времени по той категории уголовных дел, которые не представляют особой сложности в доказывании.

Несомненно, такое положение дел подрывает авторитет органов дознания, формирует в обществе мнение о неэффективности работы сотрудников, в связи с чем, правоохранительная система в целом утрачивает веру общества в эффективность и полезность своего существования.

В настоящее время законодатель стремится упростить процесс расследования уголовных дел, особенно по той категории дел, где расследование не представляет собой сложности. Для этого, на законодательном уровне предпринимаются попытки исключить из досудебной процедуры привлечения виновного лица к ответственности действий управомоченного лица, которые направлены на доказывание всех обстоятельств по каждому уголовному делу.

Перспектива развития уголовного преследования в форме дознания в досудебном производстве основана на необходимости разработки нового методологического подхода к модернизации, развитию уголовного преследования в форме дознания.

Тем не менее, после введения изменений Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации», не в полной мере обеспечили достижение преследуемых законодателем целей. Анализ правоприменительной практики того же года показал, что в 2013 году органами внутренних дел в суд направлено 346893 уголовных дела, при этом, из общего числа в сокращенной форме дознания расследовано всего 7055 уголовных дел, что составляет всего 2 % от общего числа [6].

Следует отметить, что на сегодняшний момент данное процентное соотношение не повысилось. Именно поэтому, законодательство, регулирующее деятельность органов дознания, должно быть подвергнуто обособленной доработке, поскольку цели модернизации положений уголовно-процессуального закона являются правильными с точки зрения экономии законодательной репрессии.

Более того, необходимо, на наш взгляд, и уделить внимание на законодательном уровне правовому определению органов дознания, провести четкие разграничения основ деятельности различных структур с учетом компетенциями каждой, при этом, исключить бланкетное построение уголовно-процессуальных норм по данному вопросу.

Основное направление законодательного регулирования положения органов дознания также нашло свое отражение в расширении использования оперативно-розыскной деятельности при доказывании.

Так, в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» обозначена позиция законодателя, в соответствии с органами дознания при осуществлении гласных оперативно-розыскных мероприятий должны результаты своей деятельности оформлять в форме протоколов изъятия предметов, документов, материалов, в соответствии с требованиями УПК РФ [4].

Отсюда напрашивается закономерный вывод о том, что по своему содержанию, протоколы оперативных мероприятий законодатель приравнивает к уголовно-процессуальным протоколам. Следовательно, протоколы оперативных мероприятий должны составляться в строгом соответствии с нормами УПК РФ и отвечать требованиям уголовно-процессуальных протоколов, иначе, в силу ст. 89 УПК РФ не смогут быть использованы в качестве доказательств при доказывании.

Полное соблюдение должностным лицом органа дознания требований уголовно-процессуального законодательства при проведении открытого оперативно-розыскного мероприятия и в ходе составления протокола неминуемо приведет к повышению уровня соблюдения

прав и законных интересов участников, который будет соответствовать уголовно-процессуальному, что является значимым моментом, поскольку вся уголовно-процессуальная деятельность строится на строгом соблюдении принципов, среди которых законность, уважение чести и достоинства личности занимают особое положение. Следует упомянуть, что нарушение принципов уголовного судопроизводства неминуемо влечет за собой нарушение гарантированных прав и свобод его участников, а, следовательно, деятельность, осуществляемая с нарушением принципов уголовного судопроизводства будет незаконной, а ее результаты — не актуальными, поскольку доказательства, добытые с нарушением законодательства не могут быть использованы для доказывания по уголовному делу и признаются недопустимыми [7].

Приоритетом развития уголовно-процессуального права в настоящее время является последовательная реализация основополагающих принципов уголовного судопроизводства, направленных на защиту прав и свобод человека.

Для достижения поставленной цели, законодателю необходимо разработать такие правовые механизмы, которые будут предусматривать эффективное применение уголовно-процессуальных норм на практике. Четкая правовая регламентация деятельности органов дознания, а также законодательное совершенствование форм дознания, будет способствовать быстрому и полному рассмотрению уголовных дел, привлечению виновного в совершении преступления лица к ответственности со строгим соблюдением принципа разумного срока уголовного судопроизводства, справедливому судебному разбирательству по существу, а также надлежащему применению уголовного закона.

Установленный порядок дознания должен неукоснительно соответствовать задаче уголовного судопроизводства.

Более того, четко регламентированная деятельность органов дознания будет способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению преступлений, формированию уважительного отношения к праву, к правоохранительным органам в целом. На сегодняшний день правоохранительные органы не пользуются доверием населения, а, следовательно, нельзя говорить об эффективности осуществляемой ими деятельности, поскольку такая деятельность всегда направлена на защиту основных прав и свобод каждого человека и гражданина.

В настоящее время качество законодательства Российской Федерации, регулирующего сферу внутренних дел, не в полной мере соответствует современным требованиям. Оно содержит значительное количество бланкетных, а также дублирующих и противоречащих друг другу норм, которые необходимо систематизировать и кодифицировать в единой правоприменительный законодательный акт.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ (с последующими изменениями и дополнениями) // СПС Консультант Плюс.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
3. О полиции: федеральный закон РФ от 07.02.2011 № 3-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
4. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // СПС Консультант Плюс
5. Арестова, Е. Н., Борбат А. В. Дознаватель и орган дознания как участники уголовного судопроизводства / Е. Н. Арестова, А. В. Борбат // Российский следователь. 2015. № 24. с. 16–19
6. Белавин, А. А., Бочинин С. А. Проблемы сокращенной формы дознания / А. А. Белавин, С. А. Бочинин // Российский следователь. 2016. № 13. с. 12–17
7. Илюхина, В. А. Принципы уголовного судопроизводства Российской Федерации и Республики Армения (сравнительно-правовой анализ) // Уголовное судопроизводство. — 2018. — № 2. — с. 43–48.
8. Мусеибов, У. А. О правовой регламентации понятия и системы органов дознания / У. А. Мусеибов // Российский следователь. 2016. № 19. с. 9–11
9. Чукаева, О. А. Проблемы определения компетенции органов внутренних дел как органа дознания / О. А. Чукаева // Законодательство и экономика. 2014. № 9. с. 22–27.

Нормативные правовые акты и их место в системе правовых актов современной России

Хахов Акрам Амурович, студент магистратуры
Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова (г. Нальчик)

В данной статье рассматривается нормативный правовой акт как самая распространенная форма права в современной России. Несмотря на то, что в юридической литературе нет однозначного определения нормативного правового акта, представляется весьма обоснованным определение характерных признаков данного понятия. В статье определяется место нормативных актов в системе правовых актов Российской Федерации.

Ключевые слова: форма права, правовые акты, система правовых актов, нормативный правовой акт.

Normative legal acts among the normative acts of modern Russia

Khakhov Akram,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik city, Russia

This article discusses a normative legal act as the most common form of law in modern Russia. Despite the fact that in scientific and legal literature there is no unambiguous definition of a normative legal act, it seems very reasonable to define characteristic features of this concept. The article defines the place of normative acts in the system of legal acts of the Russian Federation.

Keywords: form of law, legal acts, system of legal acts, normative legal act.

В современной жизни российского общества правотворчество занимает одно из ведущих мест, служит начальным этапом жизни права, формирует и оформляет его. В правовом регулировании общественных отношений в Российской Федерации как в государстве, относящемся к странам семьи континентального права, важнейшую роль играют нормативные правовые акты, которые являются основным

источником российского права, при этом никакой другой вид источников права не обладает настолько широкой сферой применения и регулятивными возможностями.

Такое руководящее положение нормативного акта предполагает наличие глубокой теоретико-методологической базы, которая обеспечит устойчивость, систематичность и саморазвитие объекта [1].

От признания документа нормативным правовым актом зависит решение вопроса о необходимости его опубликования, государственной регистрации, порядок обжалования. При этом важное значение имеет правильный выбор вида и формы нормативного правового акта, а также определить место будущего акта в системе нормативных актов с тем, чтобы «не допустить его противоречия действующим нормативным правовым актам» [2].

В юридической литературе России нет однозначно определенного понятия нормативного правового акта. По мнению одних ученых, нормативный правовой акт — это изданный в особом порядке официальный документ компетентного правотворческого органа, содержащий нормы права [3]. По мнению других, нормативный правовой акт — официальный документ, который устанавливает, изменяет или отменяет нормы права [4].

В связи с отсутствием точного определения нормативного правового акта, рассмотрение его характеристик, отличающих их от иных форм правовых актов представляется весьма актуальным.

В первую очередь, нормативные правовые акты представляют собой документы правотворческих органов. Признак формальной определенности нормативного акта позволяет четко фиксировать их содержание, вытекающие из них права и обязанности субъектов правоотношений, что предполагает обеспечение соблюдения принципа единообразия правоприменения, исключающего разноплановое и противоречивое толкование таких норм. Однако необходимо отметить, что действующее законодательство допускает существование и нормативных и ненормативных актов одной и той же формы, принятых одними и теми же органами в одинаковом порядке.

Кроме того, в отличие от правоприменительных и интерпретационных актов, нормативные правовые акты содержат юридические нормы, то есть «обобщающие положения, распространяющиеся на неопределенный круг субъектов и ситуаций» [6].

Нормативный акт рассчитан на регулирование всех случаев возникновения определенного рода отношений, независимо от времени, места их возникновения, состава лиц, участвующих в них. «То есть, он является универсальным средством регулирования, позволяющим как

устанавливать единые правила поведения для всех участников в рамках правовой системы и одновременно помогает этим участникам прогнозировать результаты своего поведения в тех или иных случаях и конечно же, оценку такого поведения государством как правомерного или неправомерного» [7].

Можно сказать, что нормативные акты отличаются от иных (ненормативных) актов правотворчества по своему предназначению, юридической миссии в системе юридической регламентации общественных отношений. Нормативные правовые акты предназначены для того, чтобы быть нормативными регуляторами общественных отношений. [8]

Таким образом, нормативный акт выступает основой для правоприменительных, интерпретационных и индивидуально-правовых актов. Именно поэтому, ошибки, допущенные в процессе принятия нормативного правового акта, с неизбежностью повлекут за собой ошибки в правоприменении, толковании и автономном регулировании. Более того, «здоровье» системы нормативных правовых актов заметно влияет на «здоровье» системы всех иных правовых актов [9]. Однако необходимо отметить, что дефекты, возникающие в правоприменительных, интерпретационных и договорных актах, могут в свою очередь повлиять на систему нормативных правовых актов, а именно парализовать их или исказить их действие.

Нормативные правовые акты занимают руководящее положение в отечественной правовой системе, в то время как иные формы правовых актов ограничены теми разрешительными рамками, устанавливаемыми законодательством.

Таким образом, нормативный правовой акт представляет собой источник права, который имеет ряд неоспоримых преимуществ перед другими источниками. Так, нормативный акт как регулятор общественных отношений более оперативен и гибок в его приспособленности к быстроизменяющимся социальным процессам. Данное обстоятельство обосновывается тем фактом, что нормативный правовой акт может быть оперативно принят при возникновении необходимости регулирования новых процессов и явлений в обществе. Соответственно, в случае необходимости он может быть изменен и отменен.

Литература:

1. Бошно, С. В., Васюта Г. Г. Система нормативных правовых актов: современное состояние и потребности в развитии // Современное право. 2009. № 11.
2. Анциферова, О. В. Система нормативных правовых актов Российской Федерации // Вестник ЧелГУ. 2002. № 2.
3. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. с. 334.
4. Юридическая энциклопедия / Под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. с. 268.
5. Алексеев, С. С. Право: азбука — теория — философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. с. 77.
6. Исаков, Н. В., Малько А. В., Шопина О. В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования // Правоведение. 2002. № 3.
7. Савченко, В. В. Правовая природа нормативного правового акта как источника права // Проблемы экономики и юридической практики. 2010. № 1.

8. Козулин, А. И. Нормативные правовые акты и иные акты правотворчества // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — Екатеринбург: УрО РАН, 2001, — Вып. 2.
9. Исаков, Н. В., Малько А. В., Шопина О. В. Правовые акты: общетеоретический аспект исследования// Правоведение. 2002. № 3.

История становления института необходимой обороны в отечественном уголовном праве

Холодилина Юлия Олеговна, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

Институт необходимой обороны ведет свою историю с древнейших времен с характерным поступательным и качественным развитием социально — политического строя государства. Данный институт, сущность которого сводится к правомерному способу защиты от посягательства, известен как отечественному, так и зарубежному уголовному праву. Н. С. Таганцев справедливо отмечал, что «признание права обороны от грозящей опасности присуще всем законодательствам на всех ступенях развития» [1, с. 417].

Право на необходимую оборону с глубокой древности значилось важнейшим субъективным правом каждого индивида, характеризующее его человеческую природу. В Древнерусском государстве появление правовых норм, аналогичных нормам о необходимой обороне, относится к X веку — времени появления государственности на Руси. Именно в это время Русь начинает активно вступать в отношения с другими государствами. Этому периоду свойственно заключение договоров с Византией, в которых закреплялись права русских купцов, включающие и отдельные нормы о самозащите имущественных прав. В частности, разрешалось убить вора, застигнутого на месте преступления [2, с. 7]. Однако зачастую в Древнерусском государстве самозащита была составляющим явлением частной мести. Поэтому, как верно замечает Ю. Д. Кашапова, переплетение положений о необходимой обороне ранних договоров Руси с обычаем кровной мести не позволяет выделить самостоятельный институт необходимой обороны в период становления государства на Руси [3, с. 139].

Затем некоторые стороны необходимой обороны получили закрепление в Русской Правде. Нормы Русской правды также разрешали убийство вора в момент совершения преступления. Однако это допущение было правомерным только при соблюдении следующих положений: вор застигнут на месте совершения преступления; наличие причин, препятствующих преданию вора суду; запрет на убийство не представляющего опасности вора [4, с. 49]. Следует отметить, что последствия несоблюдения данных условий были относительно мягкими. Например, убий-

ство связанного вора предполагало уплату 12 гривен, в то время как другие виды умышленного причинения смерти влекли более суровые санкции (за убийство простого человека — 40 гривен). Таким образом, Русская Правда к первостепенному объекту, который при необходимой обороне мог быть защищен от посягательства, относил имущество, в то время как о жизни и здоровье норм не содержалось.

Нормы о необходимой обороне начинают существенно изменяться, принимая форму гаранта неприкосновенности личности и имущества, после ликвидации феодальной раздробленности и построения единого централизованного государства в XV — XVI века. Соборное уложение 1649 года уделило обороне еще большее внимание; нормы, касающиеся обороны были рассредоточены по всему документу. Круг объектов необходимой обороны был достаточно широк: помимо жизни и здоровья список включал целомудрие женщин, имущество, жилище. Причем право необходимой обороны уже в то время можно было реализовывать, как обороняя от опасности себя, так и других лиц. Правомерной обороной признавалась оборона как путем причинения вреда здоровью, так и смерти нападающему лицу. Условиями правомерности необходимой обороны являлись следующие: наличие посягательства, его умышленный характер; угроза собственности либо личности обороняющегося; необходимость сообщения суду об убийстве нападавшего [5, с. 171]. Соблюдение всех условий в совокупности влекло ненаказуемость действий обороняющегося.

Следующим крупным документом, содержащим уголовно — правовые нормы, выступили Артикулы Воинские 1715 года. Впервые в Артикулах 156 и 157 право на защиту посредством причинения вреда посягающему было закреплено термином «нужное оборонение» [6, с. 380]. В толковании к Артикулу четко разъяснялись условия правомерности защиты, которые во — многом схожи с положениями современного уголовного права: соответствие защиты опасности посягательства; при невооруженном нападении защиты должна осуществляться также без оружия, если отсутствует угрозы для жизни; по-

сягательство должно быть наличным и неоконченным; при убийстве нападавшего оборонявшийся должен был доказать свою невиновность. Точные и лаконичные формулировки относительно необходимой обороны свидетельствовали о более высоком уровне законодательной техники и дальнейшем развитии исследуемого института в уголовном праве Российского государства. Кроме того, наличие официального толкования к Военскому Артикулу исключало возможность широкого усмотрения и произвола со стороны государственных органов и в большей степени гарантировало защиту интересов обороняющегося, подобную современной уголовному законодательству.

Впервые сама дефиниция необходимой обороны была закреплена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором нормы о пределах обороны и условиях ее правомерности размещались в разделе «О преступлениях, проступках и наказаниях вообще», аналогичном Общей части Уголовного кодекса в настоящее время. Выделялись следующие условия правомерности необходимой обороны: невозможность прибегнуть к защите начальства при отражении посягательства; обороняющийся обязан незамедлительно сообщить соседям и ближайшему начальству о необходимой обороне; среди объектов защиты четко разграничены, с одной стороны, жизнь, здоровье, свобода лица и собственность, с другой стороны [7, с. 195]. Такие образом, право на необходимую оборону по Уложению продолжало носить субсидиарный характер, но уже рассматривалось не только как право на защиту своих, но и чужих интересов (применительно к женскому полу — честь и целомудрие). Уложение 1845 года впервые регламентировало привилегированный состав преступления, предусматривавший санкцию за превышение пределов необходимой обороны. Превышение пределов необходимой обороны рассматривалось как выход за конечный временной предел обороны.

Во второй половине XIX века институт необходимой обороны получил окончательное закрепление в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 года. Статья 10 Устава закрепляла: «Поступки не вменяются вовсе в вину, когда они совершены по необходимой обороне» [8, с. 396]. Нормы Устава 1864 года окончательно дополнили сложившийся к концу XIX века в полной мере институт необходимой обороны в российском уголовном праве.

После этого регламентация необходимой обороны подверглась существенной корректировке в Уголовном уложении 1903 года, которое в то же время характеризовалось преемственностью некоторых положений о необходимой обороне из прошлых нормативно — правовых актов. Статья 45 Уложения подтверждает факт преем-

ственности: «не почитается преступным деяние, учиненное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или другого лица» [9, с. 56]. Следует заметить, что Уголовное уложение 1903 года заменяло временные границы и пределы необходимой обороны оценочным понятием «необходимость обороны». Более точно указывался объект посягательства, вводится положение о превышении пределов необходимой обороны только в указанных в законе случаях, различаются виды превышения пределов — чрезмерная и несвоевременная оборона. При умышленном или неосторожном превышении пределов необходимой обороны наказывалось убийство и причинение тяжких телесных повреждений, если оборона не была направлена против посягательства на жизнь или изнасилования.

Таким образом, правовые нормы, подобные нормам современного института необходимой обороны, известны богатой историей. Развитие данного института отражает изменение взглядов на место человека, личности и ее безопасности в системе благ. В отечественном праве нормы, регламентирующие защиту от посягательств первоначально на собственность, появились в X веке. Как институт уголовного права необходимая оборона в Российском государстве сформировалась лишь к концу XIX века. Объекты, которым предоставлялась защита при необходимой обороне, первоначально были представлены лишь имуществом, собственностью, затем дополнились еще и правами личности и собственно личностью. Этот перечень постепенно расширялся, соответствуя этапу развития государства и проводимой политике.

Действующая редакция главы 8 УК РФ, посвященной исключаящим преступность деяния обстоятельствам, регламентируя институт необходимой обороны, основывается на приоритете интересов личности над общественными и государственными. В современном мире, когда в большинстве цивилизованных государств человек признан высшей ценностью, показателем развития признается реальная возможность реализации человеком законодательно предоставленных прав и свобод, в том числе права на необходимую оборону. Поэтому институт необходимой обороны следует совершенствовать именно по пути его интерпретации в качестве естественного права граждан, гарантии их прав и свобод. Норма о необходимой обороне должна быть ориентирована на обороняющееся лицо при недопустимости ограничения права на защиту от общественно опасного посягательства, что согласуется как с интересами отдельной личности, так и с общественными предпочтениями об охране каждого от преступных посягательств.

Литература:

1. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т.1. Тула: Автограф, 2001. с. 417.
2. Зимин, А. А. Памятники русского права: памятники права Киевского государства, X — XII вв. Вып. 1. / под ред. С. В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1952. с. 7.

3. Кашапова, Ю. Д. Развитие института необходимой обороны в российском уголовном праве // Наука сегодня: проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, г. Вологда, 25 ноября 2015 г.: в 3 частях. Часть 1. Вологда: ООО «Маркер», 2015. с. 139.
4. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т.1. / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984. с. 49.
5. Отечественное законодательство XI-XX веков: XI-XIX века. Пособие для семинаров. Ч.1. / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юрист, 1999. с. 171.
6. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. с. 380
7. Российское законодательство X-XX веков: Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. с. 195.
8. Российское законодательство X-XX веков: Судебная реформа. В 9-ти томах. Т. 8 / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1991. с. 396.
9. Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. С. — Петербург: Сенатская типография, 1903. с. 56.

Восстановление корпоративного контроля как способ защиты прав участников хозяйственных обществ

Цыганова Анастасия Александровна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

В советский период истории нашей страны практически отсутствовала возможность создания коммерческих организаций. Однако с переходом к рыночной экономике и последующим увеличением числа коммерческих организаций возникла необходимость в защите прав их участников.

Одним из способов защиты прав, закрепленных в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, является восстановление положения, существовавшего до нарушения права. В развитие абзаца 3 указанной статьи Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее по тексту — Гражданский кодекс РФ) и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» введена в действие статья 65.2, пункт 3 которой закрепляет право участника коммерческой корпорации, утратившего помимо своей воли в результате неправомерных действий других участников или третьих лиц права участия в ней, требовать возвращения ему доли участия, перешедшей к иным лицам с возмещением убытков за счет лиц, виновных в утрате доли. При этом предусмотрена выплата справедливой компенсации, определяемой судом, лицам, из владения которых истребуется доля участия [1].

Законодательством Российской Федерации не закреплено понятие корпоративного контроля. Тем не менее, ряд ученых считает приведенную выше норму Гражданского кодекса РФ положением о восстановлении корпоративного контроля. В связи с этим предлагаем рассмо-

треть имеющиеся в доктрине определения корпоративного контроля и, основываясь на них, установить возможность применения данного способа защиты права различными группами участников и акционеров.

Под корпоративным контролем Д. И. Степанов понимает контроль акционеров (участников), проявляющийся в возможности навязывать свою волю корпоративному образованию, другим его участникам, в извлечении дополнительных имущественных благ из подобного положения внутри корпоративного образования, а также в возможности отчуждения контрольной премии при передаче корпоративного контроля третьим лицам [2]. С позиции защиты прав участников хозяйственных обществ использование данного определения приводит к невозможности восстановления корпоративного контроля миноритарного участника (акционера), поскольку исходя из указанного определения такие участники (акционеры) не обладают корпоративным контролем.

С точки зрения И. С. Шиткиной, корпоративный контроль — это ситуация, при которой владелец акций или долей участия имеет возможность принимать решения на общем собрании акционеров (участников), как минимум по вопросам, требующим простого большинства голосов участников собрания [3]. Согласно пункту 1 статьи 32 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», владельцы привилегированных акций по общему правилу не имеют права голоса на общем собрании акционеров. Соответственно возможность восстановления корпоративного контроля таких акционеров не учитывается данным определением [4].

Концепция восстановления корпоративного контроля первоначально вырабатывалась судебной практикой. Так, в деле № А14—14857/2004 истец требовал признания недействительным договора купли-продажи и возврата ответчиком перешедшей к нему по указанному договору доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Суд первой инстанции удовлетворил требования о признании договора недействительным. В суде апелляционной инстанции исковые требования были изменены: истец требовал применения последствий недействительности сделки, в чем было отказано. В Постановлении Президиума ВАС от 03.06.2008 № 1176/08 указано, что данное требование фактически является требованием о восстановлении корпоративного контроля посредством присуждения соответствующей доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Согласно Постановлению, в области корпоративных правоотношений такая реализация восстановления корпоративного контроля возможна в результате применения способа защиты прав, установленного статьей 12 Гражданского кодекса РФ, а именно восстановления положения, существовавшего до нарушения права. В связи с изложенным дело было направлено на новое рассмотрение [5]. Решением Арбитражного суда Воронежской области от 31.03.2009 права истца на долю в уставном капитале восстановлены, доли остальных участников перераспределены. Судом принят во внимание тот факт, что после признания договора недействительным было произведено увеличение уставного капитала посредством внесения участниками дополнительных взносов, вследствие чего стал невозможен возврат доли в порядке реституции. Суд также указал на возможность компенсации истцом дополнительных взносов остальным участникам в уставный капитал общества [6].

Следует отметить, что восстановление корпоративного контроля является комплексным способом защиты, поскольку владением акциями или долей обусловлено не только право на участие в управлении хозяйственным обществом, но и любое другое корпоративное право, перечень которых установлен статьей 65.2 Гражданского кодекса РФ. Однако, основываясь на рассмотренных ранее определениях термина «корпоративный контроль», можно сделать вывод, что миноритарные участники (акционеры) и акционеры — владельцы обыкновенных акций могут воспользоваться указанным способом защиты, в то время как владельцы привилегированных акций — нет, так как они по общему правилу не участвуют в определении воли общества. Любому участнику (акционеру) хозяйственных обществ должна быть предоставлена возможность защищать свои права, и закон избегает лишних противоречий, не именуя данный способ защиты восстановлением корпоративного контроля.

Остается неясным положение о возможности отказа судом в возврате доли (акций), если это может привести к негативным социальным и другим публично значимым последствиям. Текст Гражданского кодекса РФ не со-

держит разъяснений о том, какие последствия следует считать соответствующими условиями для отказа. В пункте 4 Заключения Ассоциации российских банков на проект федерального закона № 47538—6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» содержится предложение уточнить термин «публично значимые последствия», однако за этим не следуют варианты соответствующих изменений [7]. На наш взгляд, целесообразно издание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащего разъяснения относительно сущности и характера негативных социальных последствий, а также примерный перечень других публично значимых последствий.

Следует указать и на неопределенность алгоритма определения справедливой компенсации, выплачиваемой истцом ответчику при возвращении первой доли (акций). Более того, не до конца ясно, чем вызвана необходимость компенсации. Можно предположить, что такая норма нужна для защиты интересов добросовестного приобретателя, однако в таком случае мы сталкиваемся с новым вопросом: по какой причине компенсация не предусмотрена специальной нормой, а именно пунктом 17 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 № 14-ФЗ [8] (Далее по тексту Закон № 14-ФЗ)? На наш взгляд, наблюдается коллизия. Какую норму следует применять судам? Не станут ли истцы уклоняться от выплаты компенсации, прибегая к использованию положений статьи 17 Закона № 14-ФЗ? С точки зрения судебной практики по данной проблеме интересно дело № А71—17401/2017, в рамках которого истец требовал возвращения ответчиком К. доли размером 40 % в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Доля выбыла из владения истца в результате неправомерных действий ответчика С. и перешла к ответчику К. в результате заключения договора купли-продажи, признанного недействительным в ходе разбирательства. Требование истца было удовлетворено судом первой инстанции [9], в последующих инстанциях было оставлено без изменений. В постановлении кассационной инстанции от 15.07.2019 суд ссылается как на положение пункта 17 статьи 21 Закона № 14-ФЗ, так и на положения абзаца 3 статьи 12 и пункта 3 статьи 65.2 Гражданского кодекса РФ. Примечательно, что суды предыдущих инстанций не обращаются к статье 65.2 Гражданского кодекса РФ. Суд кассационной инстанции же, ссылаясь на указанную статью, не рассматривает вопрос выплаты компенсации ответчику К., не исследуется вопрос о его добросовестности [10; 11; 12]. В решении Арбитражного суда Архангельской области от 02.03.2017 по делу № А05—111/2017 аналогично применяются указанные положения законов, при чем пункт 3 статьи 65.2 Гражданского кодекса РФ цитируется в решении, однако вопрос о выплате истцом справедливой компенсации судом не рассматривается [13].

На основании изложенного, представляется целесообразным устранить противоречие между положениями пункта 17 статьи 21 Закон № 14-ФЗ и пункта 3 статьи 65.2 Гражданского кодекса РФ в части выплаты истцом справедливой компенсации. В связи с этим предлагается считать рассмотрение вопроса о добросовестности приобретателя утраченной доли (акций) обязательным компонентом рассмотрения дел о восстановлении корпоративного контроля. В части определения справедливой компенсации

представляется необходимой разработка четких критериев установления необходимости выплаты и размера такой компенсации. Например, если в период выбытия доли (акций) из владения участника (акционера), хозяйственная деятельность при осуществлении добросовестным приобретателем указанной доли (акций) своих корпоративных прав и обязанностей была эффективной, размер справедливой компенсации может быть установлен пропорционально прибыли общества за рассматриваемый период.

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Степанов, Д. И. Феномен корпоративного контроля [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Шиткина, И. С. Корпоративное право [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума ВАС от 03.06.2008 № 1176/08 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Решение арбитражного суда Воронежской области от 31 марта 2009 г. по делу № А14–14857/2004 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>
7. Письмо Ассоциации российских банков от 18 июня 2012 г. N А-01/5–363 О заключении Ассоциации российских банков на проект федерального закона N 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «ГАРАНТ».
8. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 31.12.2017) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Решение арбитражного суда Удмуртской республики от 21.11.2018 г. по делу № А71–17401/2017 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>
10. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.08.2018 г. № 17АП-9071/2018-ГК по делу № А71–17401/2017 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>
11. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2019 г. № 17АП-9071/2018-ГК по делу № А71–17401/2017 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.07.2019 № Ф09–3442/19 по делу № А71–17401/2017 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>
13. Решение арбитражного суда Арбитражного суда Архангельской области от 02.03.2017 г. по делу № А05–111/2017 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>

Основания отказа в принятии заявления о признании гражданина банкротом

Шабалин Евгений Владимирович, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

Производство по делу о банкротстве возбуждается арбитражным судом на основании заявления о признании должника банкротом, поданного должником, конкурсным кредитором или уполномоченным органом.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] (далее — Закон № 127-ФЗ) содержит несколько оснований, по которым

суды вправе отказывать должникам в рассмотрении заявлений о признании банкротом.

Эти основания можно разделить на две группы — материальные и формальные.

Материальные основания связаны с отказом в принятии заявления о банкротстве гражданина, который в силу закона не может быть признан таковым (ст. 213.6 Закона № 127-ФЗ).

Для принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом гражданин должен соответствовать следующим признакам неплатежеспособности: сумма долговых обязательств не менее 500 тысяч рублей; наличие просрочки платежей — не менее трех месяцев; невозможность исполнения финансовых обязательств.

При отсутствии таких оснований суд выносит определение о признании заявления необоснованным и об оставлении его без рассмотрения, либо определение о признании заявления необоснованным и прекращении производства по делу.

Например, Определением Арбитражного суда Томской области от 12.11.2015 по делу № А67–6183/2015 заявление о признании должника было признано необоснованным, в связи с чем было прекращено производство по делу.

Судом было установлено, что на момент проведения судебного заседания сумма основного долга была погашена, а сумма оставшегося долга не превышала пятисот тысяч рублей, то есть на дату проведения судебного заседания отсутствовало одно из необходимых условий [2].

Обязанность по доказыванию неплатежеспособности должника лежит на кредиторе.

В случае недоказанности неплатежеспособности гражданина заявление кредитора о признании должника банкротом признается судом необоснованным, производство по делу прекращается.

Арбитражным судом Московской области (определение от 11.12.2017 по делу № А41–51146/2017) в ходе рассмотрения заявления о признании гражданина банкротом установлено и подтверждено материалами дела, что должником производятся периодические выплаты по денежным обязательствам, а заявления других кредиторов о признании должника банкротом отсутствуют.

При таких обстоятельствах заявление кредитора о признании должника несостоятельным (банкротом) признано судом необоснованным, производство по делу прекращено [3].

По вопросу принятия либо отказа в принятии заявления о признании гражданина банкротом при наличии спора о праве дал свои разъяснения Верховный суд Российской Федерации.

В случае, когда на момент подачи заявления о признании должника банкротом конкурсным кредитором или уполномоченным органом их требования не подтверждены вступившим в силу решением суда и между заявителем и должником есть спор о праве, суд либо признает заявление необоснованным и оставляет его без рассмотрения, либо прекращает производство по делу.

Верховный суд Российской Федерации в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» (далее — постановление Пленума № 45) уточнил, что под спором о праве понимаются возражения должника, как письменные, так

и устные, о размере, сроке исполнения задолженности и ее существовании в принципе.

Однако арбитражный суд может отклонить возражение должника, если есть основания полагать, что он пытается не допустить или отсрочить введение процедуры банкротства (например, должник признает факт наличия задолженности и просрочку ее возврата, но при этом возражает против возбуждения в отношении него дела о банкротстве), что противоречит принципу недопустимости злоупотребления правом [4].

Формальные основания для отказа связаны с несоблюдением положений законодательства при подаче заявления (непредставление полного пакета документов, ошибки в их оформлении, несоответствие заявления о признании банкротом требованиям п. 3 ст. 213.4 Закона № 127-ФЗ, невнесение денежных средств на выплату вознаграждения финансовому управляющему).

Заявление должно соответствовать требованиям Закона № 127-ФЗ, нормам арбитражного процессуального законодательства РФ.

Судом будет отказано в принятии заявления о признании гражданина банкротом в случае отсутствия документов, которые необходимо прикладывать к заявлению в подтверждение тех или иных обстоятельств. В таких случаях суд оставляет заявление без движения и указывает срок, в течение которого заявителю необходимо исправить допущенные нарушения (ст. 44 Закона № 127-ФЗ).

Например, Арбитражным судом г. Москвы отказано должнику в приеме заявления ввиду отсутствия приложенных к заявлению большинства документов, которые обязательны по нормам Закона № 127-ФЗ.

В данном случае гражданином при подаче заявления о признании его банкротом не были приобщены сведения о полученных доходах и об удержанных суммах налога за последние 3 года, справка из банка о наличии счетов, вкладов, имеющихся на них денежных средствах, свидетельство о постановке на учет в налоговом органе и др. [5].

Интересно, что отказать в банкротстве суд может не только самим должникам, но и другим инициаторам процедуры. В частности, отказ получила Федеральная налоговая служба в Якутске, когда попыталась признать должника банкротом (дело № А58–10384/2018, рассмотрено Арбитражным судом Республики Саха (Якутия)).

У представителей власти тоже не хватало определенных документов, и не была внесена оплата вознаграждения для финансового управляющего [6].

Необходимо отметить, что указанный в законе пакет документов, необходимых для представления должником в момент подачи заявления о банкротстве, является весьма громоздким и может препятствовать гражданину в реализации своего права или исполнении обязанности, установленной законом.

Вместе с тем, для того, чтобы решение суда было законным и обоснованным, необходимо выяснение всех обстоятельств по делу, а в случае, если арбитражный суд

будет самостоятельно запрашивать весь перечень документов, это существенно и неоправданно приведет к затягиванию производства по делу.

Если указанные документы у должника отсутствуют, судом они могут быть истребованы значительно быстрее, чем самим гражданином.

Кроме того, если суд оставит заявление без движения, должник в полном объеме может не успеть устранить недостатки, содержащиеся в определении.

Изложенное приводит к тому, что значительная часть граждан не сможет обратиться в суд без профессиональной помощи юристов. Ввиду того, что Закон № 127-ФЗ направлен на освобождение граждан от исполнения денежных обязательств, указанная бюрократизация процесса представляется не вполне обоснованной, особенно в случае реализации гражданином права на подачу заявления о своем банкротстве.

В целях устранения возможных препятствий предлагаю возложить на суд обязанность по истребованию доказательств в случае, когда гражданин исполняет обязанность по подаче заявления о собственном банкротстве, а также в случаях, когда это существенно не увеличит срок производства по делу при наличии соответствующего ходатайства заявителя.

Также необходимо отметить о возможной ответственности и последствиях представления суду недостоверных сведений при подаче заявления о банкротстве.

Как разъяснено в пункте 42 постановления Пленума № 45, если при рассмотрении дела о банкротстве будет установлено, что должник не представил необходимые сведения суду или финансовому управляющему при имеющейся у него возможности, либо представил заведомо недостоверные сведения, это может повлечь неосвобождение должника от обязательств (п. 4 ст. 213.28 Закона № 127-ФЗ).

Еще одно основание для отказа в принятии заявления о банкротстве приведено в определении Арбитражного суда Ростовской области от 09.11.2018 по делу № А53-35204/2018.

Суд отказал гражданину в принятии его заявления о банкротстве по причине невнесения на депозит арбитражного суда денежных средств на выплату вознаграждения финансовому управляющему, а также не представил документы, подтверждающие наличие у него средств на оплату судебных расходов [7].

В деле о банкротстве гражданина обязательно участие финансового управляющего — специального субъекта, утвержденного арбитражным судом для участия в деле о банкротстве гражданина.

Фиксированная сумма оплаты услуг финансового управляющего составляет 25 тыс. руб., которую граж-

данин должен внести на депозит арбитражного суда при подаче заявления.

Учитывая то, что у должников и так не имеется денежных средств для исполнения обязательства, данный размер вознаграждения финансового управляющего для значительного числа граждан является достаточно существенной суммой.

Как указано в постановлении Пленума Верховного суда № 45 в случае отсутствия денежных средств или имущества на выплату вознаграждения финансовому управляющему, заявление подлежит возврату.

То есть, должник, намеревающийся обратиться в суд для признания себя банкротом в связи с отсутствием имущества и денежных средств для погашения принятых обязательств, не может реализовать указанное право в связи с отсутствием средств на выплату вознаграждения финансовому управляющему.

В качестве решения данной проблемы считаю необходимым введение упрощенной процедуры признания таких граждан банкротами без участия финансового управляющего.

В рассмотрении таких дел исполнение функций финансового управляющего возможно финансовым уполномоченным по правам человека.

Еще одним выходом из данной проблемной ситуации может стать участие в рассмотрении дел о банкротстве граждан прокурора, по аналогии с гражданским процессом, где прокурор выступает в защиту прав и законных интересов некоторых категорий граждан.

Таким образом, можно сделать вывод, что основными проблемами, препятствующими реализации гражданину права на предъявление заявления о банкротстве, являются обширный перечень документов, необходимых при подаче заявления, а также то, что большинство должников не в состоянии понести расходы по делу о банкротстве.

Для облегчения прохождения процедуры банкротства и как возможного выхода из сложившейся ситуации предлагаю на законодательном уровне возложить на судебный орган в некоторых случаях (при подаче заявления о банкротстве самим должником) обязанность по истребованию доказательств, запрашивание которых гражданином займет значительный период времени, а также ввести упрощенную процедуру банкротства для тех граждан, у которых отсутствуют денежные средства и имущество для погашения имеющейся задолженности.

Также, в случае отсутствия у должника возможности оплаты услуг финансового управляющего, целесообразно привлечение к рассмотрению дела о банкротстве прокурора или финансового обмудсмена, выполняющего ряд функций финансового управляющего.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 27. — Ст.357.

2. Определение Арбитражного суда Томской области от 12.11.2015 г. по делу № А67–6183/2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения — 16.10.2019).
3. Определение Арбитражного суда Московской области от 11.12.2017 по делу № А41–51146/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения — 05.11.2019).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://base.consultant.ru/>. (дата обращения — 30.10.2019).
5. Определение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40–264328/2018 [Электронный ресурс]. <http://sudact.ru>. (дата обращения — 10.11.2019).
6. Определение Арбитражного суда Республики Саха (Якутия) по делу А58–10384/2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru>. (дата обращения — 05.11.2019).
7. Определение Арбитражного суда Ростовской области по делу № А53–35204/2018 [Электронный ресурс] <http://sudact.ru>. (дата обращения — 20.11.2019).

Полномочия прокурора при избрании мер пресечения

Шевелев Иван Витальевич, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Процессуальное принуждение является необходимым элементом уголовно-процессуального регулирования. Оно применяется только в определенных процессуальным законодательством случаях и только теми органами государственной власти, которые на это уполномочены: судом, следователем, дознавателем. В современной юридической литературе меры процессуального принуждения определяются как предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством принудительные средства, применяемые при наличии достаточных оснований уполномоченными на то субъектами уголовно-процессуального права в отношении подозреваемых, обвиняемых и других участвующих в деле лиц в целях предупреждения и пресечения противоправных действий [1]. Составной частью мер процессуального принуждения являются меры пресечения.

Прокурорский надзор за законностью избрания и применения мер уголовно-процессуального принуждения относится к числу ключевых направлений деятельности прокурора, которая осуществляется на постоянной основе. Вместе с тем анализ современной практики задержания подозреваемых в совершении преступлений, избрания и применения мер пресечения свидетельствует о допускаемых органами, осуществляющими уголовное преследование, многочисленных нарушениях закона. Поэтому Приказом Генерального прокурора РФ от 9 ноября 2011 г. N 392/49 прокурорам предписано использовать все имеющиеся у них полномочия для эффективного надзора за исполнением органами предварительного следствия и дознания требований закона, регламентирующих порядок избрания и применения в отношении подозреваемых, обвиняемых меры пресечения в виде заключения под стражу, а также помещения подозреваемых, обвиняемых, не находящихся под стражей, в медицинский или

психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы. Обозначенные требования Генерального прокурора РФ являются вполне обоснованными. Безусловно, они способствуют повышению эффективности надзора за избранием и применением мер процессуального принуждения.

Для добросовестного и четкого исполнения прокурором своих обязанностей при осуществлении надзора нужно тщательно проверять и оценивать законность и обоснованность фактов задержания лиц, особенно подозреваемых в совершении преступлений небольшой и средней тяжести, и их последующего освобождения. В первую очередь следует обращать внимание на соблюдение прав обвиняемых и подозреваемых, при этом руководствуясь Конституцией Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом, а также правовыми позициями высших судов, Европейского суда по правам человека и приказами Генеральной прокуратуры. В целом сотрудники органов прокуратуры успешно осуществляют деятельность по соблюдению прав и свобод участников процесса при избрании мер пресечения, применяемых в соответствии с судебным решением, но все же в надзорной деятельности в этой сфере все же имеется ряд проблем, требующих внимания.

При выборе меры пресечения уполномоченные на то органы должны руководствоваться ст. 97, 99 Уголовно-процессуального кодекса. В современной юридической науке очень активно ведется дискуссия об учете мнения потерпевшего при избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого мер пресечения. Так, например, Л. В. Брусницын обоснованно считает, что правоприменитель должен знать и учитывать мнение потерпевшего при избрании какой бы то ни было меры пресечения [2].

Такой же точки зрения придерживаются такие авторы, как, например, С. В. Колдин [3], О. В. Корнелюк [4], и другие.

В свою очередь, Приказ Генерального прокурора РФ № 31 от 18 июня 1997 г. обязывает прокуроров при избрании меры пресечения учитывать в первую очередь имеющиеся для этого основания, предусмотренные ст. 89, 91, ч. 1 ст. 96 Уголовно-процессуального кодекса. Также при аресте обвиняемых по мотиву одной лишь опасности преступления необходимо руководствоваться перечнем преступлений, указанных в ч. 2 ст. 96 УПК. Вместе с тем с особой тщательностью следует рассматривать вопросы о необходимости применения ареста в отношении несовершеннолетних граждан, которые совершили преступление небольшой или средней тяжести либо вообще не нуждаются в изоляции от общества.

Также прокурору необходимо ответственно подходить к вопросу о даче дознавателю согласия на возбуждение перед судом ходатайства об избрании подозреваемому или обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; тщательно изучать все материалы, являющиеся основанием для направления в суд такого ходатайства; учитывать данные о личности, а также другие существенные обстоятельства; решать вопрос положительно только в тех случаях, когда имеются основания, предусмотренные ч. 1 ст. 108 УПК РФ, а применение иных мер пресечения невозможно [5].

В целях соблюдения интересов участников уголовного судопроизводства стоит учитывать требования, предусмотренные законодателем в статье 99 Уголовно-процессуального кодекса, а именно: состояние здоровья, тяжесть преступления, семейное положение и иные сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, такие как его возраст, род занятий и прочие. Это обеспечивает соблюдение принципа охраны прав и свобод человека и гражданина, который декларируется в статье 11 Уголовно-процессуального кодекса.

Европейский суд по правам человека неоднократно указывал на несоблюдение Россией этого правового предписания. Например, в деле «Мамаева против Российской Федерации» это наглядно показано: идет речь о том, что национальные власти часто не учитывают личную ситуацию заявителей, используют при этом общие фразы и стереотипные формулировки [6].

Генеральный прокурор РФ в указании от 9 ноября 2011 г. N 392/49 обязал прокуроров тщательнее исследовать

вопросы о применении мер пресечения в отношении лиц со слабым здоровьем и пожилого возраста, а также женщин и иных лиц, к которым может быть применена иная мера пресечения, исходя из обстоятельств дела и данных о личности. Если поступает информация, возможно, даже жалоба, об ухудшении состояния здоровья лиц, содержащихся под стражей, сотрудник прокуратуры обязан организовать соответствующую проверку. При выявлении прокурором фактов сильного ухудшения состояния здоровья, засвидетельствованных справкой, необходимо ставить вопрос перед следователем, дознавателем об изменении меры пресечения на более мягкую. Так, в решении Европейского суда по делу «Арутюнян против Российской Федерации» было установлено нарушение ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с содержанием заявителя под стражей в обычном следственном изоляторе, несмотря на наличие инвалидности, ряда медицинских проблем, включая крайне слабое зрение, нефункционирующий трансплантат почки, тяжелую форму инсулинового сахарного диабета и чрезмерное ожирение [7].

Также прокурору необходимо обращать внимание на наличие приобщенных к постановлению дознавателя об избрании меры пресечения в отношении лиц, имеющих нетрудоспособных иждивенцев или детей, материалов, свидетельствующих о том, что лица, находящиеся на иждивении, будут находиться на попечении близких родственников или других лиц, помещены в детские, социальные либо медицинские учреждения. В качестве подобных материалов можно рассматривать заявления родственников, органов опеки и попечительства об устройстве детей или иждивенцев в специализированные учреждения. Стоит отметить, что игнорирование прокурором данных материалов может повлечь за собой нарушение прав и свобод участников уголовного судопроизводства при применении мер пресечения по решению суда.

Таким образом, прокурор как участник уголовного судопроизводства играет немаловажную роль в определении меры пресечения в отношении подозреваемых, обвиняемых, а также тех или иных лиц, участвующих в деле. От действий прокурора практически напрямую зависит соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина, потому он в пределах своей компетенции обязан обеспечить соблюдение требований современного уголовно-процессуального законодательства.

Литература:

1. Воскобитова, Л. А. Уголовный процесс: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2013. с. 181.
2. Брусницын, Л. В. Меры пресечения по УПК РФ: новеллы и старые ошибки // Уголовное право. 2002. N 3. с. 71.
3. Колдин, С. В. Защита прав и законных интересов потерпевшего по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. с. 10.
4. Корнелюк, О. В. Баланс процессуальных статусов потерпевшего и обвиняемого при досудебном производстве: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. с. 11.

5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» от 27 ноября 2007 г. № 189 // Законность. 2007 г. № 12.
6. Дело «Мамедова против Российской Федерации» (Жалоба N 7064/05) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2006. № 12
7. Дело «Арутюнян против Российской Федерации» (Жалоба N 48977/09) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2012. № 9.
8. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/64381-prokurorskiy-nadzor-soblyudeniem-prav-svobod-uchastnikov-ugolovnogo>
9. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257724/>

Развитие законодательства о суде присяжных в России в период с 9 мая 1878 года по 7 июля 1889 года

Щербакова Валерия Дмитриевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: суд присяжных, компетенция суда присяжных, присяжный, Российская империя, судебная контрреформа.

Начало данного периода связано с принятием 9 мая 1878 года первого закона, которым было серьёзно изменено законодательство о суде присяжных 1864 года, а его конец — с принятием 7 июля 1889 года последнего закона такого рода. За указанные одиннадцать лет было издано около десятка актов законодательства, большое количество циркуляров и предписаний Министерства юстиции, которые способствовали качественному преобразованию российского суда присяжных.

Суд присяжных в рассматриваемый период переживал свой кризис: были выявлены его многочисленные недостатки.

Продолжительное время период развития законодательства о суде присяжных с 9 мая 1878 года по 7 июля 1889 года анализировался в политическом контексте, а потому его именовали периодом судебной контрреформы. Этот термин впервые был определён А. А. Кизеветтером, который под контрреформой в области суда присяжных понимал пересмотр Судебных уставов с целью ограничения, а в некоторых случаях даже ликвидации рассмотрения дел с участием присяжных заседателей [1, с. 131]. А по мнению Ю. Г. Галаева, под контрреформой подразумевалась серия многолетних законодательных и административных мероприятий, изменивших первоначальные судебные принципы [2, с. 49].

В настоящее время более распространённой является другая точка зрения, согласно которой период с 1878 года по 1889 год рассматривается в качестве кризиса российской судебной системы, затронувшего в том числе и суд присяжных. Одним из приверженцев рассматриваемой точки зрения является А. А. Демичев. Он вкладывает в понятие «кризис» следующее: переход от модели Судебных уставов 1864 года, составленными их авторами весьма умозрительно, к судебному законодательству, которое

приспособлено к российскому государственному строю и соответствует российской ментальности [3, с. 69]. Излагаемая им точка зрения видится нам наиболее правильной.

Кризис российского суда присяжных был вызван тремя группами причин: юридическими, ментальными и политическими. Остановимся на каждой из них.

Важнейшей из юридических причин являлось несовершенство законодательства, затруднявшее нормальное функционирование суда присяжных. Материальное право не соответствовало процессуальному: Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года Судебным уставам 1864 года. В данную группу причин включаются также: отсутствие заинтересованности членов временных комиссий, которые составляли списки присяжных, в результатах своего труда; наличие служебного ценза, а также неравномерность имущественного ценза.

Ментальные причины кризиса суда присяжных были результатом несоответствия русского менталитета характеру западноевропейского правового института, который был введён «сверху». Данная проблема возникла, даже несмотря на то, что Судебные уставы 1864 года разрабатывались хоть и с опорой на опыт европейских стран, но с учётом особенностей российского общества. Заключалась она в подсудности большого количества категорий преступлений российским присяжным (по примеру стран Европы), что сыграло отрицательную роль. «Судьи общественной совести» Российской Империи, как и опасалась часть профессиональных юристов и учёных, были далеки от юриспруденции. Нередко преступления оказывались сложными для понимания присяжных. Это приводило к тому, что они не могли объективно судить ряд противоправных деяний: финансовые преступления, некоторые виды преступлений против порядка управления, нарушения паспортного устава и другие. И не сумев до конца

понять сути дела, присяжные оправдывали на самом деле виновных лиц. Были случаи, когда присяжные даже не понимали функций, возлагаемых на них. В качестве доказательства сказанного можно обратиться к словам одного присяжного, которые зафиксировал В. И. Гурье — известный историк, к тому же неоднократно выполнявший в Москве обязанности присяжного заседателя: «институт присяжных необходим, чтобы миловать; не будь его, коронные юристы просто применяли бы закон».

Правосознание народа на практике не соответствовало продиктованному нормами законодательства (например, по таким противоправным деяниям, как оскорбление должностных лиц, сопротивление им). Результатом этого также являлось оправдание присяжными действительно виновных. Суд присяжных оказался несообразным с условиями быта и устройством судов России того времени. Этот факт отмечался и государственными деятелями того времени.

Рассмотренные ментальные причины кризиса суда присяжных тесно переплетались с политическими, являвшимися итогами роста революционного движения в стране. Нередкое оправдание присяжными заседателями обвиняемых по делам, носящим политический оттенок (сами политические преступления не были подсудны присяжным), противоречило интересам правительства, стремившегося обеспечить порядок в стране и подавить нарастающее революционное движение.

Не взирая на важность юридических и политических причин, которые привели суд присяжных к кризису, наиболее серьёзной группой причин являлись ментальные. Лишь в сочетании с ними юридические и политические причины становились значимыми, а без них они привели бы либо к отмене института присяжных, либо к усовершенствованию законодательства о суде присяжных.

В науке выделяют основные направления развития законодательства о суде присяжных, принятого в дополнение к Судебным уставам 1864 года. М. В. Немытина обозначает их таким образом: «1. Ограничение компетенции суда присяжных; 2. Обеспечение надлежащего состава скамьи присяжных; 3. Совершенствование процедуры судебного разбирательства с участием присяжных» [4, с. 113].

А. А. Демичев в целом соглашается с названием выделенных направлений, но вносит некоторые корректировки, расставляя акценты иным образом: «1. Изменение компетенции суда присяжных; 2. Изменение образовательного и социального состава присяжных заседателей; 3. Изменение процедуры судебного разбирательства с участием присяжных» [5, с. 71].

Одним из направлений развития законодательства, принятого в дополнение к Судебным уставам 1864 года, явилось изменение юрисдикции суда присяжных, начавшееся с принятия 9 мая 1878 года закона «О подсудности и порядке производства дел о государственных преступлениях», временно исключившего из компетенции присяжных такие преступления, как убийство и покушение на убийство должностных лиц, «нанесение им ран или увечий

и других насильственных против них действий» [6], сопротивление властям и т. п. Отметим, что принятие названного законодательного акта можно считать результатом оправдания 12 апреля 1878 года Санкт-Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей Веры Засулич, которой грозило от 15 до 20 лет лишения свободы за ранение градоначальника Ф. Ф. Трепова. Изъятые дела были переданы суду сословных представителей. Компетенция суда присяжных была сужена и законом от 7 июля 1889 года «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащих ведению судебных мест с участием присяжных заседателей».

Но компетенция присяжных не только ограничивалась: законодательный акт, утверждённый 11 мая 1882 года, «О порядке производства дел по некоторым преступлениям против порядка управления» включил в компетенцию суда присяжных ряд преступлений, которые ранее рассматривались судебными палатами с сословными представителями.

Необходимо упомянуть, что присяжные заседатели систематически оправдывали большинство обвинявшихся в мелких кражах со взломом и в нарушении паспортного контроля или признавали их заслуживающими снисхождения. Связано это было с тем, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных за данные преступления предусматривало весьма суровое наказание, в то время как присяжные не видели в них высокой общественной опасности. Для устранения подобных ситуаций законами от 18 мая 1882 года «Об изменении правил о наказании за кражу со взломом» и от 18 декабря 1885 года «О расширении подсудности судебно-мировых учреждений относительно некоторых проступков и нарушений, предусмотренных уложением о наказаниях» была уменьшена мера наказания за данные преступления. Таким образом, названные категории дел перешли в юрисдикцию мирового суда.

Как отмечал А. М. Бобрищев-Пушкин, «после 1889 года в компетенции присяжных осталось около 300 статей Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [7, с. 401], то есть объём их юрисдикции уменьшился на 10–15 процентов по сравнению с предыдущим периодом. На долю присяжных в данный период приходилось около 66 % всех разрешённых дел. Репрессивность суда присяжных почти не изменилась: она увеличилась лишь на 0,2 % и составила 64,5 %.

Одним из направлений реформирования суда присяжных в кризисный период являлось изменение образовательного и социального состава присяжных заседателей. Министерство юстиции на основе статистических данных пришло к выводу, что зачастую в коллегии присяжных входят вовсе не те представители общества, которых закон хотел бы рассматривать в качестве лиц, участвующих в отправлении правосудия. Для разрешения данной проблемы 12 июня 1884 года был принят временный акт «Об изменении постановлений о присяжных заседателях». Им был пересмотрен состав временных комиссий, которые со-

ставляли списки присяжных. Для этой цели отныне во Временные комиссии включались: «председатель съезда мировых судей, председатель уездной земской управы, городской голова, непреходящий член уездного по крестьянским делам присутствия, уездный исправник, местный товарищ прокурора окружного суда и полицмейстер [8]». Юридически данные лица участвовали лишь в составлении общих списков заседателей, фактически — и в формировании очередных списков.

Данные меры привели к положительным результатам: состав присяжных улучшился, а вердикты стали основательнее и обоснованнее. Временные положения были продлены на 1886 и даже 1887 годы.

На временные правила поступали замечания с мест, принимая их во внимание, законодатель 28 апреля 1887 года принял акт «Об изменении правил составления списков присяжных заседателей». Согласно статье 89 данного закона отныне по каждому уезду списки составлялись не временными комиссиями, а следующими лицами: «лиц, владеющих землёю или другим недвижимым имуществом, вносил в списки председатель уездной земской управы; лиц, владеющих недвижимым имуществом в городе, и купцов первой и второй гильдии — городской голова; лиц сельского состояния, занимавших должности сельского управления, — мировой посредник или непреходящий член уездного или окружного по крестьянским делам; всех прочих лиц — начальник уезда или городской полиции, а подданные состоящие на государственной и общественной службе, вносились полицией на основе сведений, полученных от начальства этих лиц» [9].

Для Москвы, Санкт-Петербурга и Одессы предусматривался другой порядок составления списков: сведения о чиновниках предоставляло их начальство, о купцах — купеческие старшины, о ремесленниках — ремесленные общины, об остальных — участковые приставы.

Очередные списки присяжных заседателей, по-прежнему, составлялись временными комиссиями, которые теперь действовали под председательством уездного председателя дворянства и состояли из лиц, включённых во временные комиссии актом от 12 июня 1884 года. В их работе принимало участие не менее трёх человек, которые специально назначались для этого уездными земскими собраниями каждый год. Председатель Временной комиссии получил право приглашать к участию в её работе судебных следователей и податных инспекторов.

Закон, принятый 28 апреля 1887 года, содержал в себе и другие нововведения, направленные на повышение качественного состава скамьи присяжных и на увеличение явки присяжных в судебное заседание. Так, были пересмотрены требования к кандидатам в присяжные заседатели. Вводился ценз грамотности: присяжные должны были уметь читать по-русски. Данное требование не должно было вызвать особых затруднений, так как за последние 20 лет уровень образованности населения повысился. Претерпел изменения и имущественный ценз. Строго фиксированный для землевладельцев ранее, минимум ко-

торого составлял 100 десятин, отныне он зависел от места расположения земельного участка. Для подданных Российской империи, имеющих доход от своего занятия, ремесла, капитала или промысла, а также для получавших содержание или пенсию на государственной или общественной службе, размер ценза увеличивался в два раза.

Важным является также то, что была отменена привилегия чиновников, которые занимали должности на государственной службе ниже пятого класса, становиться присяжными в обход имущественного ценза.

Перечисленные новшества привели к существенному улучшению состава присяжных заседателей. Из него были исключены малограмотные лица, а также малоимущие и недостаточно самостоятельные в своих суждениях. При этом крестьяне, как и ранее, составляли более половины заседателей.

Для обеспечения стабильной явки присяжных в суд ответственность за неявку была увеличена. Помимо штрафов, составляющих от 10 до 200 рублей, за непоявление судебного разбирательства присяжным в третий раз предусматривалась потеря права участвовать в выборах и быть избранным на должности, требующие общественного доверия. Данная мера была эффективной: например, явка в Нижегородском окружном суде в 1890-е годы была так высока, что зачастую не было нужды в запасных заседателях.

Исполнение обязанностей присяжного было весьма обременительным занятием для населения. Это осознавалось правительством, а потому оно принимало меры для облегчения данной обязанности. Так, произошло сокращение общего количества присяжных заседателей. Если раньше количество присяжных зависело от численности населения уезда, то теперь от числа сессий окружных судов, назначаемых на год (данное правило не распространялось на Москву и Санкт-Петербург). Было запрещено продолжать судебные заседания ночью, что также существенно облегчило положение присяжных.

Третье направление преобразования института присяжных заседателей было связано с совершенствованием процедуры судопроизводства с их участием. Удалось добиться улучшения функционирования института присяжных: заседатели получили право принимать участие в составлении вопросов, подлежащих их разрешению; их заявления при этом носили рекомендательный характер. Было ограничено право немотивированного отвода сторонами с шести-двенадцати заседателей (защита и обвинение могли отвести по 6 заседателей, но если прокурор не пользовался этим правом, то адвокат мог отвести до двенадцати человек) до трёх. Это уравнивало стороны, способствовало повышению стабильности состава скамьи присяжных, но в то же время ограничивало права подсудимых.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что, несмотря на изменения, коснувшиеся института присяжных, сама модель суда присяжных, созданная в ходе реформирования судебной системы в 1864 году, была сохранена.

А одним из результатов кризиса судебной системы стало появление оригинального российского варианта суда присяжных, в большей степени отвечающего требованиям русской действительности.

Литература:

1. Кизеветтер, А. А. Исторические очерки: из истории политических идей. — Москва: ОКТО, 1912. — 502 с.
2. Краковский, К. П. Судебная контрреформа второй половины 19 века: историография и историко-правовые проблемы // Исторические исследования. — 2015. — № 3. — с. 43–135.
3. Демичев, А. А. Судебная контрреформа или кризис судебной системы России в 70–80-е годы 19 века (Новый взгляд на решение старой проблемы) // Государство и право. — 2012. — № 10. — с. 66–73.
4. Немытина, М. В. Российский суд присяжных. — М.: БЕК, 1995. — 218 с.
5. Демичев, А. А. Кризис суда присяжных в России 1878–1888 годов: причины, направления, результаты // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. — 2012. — № 17. — с. 70–74.
6. Полное собрание законов Российской империи // nlr URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1092&ra..@im=4 (дата обращения: 06.12.2019).
7. Бобрищев-Пушкин, А. М. Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. — М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1896. — 626 с.
8. Полное собрание законов Российской империи // nlr URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1471&ra..@im=4 (дата обращения: 06.12.2019).
9. Полное собрание законов Российской империи // nlr URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=1517&ra..@im=4 (дата обращения: 06.12.2019).

Роль нотариуса в создании наследственного фонда

Щеткина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

Сама по себе процедура составления и нотариального удостоверения завещания, предполагающего создание наследственного фонда, имеет ряд своих особенностей. Эти особенности, а также роль нотариуса в создании наследственного фонда и будут рассмотрены в данной статье.

Ключевые слова: наследственный фонд, ГК РФ, условие управления, нотариус, создание фонда.

The very procedure of compiling and notarizing a will, which involves the creation of a hereditary fund, has a number of its own characteristics. These features, as well as the role of a notary in the creation of a hereditary fund, will be considered in this article.

Keywords: hereditary fund, Civil Code of the Russian Federation, condition of management, notary public.

Неэффективное доверительное управление наследственным имуществом, его растрата и прочее — это меньшие из проблем, с которыми сталкиваются наследники, возможность решения которых теперь заложена в новых нормах Гражданского кодекса со вступлением в силу двух Федеральных законов: «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [2] и «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» [3].

Для того, чтобы понять суть новых механизмов и в чём же их преимущество, следует проанализировать наиболее существенные положения этих норм.

Очень важно, что теперь наследственный фонд в завещании можно указывать как наследника, главное отличие которого от других юридических лиц в том, что он

не существует на момент открытия наследства, а появляется только после смерти наследодателя для управления его имуществом, которое он наследует (ст. 123.20–1 ГК РФ [1]).

В первую очередь, следует понимать, что такое завещание — это достаточно сложный составной документ, включающий в себя как таковое решение завещателя об учреждении наследственного фонда, устав такого фонда и условия управления им, он должен быть составлен в трех экземплярах, два из которых должны храниться у нотариуса, который его удостоверил (п. 5 ст. 1124 ГК РФ [1]).

Кроме того, при регистрации факта удостоверения завещания в реестре нотариальных действий единой системы нотариата, что предполагает присоединение электронного образа нотариально оформленного документа

(п. 35 Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата [6]), электронные образы текста завещания, решения об учреждении фонда, устава фонда и условий управления им должны присоединяться отдельными файлами (письмо Федеральной нотариальной палаты от 29 августа 2018 г. № 4299/03–16–3 [7]). Это позволяет, при оформлении прав наследственного фонда, соблюсти нотариальную тайну в отношении других, содержащихся в завещании, распоряжений наследодателя при подаче заявления о регистрации наследственного фонда. Именно поэтому электронные образы самого завещания и условий управления фондом в уполномоченный орган — территориальный орган Минюста России — не направляются, несмотря на то, что законом и предусмотрена необходимость приложения к этому заявлению только электронных образов решения об учреждении наследственного фонда и его устава (п. 2 ст. 123.20–1, п. 5 ст. 1124 ГК РФ [1]).

Нотариус, ведущий дело, обязан подать заявление о регистрации наследственного фонда в течение трех дней со дня открытия наследственного дела после смерти завещателя. До этого он должен предложить лицам, указанным в решении об учреждении наследственного фонда в качестве единоличного исполнительного органа и членов коллегиальных органов фонда, занять соответствующие свои позиции и получить их согласие на вхождение в состав органов этого фонда (п. 3 ст. 123.20–2 ГК РФ [1]). При невыполнении нотариусом указанных действий, фонд может быть создан в судебном порядке по требованию душеприказчика или выгодоприобретателя (п. 2 ст. 123.20–1 ГК РФ [1]).

Если лица, указанные в решении об учреждении наследственного фонда, отказываются войти в состав органов этого фонда, нотариус не сможет направить заявление о его создании в регистрирующий орган и исполнить обязанность по передаче одного из двух экземпляров такого завещания, хранящихся у удостоверившего его нотариуса, единоличному исполнительному органу этого фонда (п. 5 ст. 1124 ГК РФ, ч. 6 ст. 63.2 «Основ законодательства о нотариате» [5]). Кроме того, фонд можно будет зарегистрировать, при условии, что в течение одного года от момента открытия наследства, появится возможность сформировать органы этого фонда (абз. 4 п. 2 ст. 123.20–1 ГК РФ, ч. 4 ст. 63.2 «Основ законодательства о нотариате» [5]).

Литература:

1. Федеральный закон от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья, Раздел V. Наследственное право)» (в ред. от 18.03.2019 г.) [Электронный ресурс] / — СПС Консультант-Плюс — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/, свободный (дата обращения: 05.12.2019 г.).
2. Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (вступил в силу с 01.09.2018 г.) [Электронный ресурс] / — СПС КонсультантПлюс — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221221/, свободный (дата обращения: 05.12.2019 г.).

Таким образом, перечисленные нормы существенно расширяют возможности потенциальных наследодателей по распоряжению своим имуществом.

Так, самое главное ответственное лицо, в данном случае — это нотариус, поскольку для отправки документации в органы государственного учета ему дается всего три дня.

Действия нотариуса при этом — следующие: кроме указанного, нотариус обязан доставить и личное заявление о регистрировании наследственного фонда, и так как это уже дополнительная нагрузка для него, такие услуги и стоят дороже, чем при составлении и заверении привычного всем завещательного распоряжения.

Последовательность действий нотариуса после того, как к нему пришёл наследник со Свидетельством о смерти наследодателя:

- открывает наследственное дело (не нужно это отождествлять с открытием наследства);

- в трёхдневный срок подготавливает и передает документацию по созданию наследственного фонда в соответствующий территориальный государственный регистрационный орган;

- далее он или по сути контролирует соблюдение завещания, или отстраняется, если вступает душеприказчик;

- в итоге всего, нотариус выдает уже созданному фонду свидетельство о праве на наследство, и если нотариус бездействует, фонд это оспаривает.

На этом роль нотариуса в создании наследственного фонда исчерпывается.

Действия нотариуса быть оспорены и другими участниками наследственного дела, если они считают, что такие его действия не отвечают воле наследодателя, и — уже в суде — может ставиться вопрос о невозможности создания фонда и дальнейшем стандартном разделе имущества, по этой причине.

Учитывая то, что речь в данной статье об управлении наследственным имуществом еще не созданным юридическим лицом (п. 5 ст. 123.20–1 ГК РФ [1]), составления таких завещаний в больших количествах пока нет оснований, поскольку сейчас целесообразней предоставить гражданам право создавать в целях управления их имуществом личные (прижизненные) фонды, которые после их смерти станут наследственными. Предусматривающий такую возможность законопроект уже находится на рассмотрении Госдумы [4].

3. Федеральный закон от 19.07.2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (вступил в силу с 01.06.2019 г.) [Электронный ресурс] / — СПС КонсультантПлюс — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302862/, свободный (дата обращения: 05.12.2019 г.).
4. Проект Федерального закона № 499538–7 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 29.06.2018 г.) [Электронный ресурс] / — СПС КонсультантПлюс — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=173154#05672319191119275>, свободный (дата обращения: 05.12.2019 г.).
5. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462–1) (ред. от 26.07.2019 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019 г.) [Электронный ресурс] / — СПС КонсультантПлюс — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/, свободный (дата обращения: 05.12.2019 г.).
6. Приказ Минюста России от 17.06.2014 г. № 129 (в ред. от 28.06.2019 г.) «Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата» (вместе с «Порядком ведения реестров единой информационной системы нотариата», утв. решением Правления ФНП от 02.06.2014 г., приказом Минюста России от 17.06.2014 г. № 129) (Зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2014 г. № 32716) [Электронный ресурс] / — СПС КонсультантПлюс — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164438/, свободный (дата обращения: 05.12.2019 г.).
7. Письмо ФНП от 29.08.2018 г. № 4299/03–16–3 «О порядке учреждения нотариусами наследственных фондов» [Электронный ресурс] / — PPT.RU — Нормативно-правовые акты — Письма — Режим доступа: <https://ppt.ru/docs/pismo/fnp/p-4299-03-16-3-204099>, свободный (дата обращения: 05.12.2019 г.).

Некоторые аспекты взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами

Щигорец Людмила Александровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассмотрены понятие, принципы и формы взаимодействия следователей Следственного комитета с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность при раскрытии и расследовании таких преступлений как убийство. Приведён перечень основных следственных и оперативно-розыскных мероприятий, проводимых совместно на первоначальной стадий при расследования уголовного дела.

В настоящее время основной задачей правоохранительных органов является быстрое и качественное раскрытие и расследование преступлений, выявление и установление лиц их совершивших.

Особенную сложность приобретает решение поставленной задачи, в ситуациях совершения преступления в условиях неочевидности или при совершении преступления заранее организованного и спланированного.

Для расследования преступлений в подобных ситуациях целесообразно организовывать расследование с участием сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Следователь подразделений СК России и оперативный сотрудник, находясь в разных структурных подразделениях, обязаны иметь налаженную, хорошо организованную работу. От того насколько налажена работа следственных и оперативных подразделений зависит исход расследования уголовного дела.

Совместная деятельность следственных органов и оперативно-розыскных подразделений традиционно именуется их взаимодействием и базируется на нормах УПК РФ, ФЗ об ОРД, ведомственных нормативных актах.

В специальной литературе существуют различные подходы к определению понятия взаимодействия. В частности, Р. С. Белкин определял его как «одну из форм организации расследования преступлений, заключающуюся в сотрудничестве следователя с органом дознания, согласованном по целям, месту и времени. Осуществляется в пределах их компетенции в целях полного и быстрого раскрытия преступлений, всестороннего и объективного расследования уголовного дела и розыска скрывшихся преступников, похищенных ценностей и иных объектов, существенных для дела» [1].

Т. А. Паутова отмечает же, что под взаимодействием следует понимать «организованную, согласованную по целям, планируемую по месту и времени совместную де-

тельность следователей и органов дознания, основанную на законе и подзаконных актах, целесообразно сочетающую оперативно-розыскные и процессуальные функции органов дознания с процессуальными действиями следователя, при его руководящей и организующей роли и четком разграничении компетенции взаимодействующих субъектов» [2].

Мы же полагаем, что под взаимодействием следователей и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, следует понимать совместную согласованную по целям и задачам деятельность, направленную на своевременное раскрытие и расследование совершенных преступлений, где каждый из участвующих органов является самостоятельным, но действующим в строгом подчинении следователя — как руководителя следственно-оперативной группы.

Исходя из предложенного определения, можно выделить принципы, на основании которых должно строиться взаимодействие указанных органов:

- а) законность, т. е. взаимодействие должно осуществляться в соответствии с законом;
- б) подследственность, разграничение компетенции субъектов взаимодействия;
- в) руководящая и организующая роль следователя;
- г) самостоятельность субъекта взаимодействия в выборе средств и методов своей работы;
- д) планоность и динамичность взаимодействия.

В специальной литературе выделяют формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями:

- а) процессуальная форма взаимодействия состоит: в выполнении розыскных действий и оперативно-розыскных мероприятий органами дознания по поручению или постановлению следователя или же в выполнении отдельных следственных действий. Кроме того к указанной форме взаимодействия относят оказание органом дознания содействия следователю при производстве им следственных действий (таких как: 1. содействие при производстве осмотра в обследовании отдельных участков местности, помещений, 2. помощь при проведении обыска — поиск разыскиваемых объектов самостоятельно или совместно со следователем и т. д.).

- б) Непроцессуальная форма взаимодействия: к такой форме можно отнести совместную информационно-аналитическую работу, выдвижение следственных и оперативно-розыскных версий, взаимный обмен информацией о результатах следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и др.

И если правовым началом взаимодействия этих двух подразделений служит буква закона, то на практике взаимодействие следователя и оперативника начинается со звонка дежурного из полиции.

Итак, в данной статье мы хотим показать на примере расследования убийства то, насколько необходимо следователю иметь хорошо налаженное взаимодействие с оперативниками.

Получив сообщение о том, что было совершено преступление, в нашем случае это убийство, на место происшествия незамедлительно выезжает следственно-оперативная группа в составе: следователя Следственного комитета, (ведь именно к подследственности Следственного комитета законодатель отнес расследование преступлений предусмотренных ст. 105 УК), оперативного сотрудника, как правило их несколько, судебно-медицинского эксперта и криминалиста.

Прибыв на место происшествия, оперативник совместно со следователем выясняет обстоятельства произошедшего, проводит первоначальный опрос лиц, обнаруживших труп либо явившихся очевидцами совершенного преступления, и передает полученные объяснения следователю. Далее сотрудники оперативного подразделения проводят мероприятия, направленные на установление лица, совершившего преступление. Следователь в это время производит осмотр места происшествия, ведь именно осмотр в дальнейшем будет отправной точкой при расследовании уголовного дела.

Осмотр места происшествия следователь проводит с участием судебно-медицинского эксперта который помогает описать труп, (его позу, характер раны, возможно судебно-медицинский эксперт сможет дать предварительное заключение о смерти трупа (ведь не всегда ножовое ранение может находиться в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти)). Криминалист помогает следователю обнаружить, изъять и упаковать следы, обнаруженные при осмотре места происшествия (изъять кровь, орудие преступления, следы пальцев и т. д.).

После проведенного осмотра и установления оперативным сотрудником личности потерпевшего, начинается активное взаимодействие оперативника и следователя.

Оперативные сотрудники проводят следственно-оперативные мероприятия в рамках ФЗ об ОРД: опрос, наведение справок, если же преступление не удастся раскрыть быстро и оно становится «долгоиграющим», то оперативные сотрудники собирают образцы для сравнительного исследования, устанавливают наблюдение за возможным преступником, прослушивают телефонные переговоры, осуществляют контроль почтовых отправлений и т. д. Вся полученную информацию в рамках оперативно-розыскных мероприятий они передают следователю, в производстве которого находится расследуемое уголовное дело.

При установлении лица, совершившего преступление, оперативные сотрудники незамедлительно доставляют подозреваемого к следователю, который к этому моменту уже вынес постановление о возбуждении уголовного дела на основании материалов доследственной проверки.

Следователь совместно с оперативными сотрудниками проводит следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего и закрепления доказательственной базы. В связи с этим, в ближайшие 24 часа со времени установления лица, совершившего преступление, следователь допрашивает лицо

совершившее преступление в качестве подозреваемого, выясняя детально все обстоятельства произошедшего, отбирает у подозреваемого образцы для сравнительного исследования, проводит проверку показаний на месте, при необходимости проводится следственный эксперимент. После этого следователь задерживает подозреваемого в рамках ст. 91 УПК РФ.

При выполнении перечисленных выше действий совместно со следователем находится оперативный сотрудник, который оказывает оперативное сопровождение, так как совершённое преступление относится к категории особо тяжких.

После того как следователь задерживает подозреваемого в соответствии со ст. 91 УПК РФ, на следующий день, как правило, следователь предъявляет обвинение подо-

зреваемому. На протяжении расследования следователь устанавливает свидетелей совершенного преступления, если ему это не удастся сделать самостоятельно, то он направляет письменное поручение оперативному подразделению, что является еще одной формой взаимодействия следователя и оперативника.

Если же преступление не удалось раскрыть в ближайшие сутки, то следователь и оперативный сотрудник составляют план первоначальных следственных действий, которые необходимо провести для того, что бы преступление было раскрыто в максимально короткие сроки.

Таким образом, от того насколько качественно будет налажена работа следователя и оперативного сотрудника зависит как быстро и качественно будет раскрыто преступление.

Литература:

1. Белкин, Р.С. Криминалистика: Учебный словарь-справочник / Р.С. Белкин. — М.: Юристъ, 1999.
2. Паутова, Т.А. Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел: / Т.А. Паутова. — Тюмень, 2005.

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 49 (287) / 2019

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 18.12.2019. Дата выхода в свет: 25.12.2019.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.